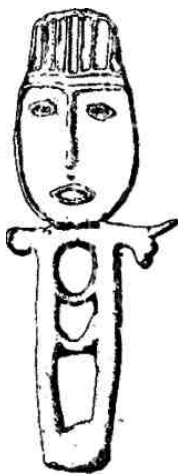


РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ



№ 3 (35) 2016

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой информации.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Баринаева Е.Б., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б.,
Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Казьмина О.Е., Каландаров
Т.С., Мартынова М.Ю., Макеева А.И. (отв. секретарь), Халдеева Н.И., Харламова Н.В.,
Чешко С.В. (гл. редактор).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ),
Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Пашалы П.М. (Республика
Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США),
Тумаркин Д.Д. (РФ), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Чае-ван Лим
(Республика Корея), Чешко С.В. (РФ), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович

8 (495) 954 93 63

8 (495) 125 62 52

odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Чешко Сергей Викторович

8 (495) 954-83-29

8 (916) 288-63-04

ieamoscow@mail.ru

По вопросам оформления статей

Белова Наталья Андреевна

belovanatalia2009@yandex.ru

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2016

© Журнал «Вестник антропологии», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Физическая (биологическая) антропология

- Боруцкая С.Б.* Пропорции и массивность мужских скелетов из погребений эпохи ранней бронзы Самарского Поволжья. 5
- Пестряков А.П., Федорчук О.А.* Изменчивость некоторых параметров черепной коробки по сериям, близким к современности с территории Северной Евразии. 11

Этнополитические исследования

- Ван Цзяньган.* Межэтнические отношения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. 27
- Герасимов Н.Г.* Представления сирийской интеллигенции о национальной идентичности (сирийская община в Москве). 54

Среднеазиатские исследования

- Курбанова З.И.* Традиционные верования и представления каракалпаков, связанные с одеждой и украшениями. 64
- Наумова О.Б.* Поведение девушек в традиции умыкания (по материалам Кыргызстана). 74
- Фиерман У.* «Большое интервью с профессором Фиерманом о языковой политике в Центральной Азии». 92

Антропологическая мозаика

- Arutiunov S.A.* Triple laws and quasi-states in the Caucasus. 109
- Зельницкая (Шларба) Р.Ш.* Изменение ценностных ориентиров современной абхазской молодежи 114

Для студентов и аспирантов

- Пушкарева Н.Л.* Научное направление «история повседневности» в отечественной и зарубежной историографии (к оценке итогов историко-антропологического поворота в социальных науках) 121
- Программа кандидатского экзамена «Этнография, этнология и антропология» послевузовского профессионального образования в аспирантуре ИЭА РАН по направлению 46.06.01 Исторические науки и археология. 141

Наши юбиляры

- Мокшина Е.Н., Сушкова Ю.Н.* Жизнь, посвященная финно-угроведению: к 80-летию Николая Федоровича Мокшина. 164

Памяти ученого

Герасимова М.М. Об антропологе Леониде Теодоровиче Яблонском. 173

Рецензии

Чешико С.В. Рец. на: Indigenous language revitalization in the Americas / Edited by Serafin M. Coronel-Molina, Teresa L. McCarty. Routledge: New York and London, 2016. – 330 p. 181

Ямпольская Ю.А. Рец. на: *Строкина А.О.* О российских анатомах-эпонимистах. Saarbrücken, Deutschland: Lap Lambert Academic Publishing, 2015. – 111 с. 186

ФИЗИЧЕСКАЯ (БИОЛОГИЧЕСКАЯ) АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 904+572

© С.Б. Боруцкая

**ПРОПОРЦИИ И МАССИВНОСТЬ МУЖСКИХ СКЕЛЕТОВ ИЗ
ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ
САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ***

В статье приводятся результаты исследования остеологии мужских скелетов из погребений ямной культуры эпохи бронзы Самарского Поволжья. Изученные индивиды по большей части имели возраст смерти старше 40 лет. Остеологической характеристикой мужской части группы является: среднее соотношение длины верхних и нижних конечностей, несколько удлиненное плечо относительно бедра, нормальное по относительной длине или немного укороченное предплечье по сравнению с плечом, среднеширокие и чаще низкие тазы. Мужчины характеризовались длиной тела чаще средней и выше среднего, нередко рост был даже высоким. По степени массивности костей конечностей был выявлен факт средне-массивных ключиц, средне-массивных или грацильных плечевых и локтевых костей, очень массивных лучевых и нередко бедренных костей, средне- и высоко-массивных большеберцовых костей. Также отмечается сильная уплощенность диафиза лучевых костей, слабая или средняя степень укрепления локтевых костей в верхней части тела, сагиттальная уплощенность бедренных костей в верхнем ярусе диафиза, а также умеренное или слабое укрепление бедренной кости в средней части диафиза.

Ключевые слова: *остеология, пропорции конечностей, массивность костей скелета, диафиз, эпифиз, эпоха бронзы, ямная археологическая культура.*

Археологические раскопки курганных групп Самарского Поволжья позволили получить богатейший антропологический костный материал из погребений, относящихся к ямной культуре эпохи бронзы (ранняя бронза, датировка 35–28 вв. до н.э.). Эти погребения известны из могильников: Кашпир, Нижняя Орлянка, Орловка I, Полудни, Лещевский, Лопатино I, Грачевка II, Кутулук I, Николаевка III, Курманаево III, Полудни. В данных курганных могильниках в общей сложности было обнаружено 24 погребения ранней бронзы. 22 скелета принадлежали мужчинам в возрастном интервале от 18 до 50+ лет. Возраст скелетов определялся по разным методикам, в том числе по методикам В.И. Пашковой (Пашкова 1963). Один из скелетов был женским и один детским, в данном исследовании эти скелеты не участвовали.

Целью работы было проведение остеологического исследования мужских костяков из погребений ямной культуры эпохи бронзы Самарского Поволжья.

Боруцкая Светлана Борисовна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник кафедры антропологии биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ №15-06-01916.

В наши задачи входило определение индексов пропорций конечностей, соотношения ширины плеч и таза, индексов массивности и степени укрепленности, или прочности, костей конечностей, анализ массивности концевых отделов костей и эпифизов, реконструкция прижизненной длины тела мужчин-ямников Самарского Поволжья.

По сообщению А.А. Хохлова, черепа ямников в совокупности представляют собой довольно однородную серию и описываются, как гиперморфные, мезокранные, резко профилированные. Люди ямной археологической культуры в последующем времени, вероятно, явились пластом, на основе которого формировалось население средней бронзы, в лице носителей Полтавкинской культуры.

Посткраниальные скелеты и черепа исследуемой группы, к сожалению, чаще имели очень плохую сохранность. Нередко восстановить длину костей можно было лишь воспользовавшись методикой Н.Н. Мамоновой (Мамонова 1968). Часть скелетов были вполне сохранными, но абсолютно полных скелетов в погребениях обнаружено не было. На основе измерений костей посткраниального скелета, а в ряде случаев и восстановления их исходных размеров, было проведено вычисление индексов пропорций конечностей и некоторых соотношений размеров туловища. Для сравнения мы использовали данные о вариациях различных индексов пропорций конечностей, также, как и массивности, прочности и укрепленности, для человека современного типа, взятые из работ Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина, Е.Н. Хрисанфовой, В.П. Алексева (Алексеев 1966; Рогинский, Левин 1978; Хрисанфова 1978). Была, также, рассчитана прижизненная длина тела. Результаты вычисления индексов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Средние значения и размах вариаций индексов пропорций конечностей, некоторых других показателей, прижизненной длины тела

Индекс	n	X	min	max
Интермембральный	11	69,07	65,38	71,48
Плече-бедренный	12	71,27	68,00	73,36
Луче-берцовый	14	66,54	62,27	70,18
Луче-плечевой	13	76,56	72,26	78,90
Берцово-бедренный	13	82,10	77,64	86,98
Ключично-плечевой	8	46,37	43,24	49,42
Формы лопатки	3	65,62	62,43	68,39
Ширина плеч (см)	9	37,0 см	31,2 см	43,2 см
Плече-ростовой	8	21,50	19,15	24,17
Ширина таза (см)	7	29,3 см	29,1 см	32,8 см
Тазовый индекс	7	80,11	75,91	84,19
Тазо-ростовой	6	16,83	16,38	18,28
Тазо-плечевой	5	76,95	70,60	82,81
Крестцовый	4	123,05	113,62	144,41
Прижизненная длина тела	20	173,1 см	160,7 см	184,9 см

Пропорции конечностей

По *интермембральному индексу* мужчины из всех курганов характеризовались средними индексами соотношения длины рук и ног, что в целом характерно для континентального адаптивного типа человека. У мужчин из Кутулук к. 3 п. 1 и Полудни к.7 (так называемый «масочник») можно отметить некоторую укороченность верхних конечностей по сравнению с нижними.

По *плече-бедренному индексу* чаще можно констатировать среднее и выше среднего соотношение плеча и бедра. Для индивида из Кутулук к. 3 п. 1 получено иное соотношение – в пользу бедра (индекс – 68,0).

Луче-берцовый индекс у этого же индивида оказался наименьшим, что соответствует относительно более длинному предплечью по сравнению с голенью в рамках индексов для человека современного типа. Интересно, что именно у этого индивида в итоге получилось самое наименьшее соотношение длины руки к ноге, а, то есть, именно он был в популяции самым длинноногим. Что касается остальных скелетов, то по этому индексу мы наблюдаем полную картину вариантов значений для современного человека без каких-либо тенденций.

Луче-плечевой показатель выявил, в большинстве случаев, среднее соотношение длины предплечья и плеча, а также варианты укороченного предплечья по сравнению с плечом (особенно у индивида из Лопатино I к. 35 п. 1 (скелет 1)).

По *индексу отношения длины голени к длине бедра (берцово-бедренному)* ничего закономерного между скелетами из разных могильников эпохи ранней бронзы не наблюдается. В выборке представлены всевозможные варианты, а средняя цифра соотношения не имеет смысла.

Отношение длины ключицы к длине плеча оказалось, в целом, средним или немного ниже среднего. То есть, если представлять себе ширину плеч относительно длины плечевых костей, то мужчины данной популяции должны были бы характеризоваться или узкоплечестью или средней шириной плеч. Это в какой-то мере подтверждают *индексы относительной ширины лопаток*, хотя таких наблюдений у нас очень мало. Абсолютная величина *ширины плеч* соответствует цифрам от 31,23 см до 43,2 см. В основном, это величины средней ширины плеч или ниже среднего. И лишь в одном случае, у индивида из могильника Нижняя Орлянка (к. 1 п. 4) можно отметить широкоплечесть, именно у него эта цифра составила 43,2 см. Индивид, для которого была определена ширина плеч 31,2 см (Орловка I к. 2. п. 2) отличался особой грацильностью. Именно для него получен и наименьший ключично-плечевой индекс. Кстати, и ширина таза у него оказалась минимальной – 24,5 см, и прижизненная длина тела – всего 160,7 см.

Анализ *абсолютной и относительной ширины таза*, пожалуй, в большинстве случаев говорит о средней величине таза. В одном случае, индивида отличала сильная узкотазость (тот самый индивид из могильника Орловка I к. 2. п. 2). К сожалению, для всех скелетов не было возможности определить ширину таза, из-за сильной фрагментарности тазовых костей. Индексы ширина таза и абсолютная ширина были определены только для семи индивидов, поэтому характеристика популяции в целом не совсем достоверна. В некоторой степени можно констатировать чуть большую широкотазость индивидов из курганной группы Нижняя Орлянка и Лопатино I. Об этом говорят и величины тазовых индексов, имеющих вообще значения такие, какие должны быть у женщин, и все же не малые значения абсолютной ширины. Следует заметить, немного забегаая вперед, что и прижизненная длина тела у них

оказалась значительной. То есть, вероятно, и в целом этих людей характеризовали и отличали крупные габариты.

Прижизненная длина тела, вычисленная по формулам Бунака, Пирсона и Ли, Дюпертюи и Хеддена (Алексеев 1966), продемонстрировала широкий размах вариаций: от 160,7 см (ниже среднего) до 185 см (высокого). Большинство индивидов были выше 170 см, у нескольких индивидов рост был ниже. Таким образом, схожести по данному показателю между индивидами популяции ямников Самарского Поволжья не наблюдается, даже среди погребенных хотя бы одной курганной группы.

Массивность скелетов конечностей

Результаты вычисления индексов массивности и укрепленности (прочности) костей конечностей представлены в таблице 2.

Таблица 2

Индексы массивности и укрепленности костей конечностей

Индекс	n	X	min	max
Ключичный 6/1	10	26,03	22,22	31,25
Плечевой кости 7/1	14	19,78	18,13	21,07
Лучевой кости 3/1	14	17,80	16,50	19,17
Сечения луч. кости 5/4	14	62,29	55,30	81,58
Локтевой кости 3/2	13	16,84	14,68	21,43
Сечения локтевой кости 13/14	14	78,33	67,31	91,38
Бедренной кости 8/2	14	19,95	18,53	22,03
Пилястрии бедра 6/7	17	98,66	82,14	112,50
Прочности бедра (6+7)/2	15	12,80	11,59	14,13
Плагимерии бедра 10/9	17	72,31	63,64	84,32
Большеберцовой к. 10/1	15	23,26	22,08	26,61
Большеберц.кости 10b/1	15	21,39	19,75	24,72
Расширен.серед.диаф.9/8	15	69,13	51,39	88,24
Платикнемии б/б/к 9a/8a	15	66,79	51,16	76,25

Массивность ключиц в основном была средней. Выделяется особо грацильными ключицами из общей группы индивид из погребения к.1 п.4 могильника Нижняя Орлянка. Данный вывод делается исключительно на основе величины индекса массивности ключиц. На самом деле следует иметь в виду, что именно у этого индивида отмечена наибольшая ширина плеч и высокий прижизненный рост, и, соответственно, очень длинные ключицы, отчего индекс в итоге получается небольшим. Интересно, что и останки мужчины с самыми массивными ключицами находились в этом же 4 кургане (п.2). К сожалению, именно для этого индивида не удалось определить прижизненную длину тела.

Плечевые кости всех индивидов из разных могильников были или среднемассивными или грацильными.

Лучевые кости оказались довольно массивными (выше среднего) и даже иногда очень массивными (особенно у индивида из могильника Орловка I, к.2 п.1). При этом кости абсолютно всех индивидов были сильно уплощенными, с хорошо развитым межкостным краем.

Локтевые кости массивны по-разному. Чаще – средне- или слабомассивны. И лишь индивид из Лопатино I к.31 п.1 отличался очень массивными локтевыми костями. В верхней части диафиза у всех индивидов локтевые кости укреплены чаще всего или слабо, или средне. Исключение – один индивид из могильника Кашпир.

Массивность бедренных костей – средняя, выше среднего или даже сильная.

Индекс пиялястрии бедра в подавляющем большинстве случаев близок к 100%, нередко он довольно низок. То есть, задний пиялястр бедра чаще всего выражен недостаточно или даже слабо, собственно говоря, как и шероховатость на нем. И лишь у одного индивида, из могильника Нижнеорлянский к.1. п.4 пиялястр развит намного лучше. Следует заметить, что именно у него отмечена, при всем при том, наименьшая массивность бедренных костей.

Интересно, что практически у всех индивидов наблюдается значительная сагиттальная уплощенность костей сверху – выраженная платимерия. В этом плане не похожи на остальных индивиды из погребений: мог. Полудни к.2 п.6 и мог. Лещевский к.3 п.1.

Большеберцовые кости характеризовались средней или повышенной массивностью, особенно у индивида из могильника Полудни к.2 п.6; у него же, кстати, мы ранее отмечали особую массивность и укрепленность бедренных костей. Большеберцовые кости у него же сильно зурикнемичны. Достаточно массивны большеберцовые кости оказались и у индивида из погребения мог. Кутулук I к.3. п.4. У всех остальных степень платикнемии разная. У индивидов из могильников Лопатино I и Кашпир имеются очень сильно уплощенные, выражено платикнемичные, саблевидные большеберцовые кости. Индексы платикнемии у них предельно низки.

Таким образом, исследование пропорций скелета и его массивности у представителей ямной археологической культуры эпохи бронзы Самарской области выявило следующие общие характеристики группы:

1. среднее соотношение длины верхних и нижних конечностей, несколько удлиненное плечо относительно бедра, нормальное по относительной длине или немного укороченное предплечье по сравнению с плечом, среднеширокие и чаще низкие тазы. Мужчины характеризовались длиной тела чаще средней и выше среднего, нередко рост был даже высоким.
2. относительно степени массивности костей конечностей был выявлен факт средне-массивных ключиц, средне-массивных или грацильных плечевых и локтевых костей, очень массивных лучевых и нередко бедренных костей, средне- и высоко- массивных большеберцовых костей.
3. отмечается сильная уплощенность диафиза лучевых костей, слабая или средняя степень укрепленности локтевых костей в верхней части тела, сагиттальная уплощенность бедренных костей в верхнем ярусе диафиза, а также умеренное или слабое укрепление кости в средней части.

Литература

- Алексеев 1966 – Алексеев В.П. Остеометрия. М., 1966.
- Мамонова 1968 – Мамонова Н.Н. Определение длины костей по их фрагментам // Вопросы антропологии, 1968. Вып. 29. С. 171–177.
- Пашкова 1963 – Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. С. 66–71.
- Рогинский, Левин 1978 – Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978. С. 34–45.

Хрисанфова 1978 – Хрисанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета человека. М.: Издательство Московского университета, 1978. С. 57–74.

References

Alekseev V.P. Osteometriia. Moscow, 1966.

Mamonova N.N. Opredelenie dliny kostei po ikh fragmentam // Voprosy antropologii, 1968. No. 29. Pp. 171–177.

Pashkova V.I. Ocherki sudebno-meditsinskoi osteologii. Moscow: Medgiz, 1963. Pp. 66–71.

Roginskii Ia.Ia., Levin M.G. Antropologiiia. Moscow: Vysshaia shkola, 1978. Pp. 34–45.

Khrisanfova E.N. Evoliutsionnaia morfologiia skeleta cheloveka. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1978. Pp. 57–74.

S.B. Borutskaya. Proportions and robusticity of man's skeletons of burials of the early Bronze Age of the Samara Volga region.

The article deals with results of osteology research of man's skeletons from early Bronze Age burials of the Samara Volga region. The studied individuals generally had age of death over 40 years old. The male part of group is characterized by the average parity of length of the top and bottom limbs, little extended shoulder concerning a hip, normal on relative length or a bit truncated forearm in comparison with a shoulder, middle wide and more often low pelvis. Men were characterized by more often average and above an average length of a body, quite often growth was even high. On degree of limb bones massiveness the facts of middle-robusticity clavicles, middle-robusticity or gracile humeral and elbow bones, very massive beam and frequent femurs, middle- and is high- massive tibiae have been elicited. Strong flatness of beam bone's diaphysis, weak or average degree durability of elbow bones in the top part of a body, sagittal flatness of femurs in the top circle diaphysis and also the moderate or weak strengthening of a femur in an average part of diaphysis are also marked.

Keywords: *osteology, proportions of limbs, robusticity of skeleton bones, diaphysis, epiphysis, Bronze Age, Yamnaya archaeological culture.*

© А.П. Пестряков, О.А. Федорчук

ИЗМЕНЧИВОСТЬ НЕКОТОРЫХ ПАРАМЕТРОВ ЧЕРЕПНОЙ КОРОБКИ ПО СЕРИЯМ БЛИЗКИМ К СОВРЕМЕННОСТИ С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Работа посвящена изучению некоторых метрических параметров черепной коробки и их индексов. Особое внимание уделено внутригрупповой и межгрупповой изменчивости поперечных размеров черепной коробки и их попарному соотношению. Всего было изучено 9 краниологических серий (мужские черепа), из которых 5 были измерены одним из авторов, а данные по другим 4 сериям взяты из литературы. Краниологические серии выбирались с целью охватить максимальную территорию Северной Евразии, и с учетом их расового разнообразия. Среди изученных групп наибольшую разграничительную способность показали два индекса: 1) степень посторбитального сужения – отношение наименьшей ширины лба к верхней ширине лица (М.9:М.43) и 2) относительная степень расширения лобной чешуи – отношение наибольшей ширины лобной кости к ширине основания черепа (М.10:М.11). Согласно нашему исследованию эти признаки достаточно отчетливо различают наиболее монголоидные краниологические серии (ханты, эскимосы, казахи) от наиболее европеоидных (армяне, осетины, латыши). Краниологические серии менее определенного расового облика (лопари, ногайцы, башкиры) занимают промежуточное положение. Основные краниологические параметры черепной коробки суммарной серии, объединяющей 9 изученных групп мы рассмотрели на панойкуменном фоне, т.е. в сравнении с голарктидами, пацифидами и тропидами. Дендрограмма показала исключительную близость нашей объединенной серии с панойкуменным краниотипом голарктидов, при значительном отдалении от двух других панойкуменных краниотипов – пацифидов и, особенно, тропидов. Девять изученных нами краниологических серий были разделены на четыре группы: наиболее европеоидные, наиболее монголоидные, метисные и отдельно серия эскимосов. Эти объединения мы вновь сравнили с панойкуменными краниотипами. Три выделенных объединения (европеоидные, метисные и монголоидные серии) объединяются в один кластер с голарктидами. Серия эскимосов сближается с краниотипом пацифидов, что соответствует их расовому отличию от других изучаемых нами групп. Проведенная работа открывает перспективу дальнейшего изучения краниологических серий по предлагаемому стереотипу.

Ключевые слова: краниометрия, мозговая коробка, дифференциация групп, метрические параметры, панойкуменные краниотипы, евразийские популяции.

Пестряков Александр Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: labrecon@yandex.ru.

Федорчук Ольга Алексеевна – студент кафедры антропологии биологического факультета МГУ. Эл. почта: lela.fed@yandex.ru .

В большинстве краниологических работ основное внимание уделяется параметрам лицевого скелета, так как именно от этих признаков в основном зависит визуально наиболее выразительные отличия людей. В относительной тени остаются метрические параметры черепной коробки. Хотя в большинстве работ приводятся среднегрупповые значения этих признаков (и их внутригрупповые дисперсии), но при этом обычно мало анализируется их изменчивость, как на внутригрупповом, так и на межгрупповом уровнях. Черепная коробка (нейрокраниум) – этоместилище головного мозга, важнейшего и загадочного органа человеческого организма. Именно благодаря ему человек и стал человеком. В нашей работе внимание акцентируется на закономерностях изменчивости метрических параметров именно черепной коробки.

В качестве исходного материала были взяты следующие краниологические серии близкие к современности: армяне, осетины, латыши, лопари, ногайцы, башкиры, казахи, ханты, эскимосы. Серии армян, осетин, латышей, хантов и эскимосов перемерены одним из авторов этой статьи; данные по остальным взяты из литературных источников: ногайцы Северного Крыма (*Круц* 2003), башкиры из могильника Иштуганово в центральной части Башкирии (*Юсупов* 1989), казахи из могильника Бегазы – центр восточной части Казахстана (*Исмагулов* 1970). Краниологическая серия лопарей из могильника близ озера Инари (Северная Финляндия) изучалась по подлинным бланкам Г.Ф. Дебеца, взятых из архива Института этнологии и антропологии РАН.

Серия армян первоначально изучена В.В. Бунаком (*Бунак* 1927), осетин В.П. Алексеевым (*Алексеев* 1974), латышей тоже В.П. Алексеевым (*Алексеев* 1961), хантов М.Г. Левиным (*Левин* 1941), науканских эскимосов В.П. Алексеевым и Т.С. Балуховой (*Алексеев, Балухова* 1976).

В этой работе рассматриваются данные лишь по мужским черепам названных краниологических серий.

Сначала анализировалась изменчивость абсолютных величин следующих параметров: продольного диаметра черепа (№ 1 по Мартину), поперечного диаметра черепа (№ 8 по Мартину), высотного диаметра от базиона (№ 17), высотного диаметра от пориона (№ 20), верхней ширины лица (№ 43), наименьшей ширины лба (№ 9), наибольшей ширины лба (№ 10), ширины основания черепа (№ 11). На основании первых трех названных параметров рассчитывалась общая величина черепной коробки (ОРВ), представляющая собой векторное сложение трех взаимноперпендикулярных (приблизительно) диаметров черепа – продольного, поперечного и высотного (от базиона). Она рассчитывается по следующей формуле $ОРВ = (1^2 + 17^2 + 8^2)^{1/2}$. Кроме того, рассматривались два размера лицевого черепа: верхняя высота лица (№ 48, от альвеоляре) и скуловой диаметр (№ 45).

Среднегрупповые значения названных метрических признаков, а также их внутригрупповые дисперсии представлены в таблице 1. В конце таблицы даны средние межгрупповые значения изучаемых параметров без учёта численности серий (невзвешенно) и их межгрупповые дисперсии.

Таблица 1

Исходные параметры исследованных серий и ОРВ

Серия	1	8	17	20	ОРВ	43	9	10	11	45	48
Латыши	n	34	32	31	32	32	34	33	33	24	27
	X	180,9	133,8	113,9	266,7	105,3	96,2	121,1	125,8	133,3	69,4
	SW	6,4	4,5	4,0	7,8	4,0	4,4	5,9	5,6	6,5	5,4
Лопари	n	73	72	73	72	69	73	72	72	72	71
	X	179,0	126,9	112,0	263,6	104,8	95,3	118,8	128,2	133,4	67,9
	SW	5,3	4,9	3,6	6,0	3,6	3,5	4,8	4,2	4,7	4,1
Армяне	n	102	102	96	100	100	102	100	99	80	46
	X	171,9	134,5	116,6	261,6	105,1	96,8	122,4	124,4	132,5	72,9
	SW	6,0	5,5	4,1	6,5	4,1	4,4	5,0	5,2	5,4	3,9
Осетины	n	88	87	88	87	87	88	88	88	82	64
	X	180,5	131,8	113,8	264,9	105,6	97,4	120,5	126,3	134,1	71,0
	SW	6,3	4,6	3,7	7,3	3,6	4,2	4,8	4,7	5,7	4,7
Ногайцы	n	20	11	20	11	19	19	19	20	14	18
	X	179,2	133,6	113,7	265,7	108,0	98,2	122,2	130,4	134,6	73,2
	SW	6,1	8,0	4,0	10,1	4,0	4,8	5,8	6,5	6,1	4,1
Башкиры	n	42	42	42	42	41	42	42	42	41	38
	X	185,6	147,3	116,1	272,9	109,4	97,5	122,0	132,7	140,5	75,3
	SW	5,4	4,4	3,5	6,3	3,3	4,2	5,1	3,8	4,5	4,4
Казахи	n	45	44	45	44	45	45	45	45	45	43
	X	180,8	150,3	131,3	269,2	109,7	95,3	121,6	137,6	143,9	75,2
	SW	6,2	4,7	4,9	6,1	4,1	5,3	3,7	5,8	5,5	3,8
Ханты	n	89	89	89	84	91	91	90	91	84	78
	X	180,7	143,6	126,8	263,7	107,4	95,5	118,6	132,5	138,6	74,0
	SW	6,9	5,3	5,7	6,9	3,7	5,0	5,0	5,4	6,1	3,9
Эскимосы	n	27	28	27	27	28	27	26	27	24	23
	X	181,7	143,2	136,7	269,0	109,3	96,2	119,4	133,9	142,0	77,2
	SW	5,6	4,7	5,0	5,1	3,4	4,7	4,0	4,6	4,6	3,6
X м/гр		180,0	145,2	132,3	266,4	107,2	96,5	120,7	130,2	137,5	72,9
	S м/гр	3,60	2,69	3,49	3,49	2,02	1,05	1,48	4,37	4,39	3,00
Коэффициент вариации	2,00	1,85	2,64	1,73	1,31	1,88	1,09	1,22	3,36	3,20	3,10

В этой таблице представлены средние значения 11 метрических признаков, характеризующих черепную коробку изученных серий и их стандартное отклонение (сигмы). Краниологические серии расположены в географическом порядке: приблизительно с запада на восток. В конце таблицы даны средние межгрупповые этих признаков, их межгрупповые дисперсии и коэффициенты вариации.

Наименьшей величина продольного диаметра черепной коробки оказалась в серии армян (171,9 мм), что их резко отличает от остальных серий, в которых она значительно больше (179,0–185,6 мм). Наибольшая величина этого признака оказалась в серии башкир. По поперечному диаметру такого резкого отличия нет. Эта величина в сериях варьирует от 142,0 мм (у осетин) до 150,3 мм (у казахов). По высотному диаметру от ба, резко выделяются своими наименьшими величинами серии хантов и лопарей (126,8 и 126,9 мм, соответственно); в других сериях его величина варьирует от 131,4 мм (у казахов) до 136,7 мм (у эскимосов). Абсолютная величина этих признаков не столь показательна, так как общая величина черепной коробки в этих сериях сильно различается. Высота от пориона (№ 20) варьирует от 111,5 мм (у хантов) до 117,1 мм (у эскимосов). Наибольшая величина черепной коробки (параметр ОРВ) из исследованных серий оказалась у башкир (272,9), а наименьшая у армян (261,6).

Дальше в таблице представлены величины метрических признаков, описывающих ширину черепной коробки в разных ее частях (№ 43, 9, 10, 11), а также абсолютные величины лицевого скелета (№ 45, 48). В сериях, измеренных автором под номером 43, замерялась наибольшая надорбитальная ширина лобной кости, которая давала несколько большее значение, чем собственно № 43 по Мартину, но в сериях, взятых из литературы, использовались данные собственно по признаку № 43. Этот параметр слабо варьирует в межгрупповом отношении – от 104,8 мм у лопарей до 109,7 мм у казахов. Наименьшая ширина лба даёт наименьшую вариабельность среди всех признаков, представленных в таблице: от 95,3 у лопарей до 98,2 у ногайцев (межгрупповая сигма равна 1,05). Заметно сильнее варьирует наибольшая ширина лба (№ 10) – от 118,6 у хантов до 122,4 у армян. Ширина основания черепа (№ 11), обнаруживает самую значительную межгрупповую вариабельность из признаков, описывающих ширину черепной коробки в различных её частях: от 124,4 мм у армян 137,6 у казахов (межгрупповая сигма равна 4,37 мм).

Следующие два параметра описывают абсолютные размеры лицевого скелета: скуловой диаметр (№ 45) и верхняя высота лица (№ 48). Скуловой диаметр в межгрупповом отношении варьирует от 132,5 у армян до 143,9 у казахов: межгрупповая дисперсия этого признака равна 4,39 мм. По величине скулового диаметра краниологические серии с территории Восточной Европы хорошо отличаются от изученных нами азиатских серий: первые имеют заметно меньшую величину этого признака. Верхняя высота (№ 48) имеет наименьшее значение у лопарей (67,9 мм), а наибольшее у эскимосов (77,2 мм). Межгрупповая дисперсия по этому признаку равна 3,00 мм.

В качестве общей величины лицевого скелета мы выбрали параметр, соединяющий в себе абсолютные величины высоты (№ 48) и ширины (№ 45) лицевого скелета, который мы вычисляли по формуле векторного сложения этих величин, то есть ОВЛ (общая величина лица) = $(48^2+45^2)^{1/2}$. Общая величина лица варьирует от 149,5 мм у лопарей до 162,4 у казахов. По этому параметру наблюдается разрыв между европейскими и азиатскими сериями, сходный с таковым по величине скулового диаметра. В европейских сериях (армян, латышей, осетин, лопарей, ногайцев) ОВЛ варьирует от

149,5 у лопарей до 151,6 у осетин, в азиатских сериях (казахи, башкиры, ханты, эскимосы) значение этого параметра всегда выше, и варьирует от 157,7 у хантов до 162,5 у казахов. Среди всех абсолютных величин черепа именно этот параметр дает отчетливое различие между европейскими сериями (европеоидами или с доминированием европеоидных признаков) и азиатскими, в которых заметны черты монголоидной расы.

Далее в таблице 2 представлены некоторые индексы, показывающие взаимосвязь абсолютных размеров изученных параметров. Черепной указатель, высотно-продольный, высотно-поперечный, указатель посторбитального сужения, отношение наименьшего диаметра лобной кости к наибольшему, отношения наибольшей ширины лобной кости к ширине основания черепа. Следующие три указателя описывают общую форму черепной коробки: указатель долихоидности (УД), указатель брахиоидности (УБ), указатель гипсиоидности (УГ), которые рассчитываются по формуле, приведенной в работе А.П. Пестрякова и О.М. Григорьевой (Пестряков, Григорьева 2004). Например, указатель долихоидности показывает отношение продольного диаметра (№ 1) к поперечному (№ 8) высотному (№ 17) – $УД=100*(1/8*1/17)^{1/2}$. Аналогично рассчитываются два других указателя: УБ и УГ.

Таблица 2

Среднегрупповые величины индексов отношений измерительных признаков

Серия		8/1	17/1	17/8	9/43	9/10	10/11	УД	УБ	УГ	48/45
Латыши	n	34	32	32	32	33	33	32	32	32	22
	X	79,0	73,8	93,9	91,4	79,5	96,3	131,3	91,7	83,3	52,2
	S _w	3,3	2,6	4,3	3,4	3,5	5,2	3,8	3,6	3,0	3,9
Лопари	n	73	72	72	69	72	71	72	72	72	71
	X	81,6	70,9	87,0	91,1	80,4	92,8	131,6	96,9	78,5	50,9
	S _w	3,3	3,3	4,1	2,7	3,0	3,8	4,7	3,6	3,3	2,9
Армяне	n	100	102	100	100	100	95	100	100	100	39
	X	83,9	78,3	93,4	92,2	79,1	98,5	123,6	94,9	85,5	54,8
	S _w	3,5	4,1	4,4	2,9	3,0	4,6	5,2	3,4	3,8	2,6
Осетины	n	88	87	87	87	88	88	87	87	87	60
	X	78,7	73,0	92,8	92,3	80,9	95,5	132,1	92,1	82,3	53,0
	S _w	2,8	3,1	3,5	2,5	3,2	4,1	4,5	2,7	3,0	3,6
Ногайцы	n	20	11	11	18	18	18	11	11	11	13
	X	81,8	75,2	92,3	90,8	80,4	94,3	127,8	94,4	83,3	53,7
	S _w	3,9	3,4	7,6	2,1	2,7	4,8	4,1	6,1	4,9	3,5
Башкиры	n	42	42	42	41	42	42	42	42	42	37
	X	79,4	72,9	91,9	89,2	80,0	92,0	131,6	93,0	81,8	53,8
	S _w	3,0	2,6	4,1	3,3	3,1	4,3	3,9	3,5	2,9	3,4
Казахи	n	45	44	44	45	45	45	44	44	44	43
	X	83,2	72,7	87,6	86,8	78,4	88,4	128,8	97,5	79,8	52,3
	S _w	3,4	3,2	4,6	3,6	4,0	3,6	4,3	4,0	3,5	3,3
Ханты	n	85	88	87	89	89	88	84	84	84	71
	X	79,6	70,4	88,6	89,0	80,6	89,5	133,8	94,9	79,0	53,2
	S _w	4,2	3,4	4,9	3,5	3,7	4,0	5,7	4,5	3,5	2,6

Таблица 2 (продолжение)

Серия		8/1	17/1	17/8	9/43	9/10	10/11	УД	УБ	УГ	48/45
Эскимосы	n	27	27	28	27	26	25	27	27	27	20
	X	78,9	75,6	95,5	87,9	80,8	88,7	129,8	90,7	85,1	54,3
	S _w	3,7	3,5	4,4	3,5	2,9	3,3	5,5	3,4	3,1	2,7
X м/гр		80,7	73,6	91,4	90,1	80,0	92,9	130,0	94,1	82,1	53,2
S_{м/гр}		1,99	2,45	2,99	1,94	0,85	3,57	3,02	2,45	2,54	1,22
Коэффициент вариации		2,46	3,32	3,27	2,16	1,06	3,84	2,32	2,60	3,09	2,30

Сначала рассмотрим величины наиболее распространенных индексов в краниологических исследованиях: черепной указатель (8/1), высотно-продольный (17/1), высотно-поперечный (17/8). Среднегрупповые значения черепного указателя среди наших серий варьируют от мезокрании до умеренной брахикрании (от 78,7 у осетин до 83,9 у армян). Межгрупповая дисперсия этого признака равна 1,99. Высотно-продольный диаметр принимает наибольшее значение у армян (78,3) и наименьшее у хантов (70,4). Межгрупповая дисперсия этого признака заметно большая, чем у черепного указателя – 2,45. Очень важным является высотно-поперечный указатель, который дает ещё большую межгрупповую дисперсию – 2,99. Он варьирует от 87,0 у лопарей до 95,5 у эскимосов.

Далее рассмотрим взаимоотношение некоторых поперечных параметров черепной коробки между собой. Индекс 9/43 показывает степень посторбитального сужения черепа, который варьирует среди наших серий от 86,8 у казахов до 92,3 у осетин, при межгрупповой дисперсии 1,94. Обращает внимание, что меньшую величину этот индекс имеет у всех восточных краниосерий, (всегда менее 90), которые имеют выраженные монголоидные особенности, в отличие от западных, где этот индекс варьирует 90,8 в серии крымских ногайцев до 92,3 у осетин.

Индекс 9/10 (широтный лобный указатель) показывает относительное расширение лобной кости – чем больше эта величина, тем меньше это расширение, варьирует от 78,4 у казахов до 80,9 у осетин. По этому индексу изучаемые краниосерии исключительно мало отличаются между собой, межгрупповая сигма равна 0,85 (наименьшее значение среди изученных нами серий).

В отличие от этого индекс отношения наибольшей ширины лобной кости к ширине основания черепа (10/11) сильно варьирует – межгрупповая сигма 3,57. Наименьшая величина признака у казахов – 88,4, а наибольшая у армян – 98,5. Здесь мы встречаемся с такой же закономерностью, которая замечена на индексе посторбитального сужения, то есть заметное отличие восточных краниологических серий от западных – у восточных меньше, у западных больше. Во всех измеренных сериях среднегрупповая величина признака № 11 преобладает над величиной признака № 10. Однако, у некоторых черепов иногда наибольшая ширина лба превышает ширину основания черепа: в серии армян в 37,5%, осетин в 15,6%, латышей в 25,8%, ногайцев в 11,1%, башкир в 4,8%, лопарей в 2,8%. В сериях казахов, хантов и эскимосов подобного не наблюдается. Это подтверждает ранее замеченную закономерность отличия восточных серий от западных. Сразу бросается в глаза, что это различие видимо связано с расовым составом данных краниологических серий. У европеоидов (армяне, осетины, латыши) эта величина до-

Следующая дендрограмма (рис. 2) показывает расстояние между нашими краниологическими сериями только по поперечным измерительным признакам черепа: № 8, 43, 9, 10, 11, 45, так как обычно эти параметры суммарно не рассматриваются в других краниологических работах. В этом отношении наша статья является пионерской.

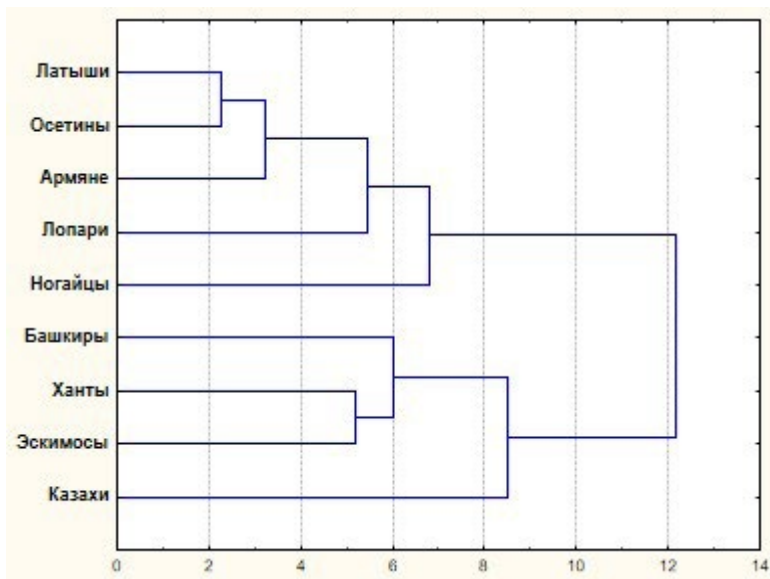


Рис. 2. Таксономические расстояния между изучаемыми краниологическими сериями по абсолютным размерам поперечных диаметров черепа: 8, 43, 9, 10, 11, 45.

Эта дендрограмма (рис. 2) еще более четко разделяет территориально европейские серии (латыши, осетины, армяне, а также лопари и ногайцы), принадлежащие в основном к европеоидной расе и территориально азиатские серии (башкиры, ханты, эскимосы, казахи), популяции которых имеют более монголоидный облик.

Далее мы рассмотрели взаимосвязь изучаемых краниосерий по величинам парных индексов черепной коробки: 8/1, 17/1, 17/8, 43/9, 9/10, 10/11.

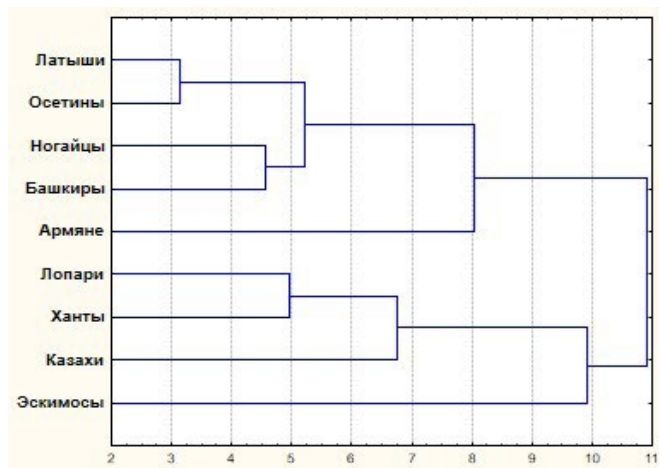


Рис. 3. Таксономические расстояния между изучаемыми группами по парным взаимоотношениям параметров: 8/1, 17/1, 17/8, 43/9, 9/10, 10/11.

На дендрограмме (рис. 3) отражены таксономические расстояния между группами по индексам. На ней выделяются также два кластера, но лопари попадают в азиатскую группу краниологических серий, наиболее сближаясь с хантами, а башкиры в европейскую, сближаясь с ногайцами.

Обобщая данные по трем рассмотренным дендрограммам, следует заметить, что всегда заметно различие между краниологическими сериями европейской и азиатской частями изучаемого региона. При этом в европейском регионе доминируют серии с преобладанием европеоидных признаков, а в азиатском с наличием большего числа монголоидных черт.

Краниологические серии, принадлежащие народам, не всегда имеющим четко выраженные расовые особенности, могут попадать в группы или европейские или азиатские (лопари, ногайцы, башкиры).

Наиболее выразительно отделяют западные краниосерии от восточных два следующих индекса: 1) посторбитальное сужение (9/43), которое сильнее представлено в восточной части, и 2) отношение наибольшей ширины лобной кости к ширине основания черепа (10/11). Здесь отношение обратное предыдущему – этот индекс имеет большую величину в западной части.

В следующей таблице даны величины этих двух индексов вместе с указателями общей формы черепной коробки (УД, УБ, УГ), так как именно эти последние важны для характеристики панойкуменных краниотипов.

Таблица 3

Характеристики изучаемых краниологических серий по наиболее отличительным индексам формы черепной коробки

Краниосерия	9/43	10/11	УД	УБ	УГ
Лопари	91,1	92,80	131,30	91,70	78,54
Латыши	91,4	96,32	131,60	96,90	83,18
Осетины	92,3	95,49	132,60	91,90	82,05
Армяне	92,2	98,58	123,70	94,90	85,42
Ногайцы	90,8	94,24	127,80	94,40	83,26
Башкиры	89,2	92,02	131,60	93,00	81,84
Казахи	86,8	88,42	128,80	97,50	79,81
Ханты	89,0	89,48	133,50	94,90	79,28
Эскимосы	87,9	88,77	129,80	90,70	85,12

В нижеследующей дендрограмме (рис.4) показано взаиморасположение изученных краниосерий, учитывая лишь эти пять признаков.

Здесь наши серии чётко разбиваются на два кластера. Серии одного кластера («восточные») генетически все очевидно имеют отношение к монголоидной расе. Европеоидные лопари, тем не менее, через таких же оленеводов ненцев связаны с сибирским очагом расообразования. В этом кластере наиболее отдалена серия эскимосов. Это также соответствует их расовой характеристике – их относят к малой арктической расе, отличной от северных азиатских монголоидов и сближающейся с американоидами (американцами). Краниологические серии верхнего кластера этой

дендрограммы принадлежат к европеоидам. Лишь серия крымских ногайцев может иметь незначительную монголоидную примесь.

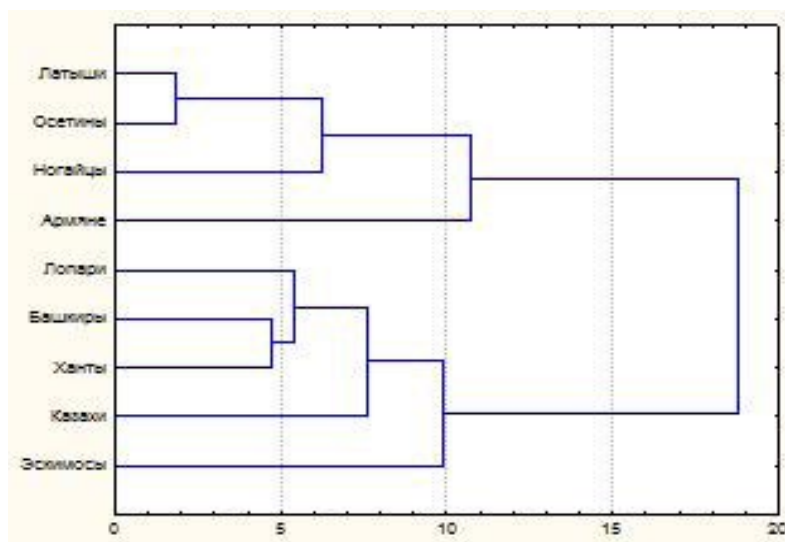


Рис. 4. Таксономические расстояния по признакам 43/9, 10/11, УД, УБ, УГ.

Итак, наш анализ свидетельствует, что по изменчивости метрических признаков черепной коробки отчётливо намечается разделение наших серий на две группы: «западную» с преобладанием выраженного европеоидного облика (латыши, ногайцы, осетины, армяне) и «восточную» – имеющие монголоидные признаки (лопари, башкиры, ханты, казахи, эскимосы).

Имеет смысл рассмотреть характеристики изучаемых нами серий на более широком географическом фоне. Для этого мы используем краниологическую классификацию современного населения земли, опубликованную в работе А.П. Пестрякова и О.М. Григорьевой (*Пестряков, Григорьева 2004*), где в современном населении Земли было выделено три наиболее распространённых краниотипа, названных панойкуменными: тропиды, голарктиды, пацифиды. Ареальное распространение выделенных краниотипов следующее. Тропиды формировались, видимо, по всей тропической зоне Старого Света, где они в основном расселены и в настоящее время. Голарктиды исконно заселяют циркумполярные и умеренные зоны Старого Света от Западной Европы до Восточной Сибири. Пацифиды, вероятно, сформировались в Восточной Азии и расселились по обоим берегам Тихого океана: в Азии и в обеих Америках.

Тропиды имеют минимальную общую величину черепной коробки, имея наибольшую абсолютную (№ 1) и относительную (УД) величины продольного диаметра при наименьшей абсолютной и относительной ширине. По абсолютной и относительной высоте черепной коробки они занимают промежуточное положение между двумя другими панойкуменными краниотипами. Но именно у них отношение высотного диаметра к поперечному имеет максимальную величину – 101,3. Можно утверждать, что у тропидов, как правило, преобладающим является рост черепной коробки в длину (по продольному диаметру) и в высоту (по высотному диаметру). Тенденция роста черепа в ширину проявляется мало. Видимо поэтому, судя по приведенным сводным краниологическим материалам, эпохальная тенденция брахи-

кефализации, зафиксированная на большей части территории Евразии, у тропидов практически незаметна. Среди 64 краниологических серий тропидов на среднегрупповом уровне брахикrania не фиксируется ни разу, а мезокrania лишь восемь раз (в 12,5% случаев). Абсолютно доминирует долихокrania.

Голарктиды, во многих отношениях будучи антиподами тропидов, характеризуются максимальной величиной черепной коробки, имеющей наибольшее развитие в ширину и наиболее низкую форму. У них доминирует рост черепной коробки в длину и, особенно, в ширину, при сравнительно малой величине высотного диаметра. В тех случаях, когда у голарктидов фиксируется заметное увеличение абсолютной и относительной величины высотного диаметра, там, по нашему мнению, действует смещение с иными панойкуменными краниотипами (чаще всего с тропидами). Среди 155 серий голарктидов 7 на среднегрупповом уровне оказались долихокранными (4,5%), 52 – мезокранными (33,6%) и 61 – брахикранными (61,9%), т.е. доминирует брахикrania.

Пацифиды сочетают некоторые черты тропидов и голарктидов. Черепная коробка у пацифидов по общей величине и по абсолютной и относительной длине практически такая же как у голарктидов, но при этом всегда абсолютно и относительно более высокая и довольно широкая. Из 137 серий пацифидов 18 оказались долихокранными (13,2%), 81 – мезокранными (59,1%), 38 – брахикранными (27,7%), т.е. доминирует мезокrania. У пацифидов (во всяком случае, в классическом их варианте) черепная коробка, как правило, по форме наиболее округлая среди панойкуменных краниотипов.

Краниологическая классификация естественно не совпадает с расовыми классификациями, по крайней мере полностью. Ниже даётся соответствие панокюменных краниотипов с большими расами человечества согласно расовой классификации одного из авторов (Пестряков, Григорьева 2010) (таблица 4).

Таблица 4

Сопоставление глобальных краниотипов и больших рас человечества

Краниотип	Раса
Тропиды	<i>Экваториальная Веддо-австралоидная</i>
Голарктиды	<i>Европеоидная Континентальные монголоиды</i>
Пацифиды	<i>Тихоокеанские монголоиды Американоидная (америнды)</i>

В таблице 5 представлены средние наиболее важные краниологические характеристики этих панойкуменных краниотипов и характеристики нашей объединенной краниосерии. В скобках указано число краниосерий данного подразделения.

Таблица 5

**Суммарная характеристика изученных нами краниосерий
на фоне панойкуменных краниотипов**

Краниотип (n)	1	8	17	ОРВ	8/1	17/8	УД	УБ	УГ
Тропиды (64)	183,5	132,4	134,1	263,1	72,2	101,3	137,8	84,5	86,0
Голарктиды (155)	180,2	145,0	132,8	266,7	80,5	91,7	129,9	93,8	82,2
Пацифиды (137)	179,5	140,3	136,7	265,7	78,3	97,4	129,7	89,7	86,1
Изученные нами серии (9)	180,1	145,1	132,3	266,3	80,7	91,5	130,1	94,0	82,1

Сравнение проводилось лишь по тем параметрам, по которым наиболее отчётливо выделялись панойкуменные краниотипы. Величины параметров, изученных девяти краниосерий были усреднены, по правилу вычисления среднеарифметической (по численности, не взвешенной).

В этой таблице мы видим удивительное (!) числовое совпадение суммарных данных по нашим девяти сериям с соответствующими характеристиками панойкуменного краниотипа голарктидов. Это тем более удивительно, что выборка изучаемых нами серий была совершенно случайна.

Ниже на дендрограмме представлены таксономические расстояния между панойкуменными краниотипами и нашей объединенной краниологической серией.

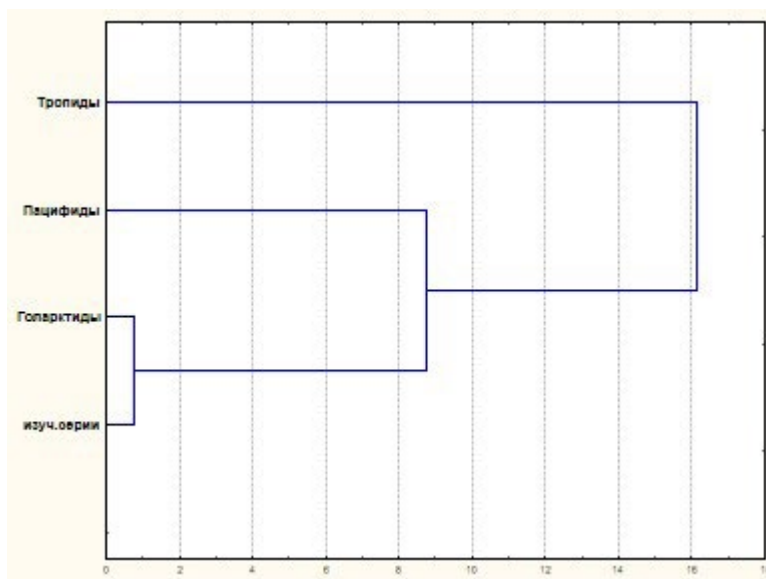


Рис. 5. Таксономические расстояния между панойкуменными краниологическими типами и нашей объединенной краниологической серией.

Здесь прекрасно видно, что изучаемые нами краниосерии как целое, исключительно близки к панойкуменному краниотипу голарктидов, что следовало ожидать, учитывая географическое положение изучаемых нами серий. Наибольшее отличие они показывают с краниотипом тропидов.

Далее на фоне панойкуменных краниотипов мы рассмотрим таксономические расстояния наших серий, объединенных по расовой сходности. К европеоидному объединению мы отнесли серии латышей, армян и осетин. К монголоидному объединению – казахов и хантов. В следующее объединение (названное условно – метисы) включены серии имеющие характеристики и монголоидной и европеоидной расы – ногайцы, башкиры и лопари. Эскимосы выделены отдельно, так как они территориально наиболее отдалены от других наших групп и принадлежат к арктической малой расе, имеющей морфологически признаки американоидов (америндов).

Таблица 6

Сравнительные краниологические характеристики названных объединений и панойкуменных краниотипов

	1	8	17	ОРВ	8/1	17/1	17/8	УД	УБ	УГ
Тропиды	183,5	132,4	134,0	263,1	72,2	73,1	101,3	137,8	84,5	86,0
Пацифиды	179,5	140,2	136,6	265,6	78,2	76,2	97,5	129,7	89,6	86,1
Голарктиды	180,1	145,1	132,8	266,8	80,6	73,8	91,6	129,8	93,8	82,2
Европеоиды	178,0	143,0	133,3	264,5	80,5	74,9	93,4	129,2	92,8	82,0
Монголоиды	180,5	146,9	129,2	266,3	81,5	71,7	88,3	131,2	96,2	79,5
Метисы	181,3	146,8	131,9	267,2	80,9	73,0	90,4	130,3	94,8	81,2
Эскимосы	181,7	143,2	136,7	269,0	78,9	75,6	95,5	129,8	90,7	85,1

Согласно рубрикации таблицы № 6 была построена дендрограмма. Так как наибольшее отличие между панойкуменными краниотипами связано с величинами лишь четырех параметров (ОРВ, 8/1, 17/8, УД) то именно эти параметры были взяты и у наших объединенных краниосерий для построения дендрограммы.

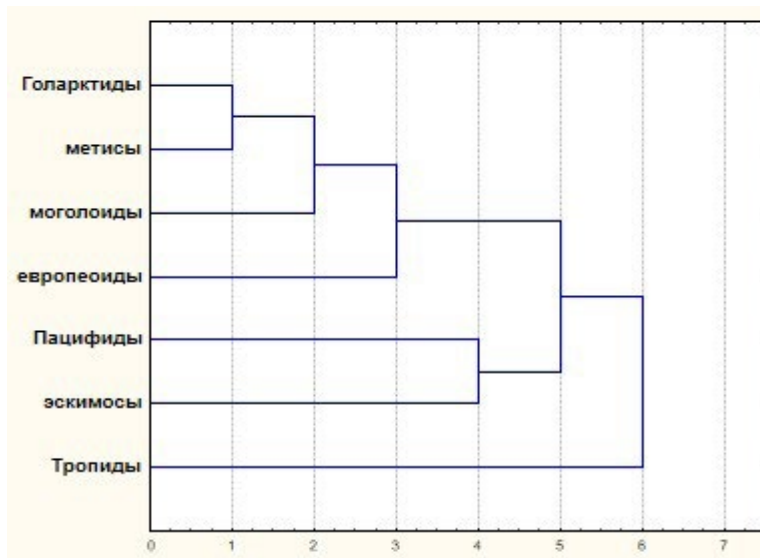


Рис. 6. Дендрограмма таксономических расстояний между панойкуменными краниологическими типами и вышеназванными объединениями, изученными нами.

На данном рисунке наиболее отличным оказался краниотип тропидов. Остальные материалы образуют один большой кластер, разбитый на два подкластера. Серия эскимосов, как и следовало ожидать, объединяется с панойкуменным краниотипом пацифидов. А все остальные объединения образуют единый кластер с голарктидами.

Характерно, что именно объединение наших условно метисных групп оказалось наиболее близким к панойкуменному краниотипу голарктидов. То есть не случайно панойкуменный краниотип голарктидов состоит как из серий европеоидов, так и континентальных монголоидов.

Выводы

1. Изучение метрических параметров (а также их взаимосвязи) черепной коробки позволяет подробнее изучать краниологическую дифференциацию популяций человека, что даёт дополнительные материалы к пониманию исторической динамики человеческих популяций.
2. Согласно нашим исследованиям можно сформулировать следующий первоочередной вывод: все изученные нами краниосерии, за исключением эскимосов, принадлежат к панойкуменному краниотипу голарктидов. Наша серия науканских эскимосов тяготеет к панойкуменному краниотипу пацифидов.
3. При этом изученные серии достаточно четко разбиваются на два варианта. Западный – с преобладанием европеоидных черт, для этого варианта характерны более высокий свод черепа (параметр УГ), меньшая величина посторбитального сужения (то есть больше величина отношения 43/9) и значительно чаще встречаемое преобладание наибольшей ширины лобной кости над шириной основания черепа. Восточный вариант имеет значительно большую примесь монголоидных черт и характеризуется обратными величинами названных признаков: менее высоким сводом черепной коробки (параметр УГ), большей величиной посторбитального сужения и значительно меньшей величиной наибольшей ширины лобной кости относительно ширины основания черепа. Это позволяет нам предварительно разделять панойкуменный краниотип голарктидов на два варианта: *западные голарктиды* и *восточные голарктиды*.
4. Границы между ними, а также принадлежность каждой конкретной краниологической серии к одному из этих вариантов может быть установлена только дальнейшими исследованиями.

Литература

- Алексеев 1961 — Алексеев В.П. Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей // Советская этнография, 1961. Вып. 6. С. 29–40.
- Алексеев 1964 — Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Алексеев 1974 — Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974.
- Алексеев 1976 — Алексеев В.П., Балуева Т.С. Материалы по краниологии науканских эскимосов (К дифференциации арктической расы) // Советская этнография, 1976. № 1. С. 84–100.
- Бунак 1927 — Бунак В.В. *Crania armenica*. Исследования по антропологии Передней Азии. М., 1927.
- Исмагулов 1970 — Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности.

- Алма-Ата: Наука, 1970.
- Комаров 2013 — Комаров С.Г. Население степей Восточной Европы II тысячелетия по данным краниологии. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Москва, 2013.
- Круц 2003 — Круц С.И. Антропологическая характеристика ногайцев XVI–XVIII вв. // Антропология ногайцев. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М.: Памятники исторической мысли, 2003. Вып. IV. С.206–239.
- Левин 1941 — Левин М.Г. Краниологический тип ханты и манси // Краткие сообщения о научных работах Научно-исследовательского института и Музея антропологии при Московском ордена Ленина государственном университете им. М. В. Ломоносова за 1938–39 гг. М., 1941. С. 27, С. 37–38.
- Пестряков 1995 — Пестряков А.П. Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса. // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М.: ИЭА РАН, 1995. С.43–90.
- Пестряков 2004 — Пестряков А.П., Григорьева О.М. Краниологическая дифференциация современного населения // Расы и народы. Ежегодник. М., 2004. № 30. С. 86–131.
- Пестряков, Григорьева 2010 — Пестряков А.П., Григорьева О.М. Краниологическое разнообразие населения Западной Пацифики // Человек: его биологическая и социальная история. Труды Международной конференции, посвящённой 80-летию академика В.П. Алексеева. Москва–Одинцово: Издательство АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2010. Т. 1. С. 151–158.
- Юсупов 1989 — Юсупов Р.М. Материалы по краниологии башкир. Уфа, 1989.
- Юсупов 2011 — Юсупов Р.М., Пестряков А.П. Место башкир в краниологии современного населения Земли / Антропология башкир. С-Петербург: Алетейя, 2011. С. 159–190.

References

- Alekseev V.P. Kraniologicheskie materialy k probleme proiskhozhdeniia vostochnykh latyshei // Sovetskaiia etnografiia, 1961. No. 6. Pp. 29–40.
- Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovani. Moscow: Nauka, 1964.
- Alekseev V.P. Proiskhozhdenie narodov Kavkaza. Moscow: Nauka, 1974.
- Alekseev V.P., Balueva T.S. Materialy po kraniologii naukanskih eskimosov (K differentsiatsii arkticheskoi rasy) // Sovetskaiia etnografiia, 1976. No.1. Pp. 84–100.
- Bunak V.V. Crania armenica. Issledovaniia po antropologii Perednei Azii. Moscow, 1927.
- Ismagulov O. Naselenie Kazakhstana ot epokhi bronzy do sovremennosti. Alma-Ata: Nauka, 1970.
- Komarov S.G. Naselenie stepei Vostochnoi Evropy II tysiacheletii po dannym kraniologii. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Moscow, 2013.
- Kruts S.I. Antropologicheskaia kharakteristika nogaitsev XVI–XVIII v.v. // Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii severnogo Kavkaza. Antropologiia nogaitsev, Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2003. Vol. 4. Pp. 206–239.
- Levin M.G. Kraniologicheskii tip khante i mansi // Kratkiiie soobshcheniia o nauchnykh rabotakh nauchno-issledovatel'skogo instituta i muzeia antropologii pri Moskovskom ordena Lenina gosudarstvennom universitete im. M. V. Lomonosova za 1938–39. Moscow, 1941. Pp. 27–38.
- Pestriakov A.P. Rasy cheloveka v kraniologicheskoi klassifikatsii naseleniia tropicheskogo poiasa. // Sovremennaia antropologiia i genetika i problema ras u cheloveka. Moscow: IEA RAS, 1995. Pp. 43–90.
- Pestriakov A.P., Grigor'eva O.M. Kraniologicheskaia differentsiatsiia sovremennogo naseleniia // Rasy i narody. Ezhegodnik. Moscow, 2004. No.30. Pp. 86–131.
- Pestriakov A.P., Grigor'eva O.M. Kraniologicheskoe raznoobrazie naseleniia Zapadnoi Patsifiki // Chelovek: ego biologicheskaiia i sotsial'naia istoriia. Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii,

posviashchennoi 80-letiiu akademika V.P. Alekseeva. Moscow–Odintsovo: Izdatelstvo ANOO VPO «Odintsovskii gumanitarnyi institut», 2010. Vol. 1. Pp. 151–158.

Iusupov R.M. Materialy po kraniologii Bashkir. Ufa, 1989.

Iusupov R.M., Pestriakov A.P. Mesto bashkir v kraniologii sovremennogo naseleniia Zemli. / Antropologiiia Bashkir. St. Petersburg: Aleteiia, 2011. Pp. 159–190.

A.P. Pestryakov, O.A. Fedorchuk. Variations of some parameters of the cranium of different series of the modern age from Northern Eurasian territories.

The work is dedicated to the study of some metric parameters of the cranium and their indexes. A particular attention is paid to the intragroup and the intergroup variation of the transversal parameters of the cranium and their pairwise relations.

Altogether we have studied nine series of cranium (male groups) of which five series have been measured by one of the author of the present article, while the parameters of the other four have been taken from the literature.

The cranium series were chosen, trying to cover the most part of the territories of Northern Eurasia and considering their racial differences. The highest level of differences was shown by two indexes: 1) the relation between the smallest width of the forehead and the upper-face width (№ 9/43 by Martin) and 2) the relation between the highest width of the frontal bone and the width of the cranial base (№ 10/11 by Martin).

Our research showed these features clearly distinguish the most Mongoloid series (the Khants, the Eskimo, the Kazakhs) from the most Europeoid (the Armenians, the Ossetians, the Latvians). The series with a less specific racial features (the Lapps, the Nogais, the Bashkirs) occupy an intermediate position.

We have compared the combined series with the golarctics, the pacifids and the tropids. The dendrogram showed an exceptional proximity of our combined series to the panoikumenian craniotype of the golarctics.

Our series were divided in four groups: the most explicitly Europeoid, the most explicitly Mongoloid, the Metis groups and separately the series of the Eskimo. We have compared these groups with the panoikumenian craniotypes. The Europeoids, the Metis groups and the Mongoloids combine in one cluster together with the golarctics. The series of the Eskimo is close to the pacifids craniotype, corresponding to their racial features.

The work we have done opens the perspective for further studies of the cranium series on the base of the suggested model.

Keywords: *craniometry, neurocranium, group differentiation, measuring parameters, panoikumenian craniotypes, eurasian populations.*

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ

На развитие межэтнических отношений в Синьцзян-уйгурском автономном районе (СУАР) влияет множество обстоятельств, включая экономические, демографические, культурно-религиозные, языковые и геополитические факторы, но ключевую роль играет этническая политика. В результате ее проведения, у народов СУАР вырос уровень этнической самоидентификации, что вызвало и повышение уровня межэтнической напряженности и рост конфликтов. В ближайшее время крайне мало оснований ожидать улучшения ситуации, но это, в свою очередь, является основой для изучения реалий и перспектив, для поиска теоретически обоснованных возможностей в будущем

Ключевые слова: КНР, СУАР, межэтнические отношения, этническая политика, экономический фактор, геополитический фактор, культурный фактор, демографический фактор, этническая самоидентификация

Содержание и формы межэтнических отношений

Международное сообщество – это многонациональный мир, и этнический вопрос во все времена занимал важное место в государственной политике, оказывая значительное влияние на развитие общества. Особенно заметно это проявилось после «холодной войны», когда конфликты стали развиваться внутри государств, а не между ними, и многие конфликты были вызваны межэтническими проблемами. По статистике, с 1989 по 2002 гг. в мире произошло 116 крупных вооруженных конфликтов, при этом только 7 из них – традиционные конфликты между государствами, тогда как остальные 109 практически во всех случаях начинались с межэтнических противоречий, причем внутри стран (*Лэй Жао*).

Межэтнические отношения имеют социальный характер, так как затрагивают социальный статус, права и интересы, этническое и национальное самосознание взаимодействующих народов и этнических групп. Основные предметы спора в межэтнических отношениях – национальные права и интересы, вопросы национального развития. Межэтнические отношения существуют в разных формах, в частности, отношения сосуществования, взаимодополнения, взаимосвязи, зависимости, ассимиляции, аккультурации, интеграции и разделения.

Ослабление этнической идентичности и укрепление гражданственности – вот две основные тенденции, которые способствуют урегулированию межэтнических конфликтов (Там же).

вывать региональное законодательство. До конца 2008 г. в СУАР таких региональных законов было опубликовано 127, а областных – 100. Таким образом, национальные меньшинства действительно могут влиять на национальную политику СУАР.

По данным шестой национальной переписи населения, проведенной в 2010 году, в СУАР проживают представители всех 56 народов, за исключением цзинпо¹. Из них 13 – коренные народы²: уйгуры, ханьцы, казахи, дунгане, киргизы, монголы, сибэ, русские, таджики, узбеки, татары, маньчжуры, дауры. В силу исторических и географических причин СУАР соседствует с девятью этносами, которые живут в СУАР и соседних государствах: с казахами, узбеками, киргизами, таджиками, русскими, уйгурами, татарами, дунганями и монголами, при этом все они имеют черты сходства в культуре, обычаях и традициях, вне зависимости от того, проживают ли на территории СУАР КНР или близлежащих государствах.

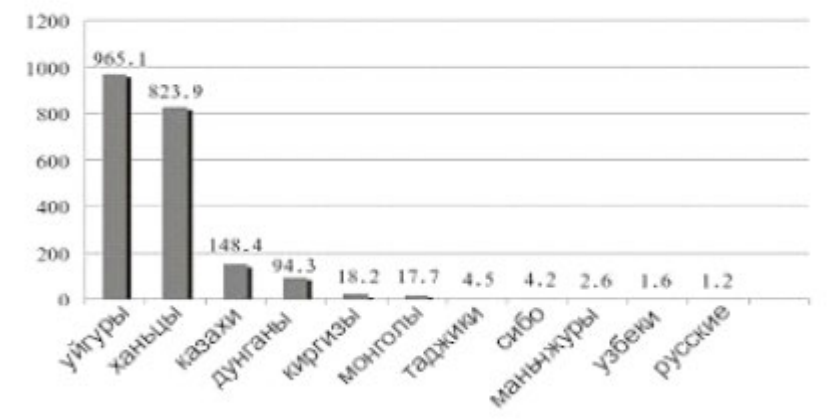


Рис. 2. Этнический состав СУАР в 2010 г. (народы численностью свыше 10 тыс. чел.).

* Составлено по: Население мира. Демографический состав и этническое распределение в СУАР.

В настоящее время в СУАР численно доминируют три народа: уйгуры, хань и казахи с населением 9 651 000, 8 239 000 и 1 484 000 человек соответственно. Распределение этнического состава таково: уйгуры проживают преимущественно на юге и востоке от Тяньшанья (88,15%), а ханьцы – на севере региона, но это касается в основном сельской местности. В городах уйгуры и ханьцы живут смешанно, но компактно, то есть своими анклавами.

На четвертом месте – дунгане (943 000), киргизы (180 200) и монголы (160 609), также значительная доля русских, таджиков и других этнических меньшинств – не более 10 000.

Можно выделить три основных направления отношений между этносами, проживающими в СУАР: 1) отношения между ханьцами и этническими меньшинствами; 2) отношения этнических меньшинств между собой 3) отношения между этническими меньшинствами и основными этническими группами, которые обладают политической властью, так как составляет большинство в том или ином районе. При этом отношения между ханьцами и уйгурами оказывает самое сильное влияние на состояние межэтнических отношений в СУАР в целом.

По религиозному признаку, население СУАР делится на мусульманское и немусульманское. 60% населения – верующие, из них семь народов исповедует ислам, то есть 89% от всех верующих (Лю Ян Сюнь 2014). Разные привычки, пищевые запреты (например, запрет на свинину) и другие аспекты религиозной жизни создают дополнительные барьеры и препятствуют построению полноценных контактов между конфессиональными общинами. Таким образом, симбиоз социальных и религиозных факторов приводит к противостоянию и конфликтам. Это одна из самых важных характеристик межэтнических отношений в СУАР.

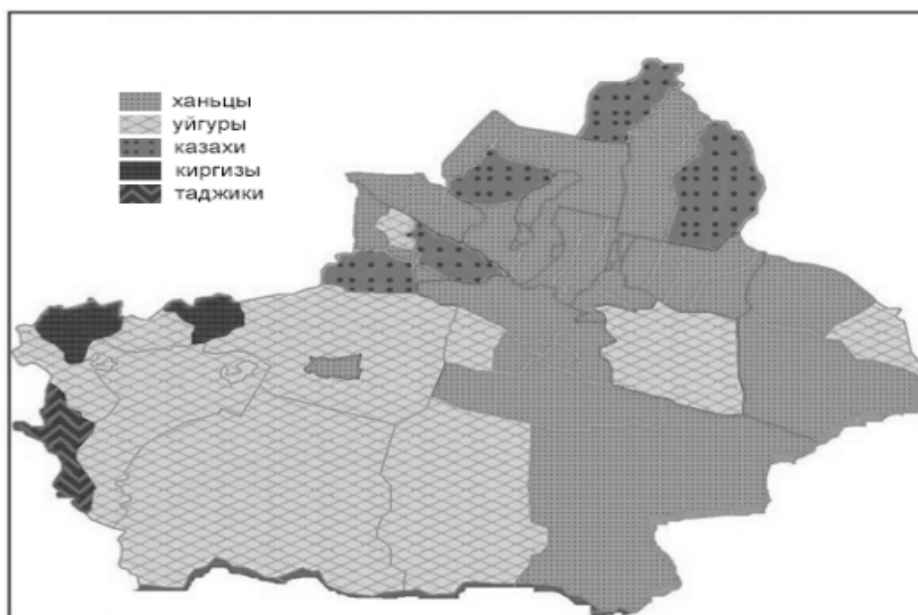


Рис. 3. Расселение этнических групп в СУАР.

* Составлено по: Население мира. Демографический состав и этническое распределение в СУАР.

Таблица 1

Религиозный состав населения СУАР

Национальность	Основная религия	Национальность	Основная религия
Монголы	Тибетский буддизм, шаманизм	Дунгане	Ислам
Уйгуры	Ислам	Узбеки	Ислам
Казахи	Ислам,	Русские	Православие
Таджики	Ислам	Татары	Ислам
Киргизы	Ислам,	Хань	Буддизм, даосизм и много-конфессиональность

* Составлено по: Этнос и религии Китая.

Тенденции развития межэтнических отношений в СУАР

Как уже говорилось, основные отношения в СУАР выстраиваются между ханьцами и уйгурами; можно выделить 5 этапов в истории этих отношений.

1. С 1949 г. (создается КНР) до 1955 г. (создание СУАР) стоит задача установить новую политическую систему, восстановить экономику, преодолеть влияние старой власти, подавить организованные мятежи. Для СУАР данный период является переходным. Идет процесс построения новых социально-политических отношений, в том числе претерпевают изменения межэтнические отношения.

2. 1955–1968 гг. Период стабильности межэтнических отношений в СУАР. Единственный инцидент произошел в апреле 1962 г. в Или-Казахской автономной области Синьцзяна, когда более 60 тыс. казахов, уйгуров и ханьцев бежали из Китая в СССР³.

3. 1968–1978 гг. Этот период Культурной революции в КНР считается золотым временем для межэтнических отношений в СУАР, когда в регионе не произошло ни одного крупномасштабного инцидента.

4. 1978–1989 гг. После Культурной революции правительство КНР взяло курс на реформирование экономики в сторону рыночной модели. Политика была направлена на то, чтобы исправить ошибки и перегибы Культурной революции, следствием чего стал рост этнического и религиозного самосознания СУАР. В 1980-х годах в разных частях региона стали вспыхивать беспорядки, которые дестабилизировали социальную ситуацию. Отношения между ханьцами и уйгурами становятся напряженными и постепенно перерастают в конфронтацию.

5. С 1989 г. по настоящее время межэтнические отношения в СУАР остаются напряженными, нарастают сепаратистские движения, увеличивается число происшествий террористического характера. Знаковые события этого периода: бунт на юге деревни Бажэн в 1990 г. и вооруженные нападения на ханьцев в Урумчи 5 июля 2009 г.

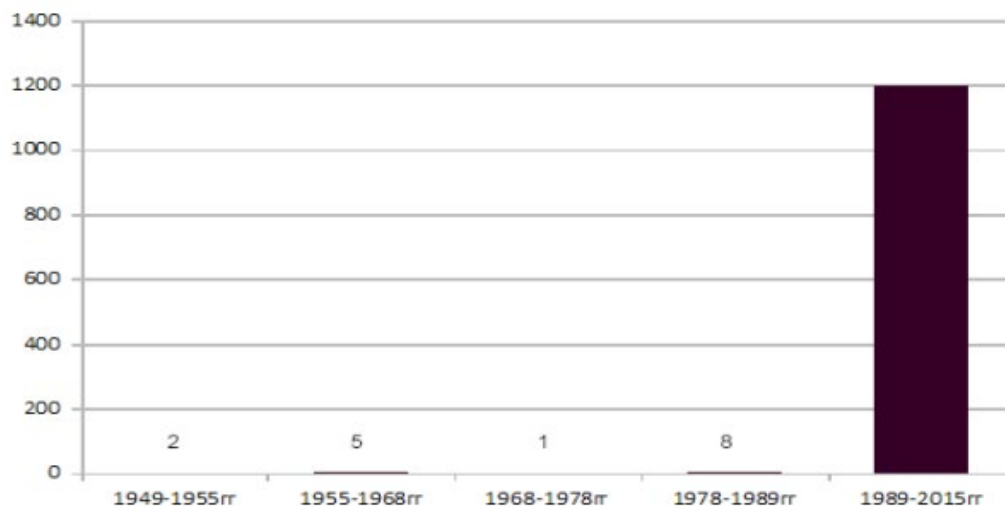


Рис. 4. Количество зафиксированных инцидентов за период с 1949 г. по настоящее время

* Составлено по: Китай принял первый в истории закон о борьбе с терроризмом.

Факторы, влияющие на межэтнические отношения в СУАР

Проанализировав статистику терактов и инцидентов в СУАР с начала создания КНР по настоящее время, можно выявить тенденцию к росту этнической напряженности. Межэтнические отношения в СУАР – между уйгурами и ханьцами – характеризуются постепенной эскалацией напряженности. Среди факторов, которые оказывают непосредственное влияние на ситуацию, выделяются следующие:

Экономические факторы

Сущность межэтнических отношений проявляется, прежде всего, в противоречиях и компромиссах в ходе борьбы за распределение ресурсов, что, в частности, отражается в структуре производства и разнице доходов. Между СУАР и другими провинциями Китая, а также между севером и югом СУАР существует существенная разница в уровне социально-экономического развития, и она часто используется как аргумент сепаратистскими движениями.

С 1978 г., выбрав путь рыночной экономики, государство постепенно утратило часть важных административно-регулирующих инструментов для предоставления льгот и обеспечения интересов этнических меньшинств. В настоящее время большинство уйгур занято в сельском хозяйстве (75,1% уйгур против 36,8% ханьцев) и мелкой торговле (*Лю Ян Сюнь* 2014), так как из-за ограниченного уровня владения китайским (государственным) языком, низкого образования и недостаточной профессиональной подготовки, а также в силу того, что их семьи зачастую многодетные, уйгуры, по сравнению с ханьцами, оказываются неконкурентоспособными, не адаптированными к рыночной экономике. Как результат, уровень доходов уйгуров по-прежнему отстает от уровня доходов ханьцев, а уровень безработицы среди них выше, несмотря на многочисленные меры, принимаемые правительством и местными властями СУАР для поддержки и стимулирования социально-экономического развития национальных меньшинств.

Таким образом, в условиях свободной конкуренции учитываются личность и квалификация работников, а не их национальная принадлежность. Для стабилизации ситуации и поддержки национальных меньшинств государство увеличивает размеры социальных пособий по безработице.

При рыночной экономике и свободной конкуренции у государства меньше возможностей и инструментов для регулирования доходов населения. Согласно динамике ВВП КНР за период с 1950 по 2015 г., доходы и общий уровень жизни населения растут. Однако рост доходов национальных меньшинств осуществляется медленнее по сравнению со средним уровнем доходов по стране. В результате этого правительство предпринимает ряд мер по поддержке этнических меньшинств и увеличивает выплату социальных пособий. По данным ежегодного доклада правительства СУАР и Госсовета КНР за 2011 г., в 2010 г. средний доход городского населения составил 13500 тыс. юаней в год, прибавив 10%. В сельскохозяйственных районах чистая выручка составляет 4500 юаней. По сравнению с аналогичным прошлым периодом – это рост на 15.9%, но это все равно ниже среднего дохода по стране.

С целью поддержки развития экономики региона в 2010 г. центральное правительство решило взять на себя инициативу по реализации в СУАР налоговой реформы на нефть и газ, вследствие чего регион получил больше 3 млрд. юаней, а это

огромные дополнительные средства на развитие местной экономики. Но в реальности СУАР находится на нижнем уровне производственной цепочки, экономика преимущественно является сырьевой.

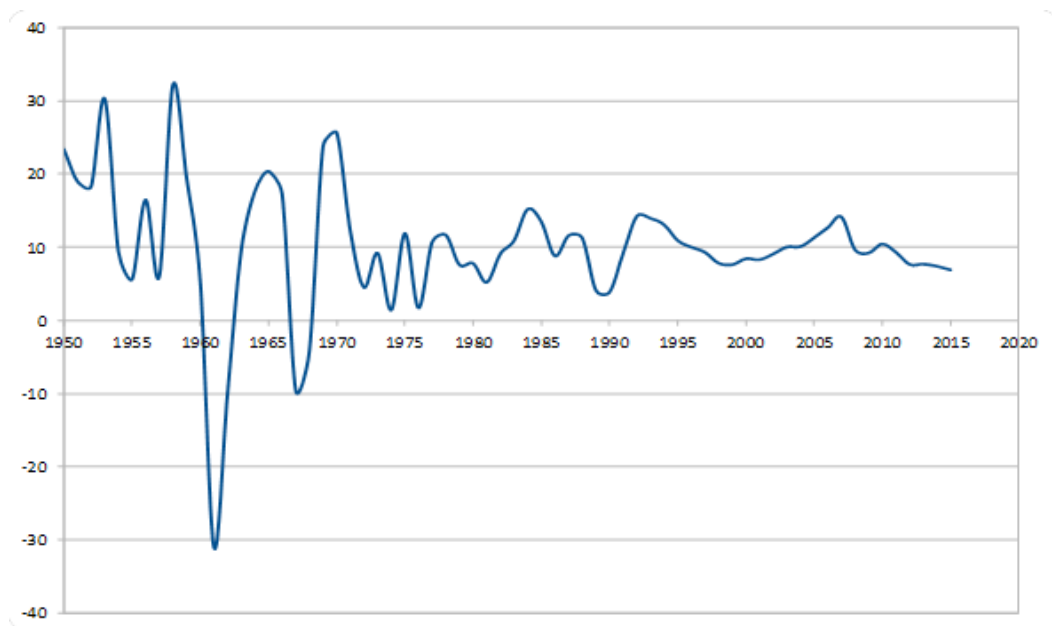


Рис. 5. Динамика ВВП КНР за период с 1950 по 2015 гг. (в процентах).

* Составлено по: Национальное бюро статистики КНР. Показатели ВВП.

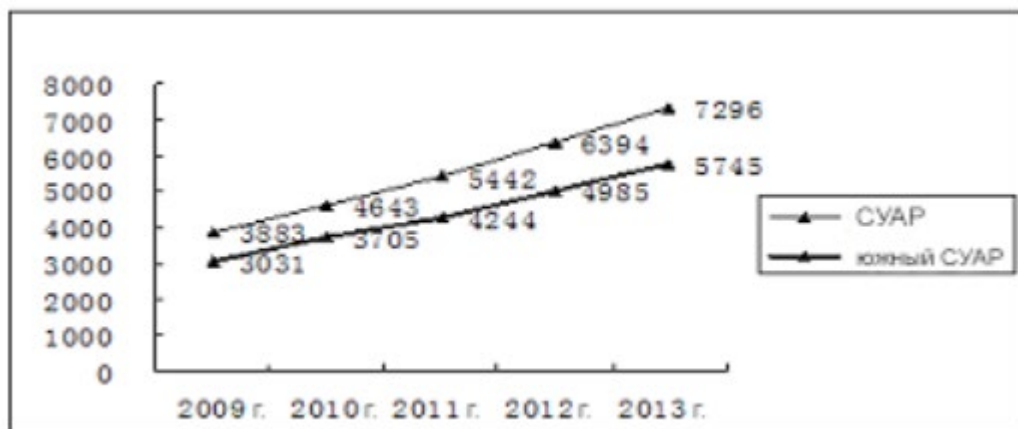


Рис. 6. Рост доходов сельского населения южного СУАР в 2009-2013 гг. (в юанях).

* Составлено по: Государственное информационное бюро.

Экологический и демографический факторы

СУАР расположен в глубине Евразийского континента. Регион характеризуется засушливостью и наличием редкой растительности. 4% площади (из 1 665 000 кв. км) – оазис, и там живет 95% населения, плотность населения оазисов – 328 человек на 1 кв. км.

Около 50% пригодных для использования водных ресурсов находится в эксплуатации. В течение продолжительного времени население региона растет, как и добыча ресурсов, вследствие чего ухудшается общая экологическая обстановка. Согласно данным регионального Управления по охране окружающей среды СУАР в 2009 г., 85% пастбищ пришли в негодность, а урожай трав упал на 30–50%. Из-за такой природной зависимости от оазисов экономика также становится уязвимой, и то, что разрушено, крайне сложно восстановить.

По последнему госстандарту КНР, в СУАР – 27 бедных уездов, среди них 21 находится на юге (Список).

Хотан, Каши, Аксу и Кезилесу – четыре южные области с самой высокой рождаемостью и темпами роста населения (Сюмин Чжао 2009), где проживают преимущественно уйгуры. В этих четырех областях живет около 31,8% всего населения СУАР, при приросте населения 44% в год. 92,5% беднейшего населения СУАР проживает именно на этих территориях. С ростом численности населения сокращается площадь пахотных земель на душу населения, что приводит к снижению качества жизни. Когда этнические меньшинства оказываются самыми бедными, то этническая идентичность начинает ассоциироваться с экономическими трудностями. Возникает противопоставление себя другим народам. Тот факт, что большинство бедных в СУАР – представители этнических меньшинств, не способствует внутрорегиональному и межрегиональному национальному единству.

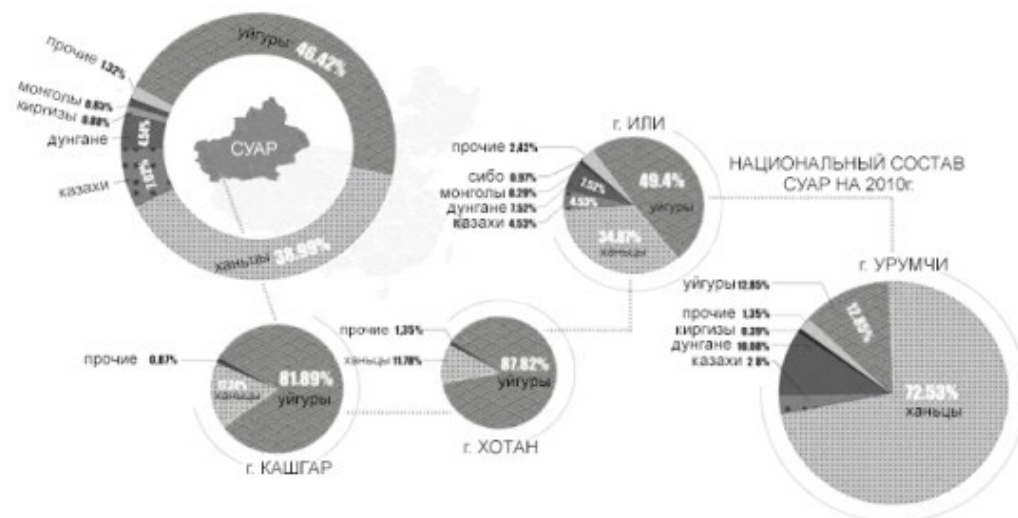


Рис. 7. Этнический состав населения наиболее крупных городов СУАР на 2010 г.

* Составлено по: Население мира. Демографический состав и этническое распределение в СУАР.

Религиозные, культурные и языковые факторы

По данным официальной статистики, на 11 млн мусульман в СУАР приходится около 24000 мечетей (то есть 1 мечеть на 540 человек), что примерно равно числу мечетей в пяти странах Средней Азии (Сюмин Чжао 2009: 126), а также в 5 раз превышает число других культурных объектов, таких как культурные центры, библио-

теки, радиостанции, кинотеатры и т.д. Например, в уезде Юйтянь (входит в число самых бедных уездов), который включает 174 деревни, работает 792 мечети и только 122 начальные школы. Таким образом, влияние религиозной деятельности здесь гораздо сильнее, чем светской культуры (Ежегодный 2011). Ислам – религия, которая сформировалась под влиянием иудаизма и христианства, но, в отличие от последнего, является очень закрытой. Ислам как религиозная система не только выделяет себя из всех философско-религиозных систем как единственно верная, но также детально предписывает образ жизни и социальную этику верующих, включая питание, одежду, свадебные и похоронные обряды и т.п. Регламентируя буквально каждый шаг в жизни верующего, ислам влияет на все стороны жизни человека – на личность, группу, общество. Что в свою очередь, служит, с одной стороны, мощным инструментом сплочения верующих, но, с другой, часто используется с целью спровоцировать конфликты на этнической и религиозной почве, сепаратистскими движениями.

Мусульмане принадлежат, в основном к тюркской языковой общности, поэтому на религиозные различия накладываются также языковые особенности, и это усугубляет противоречия между разными группами населения СУАР. Но если языковой барьер преодолеть не так сложно, выучив другой язык, то преодолеть влияние религии на личность гораздо труднее.

Некоторые ученые отмечают, что сильное влияние ислама на образ жизни в СУАР проводит резкие этнические границы и строит культурные барьеры, чтобы сохранить традиционную культуру и ценности. Националисты используют религиозный вопрос, наряду с национальным, чтобы реализовать свои политические цели. Председатель КПК Цзян Цзэминь отметил, что «этнический сепаратизм, который использует религию в своих целях, представляет серьезную угрозу стабильности в СУАР» (Цзэминь Цзян 2010: 22).

Геополитический фактор

Историческая и этническая близость делает СУАР восприимчивым к политической ситуации, уровню культурного и экономического развития соседних стран. В силу исторических причин Турция и страны Ближнего Востока с помощью пантюркизма и панисламизма также влияют на межэтнические отношения внутри СУАР. Запад использует межэтнический вопрос в СУАР как инструмент давления на Китай с целью его ослабления. Применяя двойные стандарты, Запад поддерживает террористическую организацию «Восточный Туркестан» и другие сепаратистские организации, используют «синьцзянский вопрос», чтобы обострять межэтнические отношения в регионе. Все эти факторы оказывают прямое и косвенное влияние на этнополитическую стабилизацию СУАР.

Влияние геополитического фактора на государство усиливается, когда оно становится сильнее и богаче, в силу конкуренции с другими государствами.

Фактор глобализации

Глобализация – это процесс социального развития человеческого общества, который характеризуется растущими глобальными связями и глобальным сознанием. На межгосударственном уровне глобализация выражается в более тесном политическом и торгово-экономическом взаимодействии между странами. Мир становится единым. Глобализация влияет на функционирование межэтнических отношений по следующим направлениям и векторам.

Во-первых, она вызвала более тесное информационное взаимодействие между государствами, что приводит к стремительному распространению западной идеологии, которая влияет на межэтнические отношения внутри стран. Наиболее распространенными становятся идеи национализма, религиозного экстремизма и этнического самоопределения. Западная идеология распространяется, в том числе, в КНР и вызывает рост национальной и религиозной идентичности.

Во-вторых, возрастает конкуренция между странами, формируется новая структура мирового порядка, в итоге политические и экономические системы становятся мультицентральными, а отношения между этносами и государствами – более сложными, разнообразными.

В-третьих, формируется мировой рынок труда. Уровень развития экономики и доходы стран зависят от их конкурентоспособности и владения ресурсами. Увеличивается разница и недовольство, противостояние и конфликт между нациями, которые оказываются в неравном положении.

В-четвертых, глобализация ослабляет национальные государства и социальную сплоченность. Отношения между нацией и государством теряют целостность, гармоничность. Появляется человек-космополит, для которого государство и интересы государства обесцениваются.

В-пятых, под влиянием современных технологий, особенно Интернета, умирают национальные языки, мировая культура стремится к однородности, и она снижает межэтническую напряженность и конфликтность. В 2009 г. ЮНЕСКО представила «Атлас исчезающих языков мира», где показано, что из 6000 существующих на планете языков около 2500 находятся под угрозой. Из них 538 находятся в самом критическом положении, 502 – в серьезной опасности, 632 – в опасности и 607 – в очень неустойчивом состоянии. Статистика ЮНЕСКО показывает, что 3% населения в мире говорит на 96% всех языков. Четверть населения планеты использует менее 1000 языков, и только менее 1/5 языков изучают в школах. Так как язык Интернета – английский, то 4/5 языков могут вообще остаться за пределами системы образования, средств массовой информации, использования в публичной сфере, а значит, исчезнуть. Лингвисты проследили тенденцию к ускорению вымирания языков за последние годы: так каждые две недели исчезает 1 язык. Некоторые эксперты подсчитали, что языки сегодня вымирают быстрее, чем виды растений и животных: в 2 раза быстрее, чем находящиеся под угрозой вымирания млекопитающие и в 4 раза быстрее, чем птицы. Языковое разнообразие стоит в ряду с биологическим разнообразием, и по последствиям исчезновения языков не уступает исчезновению биологических видов. Прогнозы неутешительные: к 2100 году большинство языков вымрет, а с ними – история, культура, традиции. Но культурное разнообразие и выживание народов напрямую связано с языковым разнообразием.

В Китае – 56 этнических групп и 299 языков. Однако все меньше и меньше людей в Китае говорит на коренных языках, по многим причинам все чаще используя литературный китайский язык.

Фактор этнической политики

Из всех факторов, этническая политика оказывает ключевое влияние на межэтнические отношения и является политическим инструментом их регулирования. В новейшей истории Китая династия Цин долго проводила политику изоляции народов

друг от друга, чтобы предотвратить их объединение против императорской власти. В 1912 г. национальная революция, возглавляемая Сунь Ятсеном, попыталась изгнать маньчжуров и восстановить Китай, положив конец 267-летнему маньчжурскому правлению в Китае (маньчжурская династия Цин правила с 1644 по 1911 г.).

До 1949 г. правительство Китая не признавало существования национальных меньшинств и проводило политику ассимиляции. Коммунисты Китая позаимствовали советскую идеологию, которая провозглашала этническое равноправие, право на национальное самоопределение и автономию районов проживания национальных меньшинств, свободу вероисповедания, уважение и развитие языков национальных меньшинств. Это помогло коммунистам создать единый политический фронт, выиграть в гражданской войне и одержать победу на выборах в 1949 г.

Нынешняя этническая политика Китая – это политика, направленная только на национальные меньшинства, основанная на теории марксизма в сочетании с национальными особенностями Китая. В Конституции КНР говорится, что в КНР все нации равны, государство обеспечивает защиту законных прав и интересов национальных меньшинств, поощряет равенство, единство и взаимопомощь между национальными меньшинствами, запрещается дискриминация и притеснение наций.

После масштабных беспорядков 5 июля 2009 г. в г. Урумчи⁴, Информационное бюро Госсовета КНР 27 сентября 2009 г. опубликовало «Белую книгу: Китайская этническая политика, общее развитие и процветание всех этносов», в которой говорится, что Китай принимает правовые, административные и экономические меры для ликвидации последствий этнической дискриминации, способствует единству всех этнических групп; запрещается любая этническая дискриминация и угнетение национальных меньшинств, разрушение национального единства, сепаратистская деятельность. Национальное единство является ключом в решении межэтнических разногласий.

В СУАР проводилась и проводится политика, направленная на становление этнического равенства, в частности на оптимальное развитие отношений между уйгурами и ханьцами. Однако, чем более успешно реализуются принципы, провозглашенные в Конституции, чтобы продвигать межэтническое равноправие, тем более отношения между этническими группами, прежде всего, между ханьцами и уйгурами, от спокойных и достаточно гармоничных переросли в напряженность и конфликты, особенно после начала реформ 1978 г., которые были направлены на поддержку национальных меньшинств. С помощью этих реформ удалось пробудить самосознание национальных меньшинств, но сильное этническое самосознание ведет к желанию национального самоопределения и, в случае с СУАР, стало причиной отчужденности этносов, ухудшения межэтнических отношений, этнического сепаратизма. В связи с этим проанализируем следующие моменты.

Развитие и использование языков национальных меньшинств

Согласно Конституции КНР, все нации в составе КНР имеют право свободно развивать и использовать свои языки в устной и письменной формах. В национальных автономиях, согласно местному законодательству, при исполнении служебных обязанностей местными органами, осуществляющими автономию, можно использовать один или несколько местных языков. Статья 10 Указа КНР «О районах национальной автономии» гласит: «Местные органы обеспечивают право в районах нацио-

нальной автономии свободно использовать и развивать свои собственные устные и письменные языки».

По данным Информационного бюро Государственного совета КНР, опубликованном в 2009 г. в «Белой книге»⁵, национальная политика КНР способствует развитию и поддержке всех этнических групп. В «Белой книге» говорится, что 53 из 55 национальных меньшинств Китая (за исключением дунган и маньчжуров, которые используют китайский литературный язык) пользуются родными языками. 22 нации используют 28 языков, среди них 12 наций – 16 письменных языков, искусственно созданных по заказу китайского правительства. 60 млн представителей национальных меньшинств используют родные языки.

В настоящее время 13 коренных народов СУАР используют 10 письменных языков. Исполнительные органы автономного округа, автономных областей и автономных уездов используют местный язык и государственный – китайский. Языки национальных меньшинств также широко представлены на радио, телевидении, в кино, в печатных изданиях – 70% всех материалов выпускается на языках национальных меньшинств. 21 сентября 2009 г. опубликована «Белая книга: развитие и прогресс в СУАР», согласно которой, около 70% национальных меньшинств СУАР не владеют китайским языком. Тот факт, что через 50 лет после создания КНР 7 млн населения плохо или вообще не владеют государственным языком, показывает, что правительство полностью выполнило пункт Конституции (п.4) и законы автономий, касающиеся языка. В п.4 Конституции говорится о том, что каждая нация имеет право свободного использования и развития собственного родного языка, сохранения национальных традиций и обычаев, а также проведения реформ в данной области. Из этого следует, что национальные меньшинства в Китае, не предадут государственному языку должного значения и искусственно игнорируют его использование, что так же говорит об отсутствии принципов государственного единства и построения единого гражданского общества.

Таким образом, несмотря на то, что принципы Конституции, касающиеся развития национальных меньшинств в национальных районных автономиях, полностью реализованы, экономические и культурные барьеры между ними не только не исчезли, но, наоборот, стали еще более существенными. Наиболее ярким подтверждением тому служит экономическая изоляция одних народов от других, бедность, а также обострившееся национальное обособление и разделение.

Уважение права на свободное вероисповедание

В Конституции КНР говорится: «Граждане КНР обладают свободой вероисповедания» (Constitution). Закон КНР «О региональных этнических автономиях» гласит: «Органы самоуправления в этнических автономных районах гарантируют гражданам всех национальностей свободу вероисповедания...» (Там же). Государство защищает нормальную религиозную деятельность, законные права и интересы верующих лиц, религиозных организаций и мест отправления религиозных культов в соответствии с законом.

По данным «Белой книги»: «Историческое свидетельство о развитии этнического равенства и единства СУАР», к 2008 г. в СУАР насчитывалось 24800 мечетей, 91 религиозная организация и 2 религиозных ВУЗа. К 2014 г. более 50000 человек совершило паломничество в Саудовскую Аравию, ежегодно 27000 паломников из

Синьцзяна отправляются в Мекку и Медину, для выполнения пятого столпа ислама (Хадж), который, как известно, должен совершить каждый, имеющий такую возможность, мусульманин.

В политике КНР, так же наблюдается присутствие религиозной стороны («религиозного представительства»). Высшим законодательным органом (парламент) в КНР является Всекитайское собрание народных представителей, в состав которого на сегодняшний день входят более 1800 религиозных деятелей, которые априори, могут влиять на политические решения и контролировать осуществление религиозной политики в регионах.

К 2014 г. более 1 млн экземпляров религиозных книг, журналов и иных публикаций, в том числе, Корана, было издано на уйгурском, казахском, киргизском и китайском языках.

Начиная с 1980-х гг. центральное правительство выделило порядка 10 млн юаней на восстановление ряда ключевых религиозных сооружений, включая мечеть Ид Ках в Каши, мечеть Джума в Хотане, мечеть Ян Хан в Урумчи и минарет Эмин в Турфане.

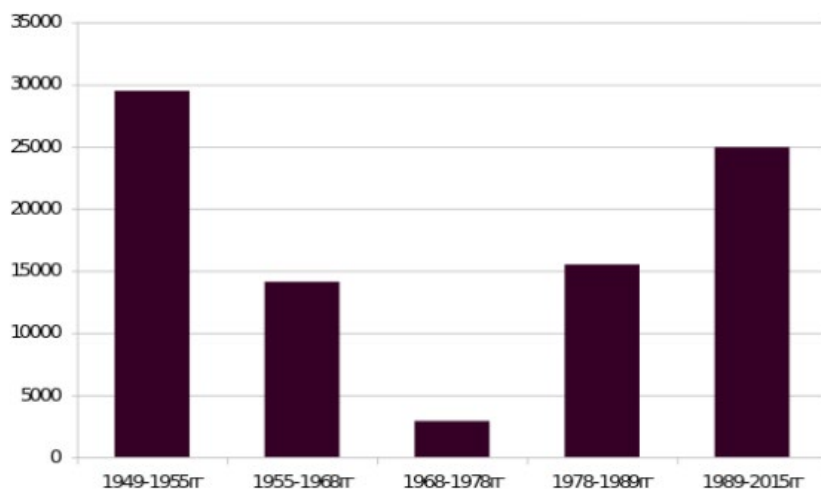


Рис. 8. Количество мечетей в СУАР с 1949 по 2015 гг.

* Составлено по: Государственный комитет по делам национальностей.

Политическая система в СУАР

В 1955 г., после создания СУАР, уйгурская политическая элита увидела потенциальную возможность создать независимое государство. Пользуясь возможностями самоуправления в региональной автономии, уйгурские элиты с 1978 г. через разные каналы, в том числе организовав массовые акции протеста, выставили требования, которые вышли за рамки политики этнической автономии – СУАР и буквально вынудили центральное правительство на ряд выгодных для них решений, касающихся экономической и культурной политики в СУАР. Т.е. политика руководства КНР, основанная на предоставлении политических прав и свобод в зависимости от национальной принадлежности приводит к конфликтам и национальной дифференциации. Безусловно, культурная идентичность и национальное самоопределение

должны быть важной составляющей политики государства, но не реализовываться в виде предоставления политических привилегий, которые предоставляются всем национальным меньшинствам, кроме титульной нации хань.

Реализация региональных постановлений, политики проводимой в отношении этнических автономий (административно-территориальных единиц Китая) местными органами власти, является политическим компромиссом, так как, с одной стороны, Коммунистическая партия должна выполнять свои исторические обещания, основанные на принципах национального самоопределения и следующие из теории марксизма, а с другой – центральное правительство опасается национальных меньшинств и отделения автономий — проявлений сепаратистских настроений. Выходит, что, создав автономии и наделив их самоуправлением, правительство одновременно само и создало определенные предпосылки для сепаратизма, и теперь стало пленником своих собственных решений.

Подготовка национальных элит

Большое внимание при распределении властных полномочий и политической ответственности в КНР уделяется национальным меньшинствам (это отражается на должностях и численности представителей национальных меньшинств в органах управления). В «Белой книге» приводится следующая информация: «в 1955 г. в СУАР насчитывалось 46000 работников государственных органов, а в 2014 г. эта цифра составила 417000, или 51.4% от общего числа госслужащих в регионе – представители национальных меньшинств» (Белая 2016). При выборе руководителей квалификационные требования госслужащих, требования для национальных меньшинств в автономном регионе ниже, а квота увеличена, что обеспечивает наличие определенного числа руководящих лиц из национальных меньшинств, в том числе депутатов в Собрании народных представителей⁶.

СУАР. В 12-ом, последнем созыве Всекитайского собрания народных представителей (2013 г.), СУАР представляло 60 делегатов, 11 национальностей, из них 38 – представители национальных меньшинств, то есть 63.33%. На 9 созыве Народного собрания СУАР присутствовало 542 делегата, представлявших 13 народов, из них 65.5% – представители национальных меньшинств, что на 4% выше, чем это положено, согласно норме пропорционального представительства, утвержденной Конституцией КНР. В 2014 г. 550 депутатов 12-го Народного собрания СУАР представляли 14 разных народов, 66% из них – представители национальных меньшинств, что на 3% выше, чем должно быть по закону.

В настоящее время шесть из девяти председателей и вице-председателей Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК являются выходцами из национальных меньшинств. В СУАР руководители автономных районов и уездов также принадлежат к национальным меньшинствам. На нынешнем 18 съезде ЦК КПК девять комиссаров⁷ – также представители национальных меньшинств, в том числе уйгуры (включая Нура Бекри – председателя Государственного управления по энергетике КНР).

Согласно Конституции КНР и «Правилам о национальных автономиях», Собрание народных представителей СУАР является законодательным органом. Длительное время в СУАР на различных уровнях в Собрании, национальные меньшинства составляли подавляющее большинство. Например, в 1982 г. на 4 созыве Собрание

народных представителей, представители национальных меньшинств голосовали за отмену латинского алфавита (который использовался в течение 23 лет) и восстановление арабского алфавита в уйгурском и казахском языках (Энциклопедия). Не исключено, что таким же образом в будущем они проголосуют за независимость СУАР, и можно предположить, что это решение будет иметь законную силу, соответственно, с точки зрения общекитайского законодательства.

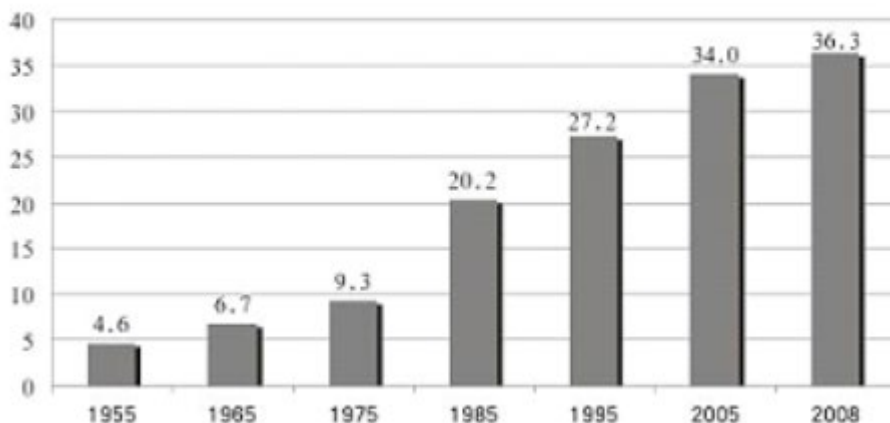


Рис. 9. Динамика численности уйгур на руководящих должностях в СУАР с 1955 по 2008 гг.

* Составлено по: Государственный комитет по делам национальностей.

С самого создания КНР, особое внимание в стране уделяется подготовке квалифицированных руководящих кадров из национальных меньшинств. Согласно данным из «Белой книги»: «Историческое свидетельство о развитии этнического равенства и единства СУАР», от сентября 2015 г., в стране открыто достаточное количество ВУЗов, созданных специально для национальных меньшинств. Кроме того, постоянно проводятся разного рода курсы и кадровые школы, направленные на повышение уровня образования представителей этнических меньшинств. Большая часть выпускников этих учебных заведений либо занимает руководящие посты, либо ведет научную деятельность по проектам, связанным с национальными вопросами и этнической политикой, или же составляют своего рода «мозговой центр» по этническим вопросам в качестве экспертов и советников в местных и общегосударственных органах управления. Естественно, они так же скорее всего влияют на проводимую в стране национальную политику и поддерживают ее «проэтническое» направление.

22 октября 1949 г. Был создан Комитет по делам национальностей при Центральном народном правительстве, который в 1954 г. был переименован в Комитет по делам национальностей КНР, а 22 июня 1970 г. он прекратил свою деятельность. В 1978 г. на Всекитайском собрании народных представителей, согласно Конституции КНР 1954, высший орган государственной власти и единственный законодательный орган КНР) было принято решение возобновить работу этого учреждения, переименованного в Государственный комитет по делам национальностей, и с этого момента он является неотъемлемой частью Госсовета КНР.

В обязанности Государственного комитета по делам национальностей входит доктринальная разработка законодательных основ национальной политики по созданию условий для развития языков, сохранения их самобытности и укрепления солидарности с другими нациями Китая.

Руководителями Государственного комитета по делам национальностей в разное время являлись: Ли Вэйхань (хань) 1949–1954; Улаву (монгол) 1954–1966; Ян Циньжен (дунган, мусульманин) 1978–1986; Исмаил Аамат (уйгур, мусульманин) 1986–1998; Ли Дэу (кореец) 1998–2008; Ян Цзин (монгол) 2008–2013; Ван Шеньгвэй (дунган, мусульманин) 2013 – по настоящее время. Исходя из этнического состава Комитета по делам национальностей, становится понятным, почему современная национальная политика направлена на защиту интересов национальных меньшинств.

Парадоксально, однако, что с 1978 г., когда в Китае начались реформы, стимулировавшие экономический рост и повышение уровня жизни, а также открывшие возможности для этнического самовыражения, вырос также и уровень межэтнической напряженности, участились насильственные инциденты – самый высокий за всю историю показатель. В то же время, период 1970–1978 гг. (во время «Культурной революции»), когда Госкомитет по делам национальностей был отозван, был самым спокойным и устойчивым в плане межнациональных отношений. Все это демонстрирует несостоятельность реформ и ошибочность политики государства. Таким образом, национальная политика в Китае, вызвала возрождение национального самосознания и привела к росту напряжения в межнациональных отношениях. Экономические и политические привилегии предоставлялись на основе национальной принадлежности, что привело к росту сепаратистских настроений в автономиях.

Столкнувшись с конфликтами, реформисты и консерваторы внутри Китая начали активно дискутировать по поводу национальной политики. Дебаты велись ведущими экспертами в национальном вопросе: 13 из них были консерваторами (в том числе, Чжан Хэйян – маньчжур, Хао Шиюань – монгол; его жена ФУ Ин – с 2009 г. замминистра МИД КНР, Ким Бин Хо – кореец) и только 4 – реформаторы (в том числе, Ма Жун Хуэй) (*Бовингдон* 2014: 18).

Проанализировав национальный состав исследователей, занятых изучением этнических вопросов, этнической теорией и решениями в национальной политике, можно сделать вывод, что и эта сфера находится под абсолютным контролем представителей этнических меньшинств.

Политика государственной поддержки (affirmative action) национальных меньшинств в СУАР и КНР в целом

В соответствии с национальной политикой КНР, по всей стране, в том числе в СУАР, проводится широкий спектр мер по поддержке этнических меньшинств, которые отличаются для разных этнических групп. Эти меры касаются планирования семьи, образования, трудоустройства, борьбы с нищетой, кредитования, судебных процедур, налогов и национальных культур.

Планирование семьи

Политика в отношении рождаемости в КНР различается для ханьцев и всех остальных национальностей. В «Законе о браке» прописано, что вступать в брак

могут мужчины не моложе 22 лет и женщины не моложе 20 лет, но для «неханьцев» в СУАР минимальный возраст вступления в брак для работающих женщин – 18 лет, для мужчин – 20 лет. В 1980 г. в СУАР началась реализация политики планирования семьи для ханьцев, за 10 лет до того, как она была введена для национальных меньшинств. Ханьцам разрешается иметь одного ребенка на семью, в то время как семьи из национальных меньшинств в сельской местности могут иметь четырех детей, а в городах – три. В результате, прирост населения национальных меньшинств с 5.79% в 1964 г. вырос до 8.49% в 2010 г. В целом, рождаемость среди уйгуров на юге СУАР – самая высокая по стране. Если так и будет продолжаться дальше, то в ближайшем будущем уйгуры в СУАР образуют абсолютное большинство.

Образование

Государство также оказывает представителям национальных меньшинств поддержку при поступлении в высшие учебные заведения – проходные баллы для них обычно ниже, чтобы облегчить для них доступ к высшему образованию. В сельских районах открываются школы с пансионом, где ученики также проживают на территории школы, чтобы дети из отдаленных районов могли получить хорошее базовое образование. Дети из семей национальных меньшинств в этих школах составляют более 80% учащихся. Кроме того, руководство страны ввело ряд программ профессиональной подготовки научных специалистов и топ-менеджеров, включая стажировки за рубежом. Чтобы повысить уровень базового образования, с 2000 г. в 13 школах 12 экономически самых развитых провинциях, а также в Пекине и Шанхае, были открыты специальные классы для детей из национальных меньшинств СУАР. К 2008 г. такие классы появились уже в 50 школах 28 городов, а количество учащихся, выросло с 1000 до 5000 в год. Итого, эти классы закончили 24000 учеников. После окончания школы около 90% из них продолжили обучение в университетах.

К 1998 г. правительством КНР на территории страны открыло 12 ВУЗов для национальных меньшинств и 59 педагогических училищ, 158 средне-специальных учебных заведений, 3536 национальных начальных школ, 20906 средних школ.

Борьба с бедностью

В 1985 г. для СУАР установлен прожиточный минимум в размере 150 юаней в месяц на человека для ханьцев и 200 для представителей национальных меньшинств.

Чтобы помочь малообеспеченным крестьянам, проживающим в удаленных южных скотоводческих районах СУАР, правительство с 2006 г. организовало регулярный добровольный выезд рабочей силы в восточные развитые регионы Китая, обеспечивая обучение и создавая на рабочих местах специальные условия, соответствующие религиозно-культурным нормам переселенцев. Например, отправляют вместе с ними повара, который готовит еду в соответствии с пищевыми традициями мусульман. С 2006 было совершено 19000 таких поездок, а доход с них составил порядка 200 млн юаней, с годовым доходом на душу населения – 7000 юаней, что в 2 раза выше, чем у крестьян и фермеров в СУАР. Чтобы улучшить подготовку трудящихся-мигрантов, государство ежегодно тратит 300 – 400 млн юаней.

С июля 2007 г. в СУАР вводится материальная помощь для крестьян и фермеров, чей годовой доход составляет ниже 700 юаней. С 2008 г. в СУАР 1 310 000 скотоводов получили такое пособие. С 1978 г по 2008 г. численность бедного населения сократилась с 5 320 000 до 2 530 000.

Государственное финансирование

Закон о национальных региональных субсидиях начал реализовываться в КНР в 1955 г., и к 1998 г. государство вложило в районы проживания этнических меньшинств порядка 16.8 миллиардов юаней. С 1980 по 1998 гг. СУАР получил дополнительное финансирование от правительства КНР в размере 140 млрд. юаней. С 1996 по 2000 гг. в регионе реализовывалась государственная поддержка торговли, когда Народным банком Китая каждый год выдавались кредиты под минимальный процент на 100 млн юаней на построение этнической торговой сети и технологических преобразований производственных предприятий. Малый и средний бизнес в деревнях освобождался от налогов.

Ряд мер, направленных на борьбу с бедностью, сформулирован государством:

1. расширить комплексную поддержку районов проживания национальных меньшинств;
2. при инвестировании средств и фондов приоритет отдается самым бедным уездам;
3. создать специальные фонды поддержки особо бедных районов проживания национальных меньшинств;
4. активно сотрудничать с международными организациями по борьбе с бедностью и развитию бедных районов проживания национальных меньшинств;

Национальные культуры

Защита и развитие национальных культур рассматривается государством в плане уважения к их обычаям и образу жизни, которые заметно отличаются от ханьских. Эти различия проявляются в одежде, питании, жилье, этикете, обрядах свадеб и похорон. Государство защищает права национальных меньшинств на сохранение собственных обычаев во всех сферах. Например, у мусульман есть правила, касающиеся питания, которые соблюдаются в офисах, школьных столовых, на предприятиях, в других учреждениях, открываются столовые или иные заведения общественного питания для мусульман. В больших и средних городах работают специальные рынки для мусульман, где цены на продукты ниже. То же самое касается армии, где меню мусульман отличается. На мусульманские праздники предоставляется выходной. Особое внимание уделяется обрядам похорон: национальным меньшинствам для погребения выделили специальные участки земли и организовали работу специальных отделов.

В планах по реализации национальной политики также есть проект по сбору, систематизации, переводу и публикации работ, представляющих ценность для национальных меньшинств, а также защита ценных культурных реликвий и мест. Увидела свет серия книг по краткой истории каждого из 55 этнических меньшинств Китая. На сегодняшний день Китайская ассоциация писателей на 10% (600 человек) состоит из национальных меньшинств.

За последние 10 лет государство много средств вложило в реставрацию культурно-исторических реликвий. С 1989 по 1994 гг. 53 млн юаней и 1 тонна золота были затрачены на реставрацию знаменитого дворца Потала, который является главным буддийским храмовым комплексом и основной резиденцией Далай-ламы. Также в населенных пунктах открыты музеи, культурные центры для сбора и сохранения культурных реликвий национальных меньшинств.

В национальных автономных районах действует 534 художественных коллектива, 194 театральные центры, 661 библиотека, 679 культурных центров, 155 музеев и т.д. Работают художественные школы и школы искусств для национальных меньшинств.

Активно развивается при помощи государственной поддержки, – традиционная медицина. В настоящее время работает 127 национальных больниц, 52 больницы тибетской медицины, 41 монгольская больница, 26 уйгурских больниц, больницы восьми других национальностей.

Спорт также не остается без внимания. В 25 провинциях страны раз в 4 года проводятся соревнования по традиционным видам спорта.

Цель всех этих мер и мероприятий – напомнить гражданам об их национальной идентичности, укрепить достоинство и самосознание. На самом деле, эффект от них таков, что снижается гражданственность национальных меньшинств, которым всеми способами напоминают, к какой нации они принадлежат. Это проводит черту между ханьцами и национальными меньшинствами, подчеркивает их отличия и не способствует формированию национального единства.

Здесь также важно отметить, что до 1983 г. в СУАР практически запрещались смешанные браки между ханьцами и другими национальными меньшинствами. На 100 семей только одна – смешанная. В 2014 г. в одном из уездов объявили о возможности введения денежного поощрения за смешанные браки представителей национальных меньшинств с ханьцами с целью устранения межнационального напряжения (Исследование 2003: 38). По данным из «Белой книги»: «Историческое свидетельство о развитии этнического равенства и единства СУАР», опубликованной в сентябре 2015 г., государственные субсидии в СУАР с 2010 по 2014 гг., по сравнению с периодом 1955–2009 гг., выросли в 1.68 раза и составили 1061 млрд. юаней. До конца 2014 г. восточные провинции инвестировали в 6482 проекта СУАР на сумму 827 млрд. юаней.

Словом, в СУАР национальные меньшинства получают вполне ощутимые видимые выгоды и поддержку, что способствует повышению их уровня развития во всех сферах. В то же время, в период с 2010 г. по 2014 г. учащаются случаи агрессивного и насильственного проявления межнациональной вражды, и это еще раз доказывает, что экономические меры не могут разрешить межэтнические конфликты. Предоставление экономических и политических привилегий, дифференцируемое по признаку национальной принадлежности, ведет к росту сепаратистских настроений, а не к межнациональной интеграции.

Теоретическая основа межэтнических отношений в СУАР

В современных условиях исследования межэтнических конфликтов базируется на нескольких теориях.

1) Китай является последней страной мира, где все еще реализуется на практике национальная политика, основанная на теории марксизма. Суть ее можно выразить так: основание для возникновения межэтнических конфликтов лежит в различиях между нациями, а социальные корни – это классовое угнетение и эксплуатационная система. В социалистическом обществе национальный вопрос не исчезает, но преобразуется в иной формат, основанный на требовании развивать собственную экономику и культуру.

2) Американец Джозеф Най в книге «Понимание международных конфликтов: теория и история» исследует межнациональные конфликты на Ближнем Востоке и отмечает, что наличие разнообразия этнических групп, религия и национализм – вот корни этих конфликтов, и решающее влияние на их становление оказывают мировые державы (Neu 2009: 8).

3) Американский ученый Самюэль Хантингтон в известной книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» приходит к выводу, что национальные и религиозные конфликты возникают из-за столкновения цивилизаций (культур) (Huntington 1996: 14).

После анализа ситуации в СУАР с помощью вышеизложенных теорий можно сделать следующие выводы.

В марксистской теории наций очевидно логическое противоречие. Согласно этой теории, национальные различия приводят к конфликтам, а чтобы разрешить проблему, необходимо достичь равноправия наций. В то же время, чтобы достичь равноправия, нужно сохранить индивидуальные различия каждой нации. В этом и состоит противоречие. С точки зрения культуры, сохранение индивидуальности каждой нации – это эффективное решение, но на практике эта теория политизировалась, вследствие чего культурное равноправие заменялось требованием предоставления дополнительных политических привилегий, а политическое различие прав наций в составе многонационального государства – это угроза распада такого государства. Роковой изъян данной теории был отлично продемонстрирован на примере СССР и продолжает демонстрироваться безуспешным воплощением ее в жизнь в КНР, в то время как единственно возможным решением проблемы нам видится интеграция.

Этническая политика играет решающую роль в межнациональных конфликтах. С началом реформ в 1978 г. КНР выбрала капиталистический путь рыночной экономики, что позволило экономике Китая подняться на второе место в мире. Однако в политическом плане система остается авторитарной социалистической, с марксистским подходом к управлению национальной политикой (теория национального равноправия и национального единства). В то время как социально-экономическое положение граждан СУАР улучшается, межэтнические отношения ухудшаются, появляются сепаратистские настроения и организации. В противовес этому, десятилетие с 1968 г. по 1978 г., когда экономика стагнировала, уровень жизни был очень низким, подавлялась религиозная деятельность, а марксистский подход к национальному вопросу не был реализован, было самым мирным и стабильным в истории межэтнических отношений в СУАР. Даже количество браков в это десятилетие было самым высоким, начиная с 1949 г. Это показывает, что межнациональные отношения напрямую зависят от политических решений. Когда игнорировались религиозные различия, не подчеркивалось религиозное и национальное самосознание, делался упор на идеологию, на общую идею, на благо которой все работали, именно это содействовало межэтнической интеграции.

Экономические факторы, безусловно, не могут не влиять на межэтнические отношения и могут вызывать напряженность, но они не являются решающими. Согласно А. Маслоу, в системе человеческих потребностей после физиологических потребностей идут потребность в безопасности, затем любовь и принадлежность к обществу (определенной ячейке, группе), после этого уважение и высокая оценка другими и, наконец, самореализация, и, как только базовые потребности удовлетво-

рены, человек стремится к удовлетворению потребностей высшего уровня. Нация существует как совокупность отдельных индивидов, а также социальных, экономических, политических и др. групп, поэтому пирамида потребностей отдельно взятого индивида также распространяется на группы, в том числе, на нацию. Решение только экономических проблем само по себе еще не гарантирует решением проблем межэтнических, что прекрасно видно на примере СУАР. Ключевым фактором является политическое ядро национального вопроса. Капиталистическая и социалистическая системы не могут существовать бок о бок в одном государстве, так как предполагают разные системы ценностей. Социалистическая революция утверждает экономическое равенство, а капитализм – равные права. Однако мы видим на примере многих государств, что люди снова и снова выбирают духовные ценности и идеалы, ставя их над материальными, что соответствует пирамиде Маслоу.

СУАР не является самым бедным регионом страны (из 665 бедных уездов страны здесь находятся только 27), но представляет собой регион с самым высоким уровнем межнациональной напряженности, в то время как, например, в провинции Юньнань количество бедных округов самое высокое, и там проживает 25 этнических меньшинств, но межэтнические отношения в провинции стабильные, благодаря тому, что культура там практически гомогенна, с абсолютным доминированием ханьского компонента.



Рис. 10. Пирамида потребностей по Маслоу.

* Составлено по: Пирамида потребностей Маслоу и ее применение в жизни.

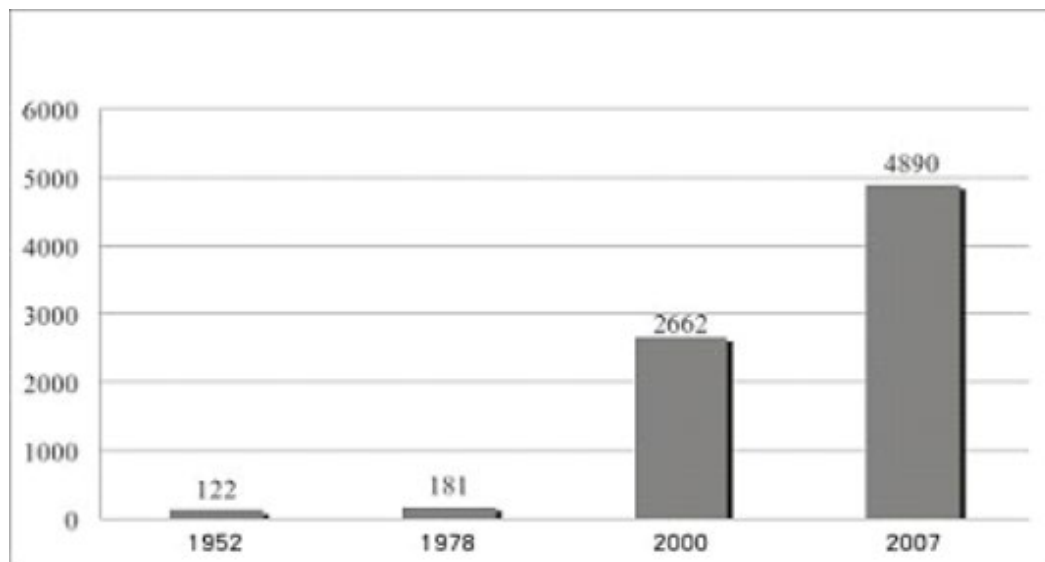


Рис. 11. Средний уровень потребления населением СУАР с 1952 по 2007 гг. (в – юанях/месяц).

* Составлено по: Синьцзян. Ежегодный статистический сборник. Бюро статей СУАР, 2015.

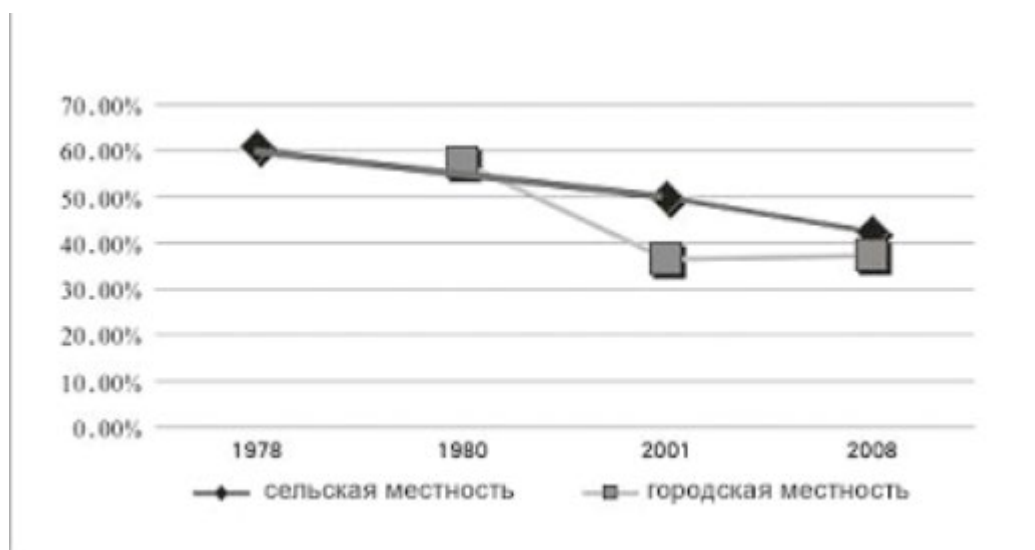


Рис. 12. Динамика потребительских расходов населения СУАР (1978–2008 гг.) по Закону (коэффициенту) Энгеля.

* Составлено по: Синьцзян. Ежегодный статистический сборник. Бюро статей СУАР, 2015.

Геополитические факторы могут стать катализатором межнациональной напряженности и негативно влиять на общественное мнение, трансляцию религии и культуры на определенных этапах развития межэтнических отношений. В СУАР под влиянием Турции и Саудовской Аравии пропагандируется панисламизм и пантюркизм, провоцируется этническое разделение, оказывается поддержка сепаратизму. До 1978 г., особенно в период «Культурной революции», осуществлялся жесткий контроль границ, средства распространения информации были не развиты (не было

интернета, телевидения, газет), что препятствовало проникновению на территорию КНР мнений извне. Именно когда влияние культурных и религиозных факторов извне было слабым, межэтнические отношения в СУАР были стабильными.

Культурно-религиозный и языковой факторы также могут способствовать конфликтам. Духовные столкновения в истории встречаются чаще и они всегда более острые, чем экономические. Конфликты в СУАР также можно объяснить культурными и религиозными расхождениями. У любой группы, организации, страны есть свой набор ценностных установок, идеалов, свое мировоззрение, своя идеология, и любой организованной группе свойственно стремление распространить свою идеологию. Чем сильнее группа – чем богаче и могущественнее держава – тем более она верит в то, что ее идеалы единственно верные, и тем сильнее стремится распространить их на как можно большей территории, как было с СССР и коммунизмом, как в случае США с демократией, как Саудовская Аравия, получив доступ к запасам нефти, экспортирует исламизм.

Демографические факторы и состояние окружающей среды также влияют на межэтнические отношения. Например, в южной части СУАР, где самый высокий уровень рождаемости, ухудшается экологическая ситуация и проявляется недостаток ресурсов, вследствие чего растет напряжение между этносами, населяющими территорию.

Степень глубины и масштабов ассимиляции являются важным показателем состояния межэтнических отношений. Американский социолог Милтон Гордон в книге «Ассимиляция в американской жизни: роль расы, религии и национальности» предложил семь признаков ассимиляции (Gordon 1964).

1. Аккультурация (культурная или поведенческая ассимиляция);
2. Структурная ассимиляция (ассимиляция социальной структуры);
3. Слияние (добровольное объединение);
4. Ассимиляция идентичности;
5. Отсутствие предубеждений (отказ от сознательных этнических предрассудков);
6. Отсутствие дискриминации (отказ от межэтнической дискриминации);
7. Гражданская ассимиляция (социальная).

Если использовать эти показатели для измерения степени этнической ассимиляции в СУАР, то видно, что ее там нет. Для различных этносов, проживающих в СУАР довольно разбросанно, свойственно селиться своими сообществами. Из более чем 21-миллионного населения СУАР более 7 миллионов представителей национальных меньшинств не знают китайского языка (так как не пользуются им в повседневной жизни), а процент смешанных браков практически сводится к нулю, что свидетельствует о крайне слабой интеграции и коммуникации между этническими группами, и это одна из причин межэтнической напряженности.

Прогноз развития этнической политики в Китае

В межнациональной политике в СУАР в ближайшее время вряд ли стоит ожидать кардинальных перемен по следующим причинам:

1. Всеми исследованиями, разработками и осуществлением распоряжений по национальным вопросам занимается Государственный комитет по делам нацио-

- нальностей. Все его руководство – представители национальных меньшинств, которые защищают свои интересы и проводят политику к своей выгоде.
2. В Народном собрании – законодательном органе в автономных районах – абсолютное большинство представлено местными национальными меньшинствами, поэтому любой закон, не в пользу их интересов, скорее всего не будет принят.
 3. Национальная политика КНР прописана в Конституции, и любые попытки внести в Конституцию изменения, которые могут ухудшить положение национальных меньшинств, вызовут социальный протест.
 4. Исторически сложилось так, что сами национальные меньшинства исследуют и изучают все, что связано с этой темой, Влиятельные эксперты и СМИ также представлены национальными меньшинствами, и они имеют большое влияние на партию и правительство.
 5. В автономных районах КНР, в соотношении с представителями других народов проживает меньше этнических китайцев, ханьцев. В СУАР их не более 9 млн, в Тибете – 6% всего населения региона. Ханьцы, зачастую, стараются переселиться в районы проживания титульной нации, чтобы быть «среди своих».

Представляется, что особых перспектив изменения нынешней этнической политики и улучшения нет. Скорее всего, межэтнические отношения в СУАР продолжат ухудшаться – либо до смены правительства, либо до полного отделения СУАР, что также означало бы конец марксистской теории наций как социального эксперимента в мировой истории. Множество примеров говорят о том, что если правительство что-то обещает и дает, а потом пробует отменить или отобрать, за этим следует острая реакция протеста. То же самое происходит при попытке в СУАР ограничить право на автономию и связанные с ним права.

Столкнувшись с межэтническими конфликтами, правительство ведет себя очень противоречиво, продолжая «подкупать» национальные меньшинства социально-экономической помощью, при этом дискриминируя титульную нацию и постоянно опасаясь бурных волнений среди национальных меньшинств и давая им при этом еще большие льготы и свободы, с одной стороны. С другой стороны, применяет силу для подавления протестов. Подтверждением чему может служить подписанный 27 декабря 2015 г. первый в истории Китая закон о борьбе с терроризмом, который обязует интернет-провайдеров и ИТ компании передавать китайским властям любую запрашиваемую информацию, пароли, коды и т. д. Такая политика «кнута и пряника» не несет никаких кардинальных изменений. Вряд ли ее можно признать эффективной и надеяться, что она может продолжаться бесконечно. С практической точки зрения ситуация очевидна, но с теоретической, это является основой для изучения и исследования межэтнических отношений не только в отдельном регионе, а и на всей территории Китая, в соответствии с последними этнополитическими тенденциями современного, стремительно развивающегося мира.

Примечания

¹ Цзинпо – (именуемые в Мьянме - качины) малочисленный народ КНР, проживающих на своей этнической территории в провинции Юньнань.

² Коренными народами в Китае считаются те народы (этнические группы), которые проживали на территории государства до 1949 г., еще до момента создания КНР.

³ В начале 1962 г. СССР утверждает для жителей приграничной части КНР сертификаты поддан-

ства и проводит массовую пропаганду по привлечению населения, в частности приграничного СУАР на переезд в СССР. Экономическая ситуация и уровень жизни в КНР того времени были неблагоприятными, и начались массовые переезды на территорию СССР. 22 апреля 1962 г. на одном приграничном пункте (Хоргос), в связи с массовостью желающих покинуть КНР (по сертификату подданства СССР), начались потасовки между жителями и сотрудниками приграничной службы. Со стороны СССР был направлен транспорт для перевозки переселенцев, массовый выезд продолжался 3 дня. После чего, выехавшие не имели права вернуться на территорию КНР. По иным версиям (выше указана китайская версия, которая объясняет ситуацию «как пропаганду со стороны СССР»), правительство КНР специально воспользовалось данной ситуацией, не исключая возможности несколько «разгрузить» слабую экономику.

⁴ 5 июля 2009 г. В столице СУАР г. Урумчи, произошли массовые беспорядки. По официальной информации, причиной тому, стал конфликт между рабочими из Синьцзяна и других регионов, который произошел 26 июня 2009 г. на одном предприятии в г. Шаогуань провинции Гуандун. В результате потасовки было много пострадавших (около 120 человек), и 2-е выходцев из СУАР (уйгуров) скончались в больнице. Это вызвало массу негодования и радикалистских призывов среди уйгур, в частности, в сети Интернет, чем подтолкнуло людей к организации демонстрации «против дискриминации уйгур». Попытки полиции разогнать массовый митинг, в котором участвовали около 1000 человек, привели к массовым беспорядкам, которые сопровождались поджиганием автомобилей, домов и убийствами ханьцев. По официальным данным: 184 человека были убиты (по неофициальным около тысячи), сожжено 627 автомобилей и более 633 зданий. Предполагаемые виновники были арестованы полицией и понесли разного рода уголовную ответственность (длительные и пожизненные сроки заключения, смертная казнь). Это был самый масштабный случай межэтнического конфликта за всю историю существования КНР.

⁵ «Белая книга Китая» – своего рода, сборник докладов правительства, предназначенный для местных и международных СМИ, с целью раскрытия информации о политике Китая.

⁶ Собрание народных представителей является высшей властью на местах, на провинциальном, уездном и волостном уровне. Местные собрания на провинциальном и окружном уровне избираются на пять лет, на низших уровнях – на три года. Местные собрания утверждают планы экономического и социального развития в своих местностях, выбирают губернатора провинции (или другого главу местности), контролируют исполнение конституции и основных законов.

⁷ Должность комиссара в КНР приравнивается к должности заместителя губернатора провинции, это административный ранг, который присваивается сроком на 5 лет.

Литература

Белая – Белая книга КНР. URL: <http://scio.gov.cn>.

Бовингдон – Бовингдон Г. Ху хочет нововведений: дискурс и глубокая структура национальной политики в Китае/Социальные различия и конституционализм в пан-Азии. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. С. 18–26.

Государственное – Государственное информационное бюро. URL: <http://www.scio.gov.cn>.

Государственный комитет – Государственный комитет по делам национальностей. URL: <http://seac.gov.cn>.

Ежегодный 2011 – Ежегодный доклад работы правительства СУАР и Госсовета. Урумчи, 2011.

Исследование 2003 – Исследование смешанных семей в СУАР. Сборник проектов Фонда социальных наук. Урумчи, 2003.

Китай принял первый в истории закон о борьбе с терроризмом. URL: <http://newsru.com>.

Лэй Жао – Лэй Жао. Мировой национальный вопрос: изменения, новые тенденции, новые влияния URL: <http://people.com.cn>.

Лю Ян Сюнь – Лю Ян Сюнь. Между уйгурами и ханьцами в г. Урумчи с 1949 // China News Weekly. 2014. URL: <http://guanacha.cn>.

Население мира – Население мира. Демографический состав и этническое распределение в СУАР. URL: <http://www.renkou.org.cn>.

- Национальное бюро – Национальное бюро статистики КНР. Показатели ВВП. URL: <http://data.stats.gov.cn>.
- Пирамида потребностей Маслоу – Пирамида потребностей Маслоу и ее применение в жизни (URL: <http://4brain.ru/blog/пирамида-потребностей-маслоу>).
- Синьцзян 2015 – Синьцзян. Ежегодный статистический сборник. Бюро статей СУАР. Урумчи, 2015.
- Список – Список самых бедных уездов Китая. URL: <http://www.cpad.gov.cn>.
- Сяолинь Ли – Сяолинь Ли. Форум: Демография и планирование семьи южного СУАР. URL: <http://iyaxin.com>.
- Цзэминь Цзян 2010 – Цзэминь Цзян. Правильное понимание истории СУАР и противостояние этническому сепаратизму// Литература партии. Китай, 2010. № 6. С. 22–25.
- Чжан Сюмин 2009 – Чжан Сюмин. Практика борьбы с сепаратизмом и сохранение социальной стабильности в СУАР. Урумчи: Народное издательство СУАР, 2009.
- Энциклопедия – Энциклопедия Baidu: Уйгурская письменность. URL: <http://baike.baidu.com>.
- Этносы – Этносы и религии Китая. URL: <http://www.mzb.com.cn>.
- Constitution – Constitution of the People's Republic of China. URL: <http://www.dffyw.com>.
- Gordon 1964 – Gordon Milton M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. Oxford: Oxford University Press, 1964.
- Huntington 1996 – Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, 1996.
- Nye 2009 – Nye Joseph S. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History. Harvard: Harvard University Press, 2009.

References

- Belaia kniga KNR. URL: <http://scio.gov.cn>.
- Bovingdon G. Khu khochet novovvedenii: diskurs i glubokaia struktura natsional'noi politiki v Kitae/Sotsial'nye razlichii i konstitutsionalizm v pan-Azii. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Pp. 18–26.
- Gosudarstvennoe informatsionnoe biuro. URL: <http://www.scio.gov.cn>.
- Gosudarstvennyi komitet po delam natsional'nostei. URL: <http://seac.gov.cn>.
- Ezhegodnyi doklad raboty pravitel'stva SUAR i Gossoveta. Urumchi, 2011.
- Issledovanie smeshannykh semei v SUAR. Sbornik proektov Fonda sotsial'nykh nauk. Urumchi, 2003.
- Kitai prinial pervyi v istorii zakon o bor'be s terrorizmom. URL: <http://newsru.com>.
- Lei Zhao. Mirovoi natsional'nyi vopros: izmeneniia, novye tendentsii, novye vliianiia. URL: <http://people.com.cn>.
- Liu Ian Siun'. Mezhd uigurami i khan'tsami v g. Urumchi s 1949 // China News Weekly. 2014. URL: <http://guancha.cn>.
- Naselenie mira. Demograficheskii sostav i etnicheskoe raspredelenie v SUAR. URL: <http://www.renkou.org.cn>.
- Natsional'noe biuro statistiki KNR. Pokazateli VVP. URL: <http://data.stats.gov.cn>.
- Piramida potrebnosti Maslou i ee primenenie v zhizni. URL: <http://4brain.ru>.
- Sin'tszian. Ezhegodnyi statisticheskii sbornik. Biuro statei SUAR. Urumchi, 2015.
- Spisok samykh bednykh uezdov Kitaia. URL: <http://www.cpad.gov.cn>.
- Siaolin'Li. Forum: Demografiia i planirovanie sem'i iuzhnogo SUAR. URL: <http://iyaxin.com>.
- Tszemin' Tszian. Pravil'noe ponimanie istorii SUAR i protivostoianie etnicheskomu sепаратизму// Литература партии. Китай, 2010. No. 6. Pp. 22–25.
- Chzhan Siumin. Praktika bor'by s separatizmom i sokhranenie sotsial'noi stabil'nosti v SUAR. Urumchi: Narodnoe izdatel'stvo SUAR, 2009.
- Entsiklopediia Baidu: Uigurskaia pis'mennost'. URL: <http://baike.baidu.com>.

Etnosy i religii Kitaia. URL: <http://www.mzb.com.cn>.

Constitution of the People's Republic of China. URL: <http://www.dffyw.com>.

Gordon Milton M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. Oxford: Oxford University Press, 1964.

Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, 1996.

Nye 2009 – Nye Joseph S. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History. Harvard: Harvard University Press, 2009.

Wang Jiangang. Ethnic relations in Xinjiang Uighur Autonomous Region.

The development of inter-ethnic relations in (XUAR) is influenced by many circumstances, including economic, demographic, cultural, religious, linguistic and geopolitical factors, but the key role play ethnic politics. As a result increased the level ethnic identity of the peoples of Xinjiang, and what caused the increase in inter-ethnic tensions and increase conflicts. An accordingly In the near future is very little reason to expect improvement situation, but this, in turn, is the basis for the study of the realities and prospects to find theoretical opportunities in the future.

Key words: China, Xinjiang, XUAR, ethnic relations, ethnic policy, economic factors, the geopolitical factor; cultural factor; demography, ethnic self-identification.

УДК 39

© Н.Г. Герасимов

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СИРИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (СИРИЙСКАЯ ОБЩИНА В МОСКВЕ)

Статья посвящена исследованию современного состояния сирийской национальной идентичности через представления сирийцев об истории своей страны. На основе интервью с сирийцами московской общины автор попытался очертить целостный исторический нарратив происхождения и развития современной Сирии, служащий основой национального самосознания.

Ключевые слова: нарративная история, Великая Сирия, историческое самосознание, национальная идентичность, модернизация

В 2015 году среди представителей сирийской интеллигенции в Москве было проведено исследование с целью выявления их восприятия сирийской национальной идентичности, было опрошено 15 человек различных политических взглядов¹. Среди респондентов были как оппозиционеры, такие как Махмуд Хамза² и Омар Шаар³, так и сторонники сирийского правительства, такие как Ваддах аль-Джунди⁴ и Фахд Камнакш⁵. В опросе также участвовали сирийские интеллектуалы относительно нейтральных взглядов, например Тауфик Ибрагим⁶, и представители Сирийской социал-национальной партии⁷.

Развернутое интервьюирование проводилось среди высокообразованных и политически активных сирийцев старше 30 лет. Такой выбор обусловлен нестабильностью современной ситуации в стране, в условиях которой опрос значительного количества сирийцев относительно их представлений о своей идентичности не только затруднителен, но и неэффективен. Постоянное изменение ситуации и прогрессирующий распад страны вызывают апатию в обществе и делают национальную самоидентификацию иллюзорной. Однако приоритет качественного анализа и развернутое интервью позволяют уловить интонации, оценить ход мысли респондентов и внутреннюю логику, сформировавшуюся в их сообществе – это снижает фактор дестабилизации идентичности в условиях конфликта.

Выбор респондентов старшей возрастной категории предполагает относительно консервативные оценки и устоявшееся мировоззрение, подкрепленное значительным жизненным опытом. Молодое поколение действительно оказывает серьезное влияние на современные арабские страны, и в этой группе результаты интервью были бы другими, однако мнения в этой среде крайне неустойчивы и далеко не всегда обоснованы. Подбор респондентов проводился на основе активной политической позиции и их социального влияния: в качестве примера можно привести Махмуда Хамзу, члена Сирийского национального совета, имеющего более 5000 подписчиков в Facebook,

Герасимов Николай Геннадьевич – аспирант Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: fox-race@yandex.ru.

или Фахда Камнакша, шеф-редактора ИА «Сана», которое представляет официальную позицию сирийского правительства. Всего в России находится около 8000 сирийцев-беженцев (фактически сирийская диаспора более многочисленна, так как многие сирийцы имеют российское гражданство или бизнес в России)⁸, но мнения конкретно этих респондентов являются не только их частной позицией, но также в какой-то мере коллективным мнением, за счет ретрансляции его через средства массовой информации и социальные сети, так как люди с маргинальной позицией практически не могут получить доступ к широкой аудитории. Именно по этой причине исследование претендует на репрезентативность в масштабах сирийского сообщества в Москве и в России на основе опроса относительно небольшого числа респондентов, хотя автор не отрицает необходимости его подтверждения через расширенные соцопросы.

Задачу исследования можно сформулировать, как попытку наметить нарратив сирийской истории, целостное представление сирийцев о развитии своей страны, которое является основой для национального самосознания. Интервью как объект исследования и анализ восприятия событий, а не их самих, характерны для социологии; интервью не является в полном смысле историческим источником, если речь не идет о свидетельствах очевидцев исторических событий. Тем не менее, представление об истории также имеет большое значение: это ярко продемонстрировал Э. Саид в своей работе «Ориентализм» (Saïd 2006), где объектом исследования выступила не история, а ее концептуальное переосмысление, по мнению Саида, навязываемое «незападным» обществам. Тем не менее, на Востоке существовали и собственные традиции общественной мысли, что хорошо проявилось в арабских странах на примере т.н. «Нахды» – «Арабского Возрождения». Именно эти собственные традиции и представления о путях развития страны или региона обычно рассматриваются исследователями национализма в качестве основы для формирования национального самосознания. Однако сами по себе тексты интеллектуальной элиты являются только первоисточником для национального самосознания, не менее важно их широкое воспроизводство в обществе. Цель данного исследования состояла в том, чтобы выявить следы целостного представления о национальной истории Сирии среди интеллигенции, воспринимающей ее опосредованно. Задачей исследования была оценка статистических данных, а оценка нарратива – «текста» сирийской истории в представлениях его носителей.

Следует отметить, что проблему национализма в арабских странах, и Сирии в частности, нельзя назвать особенно актуальной. Напротив, активное распространение радикального ислама и распад светских государств свидетельствуют о росте исламского фундаментализма, возврату к архаичным формам идентичности – племенной и конфессиональной. В ходе интервью проявилась слабость национального самосознания сирийцев: практически всем респондентам требуются пояснения термина «национальные интересы», и большинство из них считает, что сирийская нация (в западно-европейской ее форме) не существует и не появится в ближайшем будущем, хотя им близко понятие патриотизма⁹. Это отчасти объясняется тем, что даже сохраняющийся светский режим в Сирии национализм идеологически отторгает: доминирующая в стране Партия арабского социалистического возрождения выражает идеи общерабского национализма; с идеологической точки зрения страновой национализм для нее враждебен, так как он подрывает арабское единство. Тем не менее, современную ситуацию в Сирии нельзя назвать устойчивой, а проекты исламских фундаменталистов перспективными. Крах идеологии панарабизма, выразившийся в проигранных арабо-израильских войнах и неудаче союзного государства Сирии и Египта, конста-

тировали уже давно. Исламское государство на данный момент не представляется альтернативой панарабизму, так как демонстрирует полное отсутствие реализуемых проектов по стабилизации региона и остается больше военной, чем государственной структурой. Современный кризис стал результатом провала всех идеологических проектов по модернизации арабских стран в XX веке. Национализм – локальный, а не общеарабский – остается одной из немногих идеологических конструкций, еще не успевшей дискредитировать себя в арабском мире, поэтому оценка перспектив национальной идентичности сирийцев представляется немаловажной.

Представление об особой сирийской идентичности неоднократно фигурировало в работах сирийских интеллектуалов XIX века, обычно в рамках арабского единства. Первенство обычно отдают деятелям Нахды, таким как Бутрус аль-Бустани¹⁰ или Абд ар-Рахман аль-Кавакиби¹¹. После Великого арабского восстания 1916–1918 гг. был создан Сирийский национальный конгресс, деятели которого впоследствии принимали активное участие в борьбе против французского мандата в рамках партии «Национальный блок» – Шукри аль-Куватли¹², Хашим аль-Атгаси¹³, Ибрагим Ханану¹⁴ и др. Однако, теоретическое оформление концепции сирийской нации, – особой нации, а не частного случая панарабизма или антиколониальной борьбы, – происходит позднее, в работах Антуна Сааде, которого Адель Бешара называет архитектором сирийского национализма¹⁵.

Концепция сирийской нации, сформулированная А. Сааде в работах «Образование наций» (The Rise of Nations 1935), «Объяснение принципов» (Principles explained 1936) и «Десять лекций» (The Ten Lectures 1948), была основана на совмещении представлений о национальной идентичности европейских и арабских ученых и предполагала создание государства в границах «Великой Сирии»¹⁶. Большая Сирия Сааде формируется на основе культурного, а не этнического национализма. Его государство претендовало на часть Турции и Ирана с огромным процентом курдского населения, а также Кипр, уже тогда населенный греками и турками. При этом страны Арабского полуострова однозначно дистанцированы от Сирии, а сирийцы рассматриваются именно как сирийцы, а не арабы. С точки зрения методов хозяйства – оросительных систем в долинах великих рек, – и торговых путей, таких как ось Алеппо-Хомс-Дамаск или Алеппо-Багдад, – «Великая Сирия» Сааде всегда представляла единое пространство. Не важно, какие конкретно государства существовали в разные периоды в разных частях этой территории – народы, создававшие новые государства на развалинах старых, всегда наследовали этот жесткий географически обусловленный каркас (Melhem 2010: 86–87).

Концепция Сааде эклектична и, можно сказать, маргинальна, что отражается в достаточно незначительной популярности созданной им Сирийской социал-национальной партии. В целом она находится в рамках модернистской национальной парадигмы, описанной Э. Смитом, где нации – это территориальные суверенные сообщества равноправных граждан, образующие базу политической лояльности их членов и являющиеся творениями своих лидеров и элит (Смит 2004: 52–53). Однако интерес представляет не адаптация модернистской парадигмы, а представления Сааде об истории формирования Сирии, которые неожиданно воспроизводятся современными респондентами, практически не знакомыми, по их словам, с этой доктриной, что позволяет говорить о существовании устоявшихся представлений о сирийском историческом нарративе, описанном в данном исследовании.

В ходе исследования рассматривались различные вопросы, но в рамках статьи мы сосредоточимся на происхождении сирийцев, территории Сирии и периоде истории

Сирии с 1946 г., когда она стала суверенным государством, так как эти вопросы дали наиболее интересные результаты. Большинство респондентов считает сирийцев арабами, но с существенными оговорками. Приоритет панарабского единства наиболее четко проявляется у представителей старшего поколения, людей 60–70 лет, которые застали объединение Сирии и Египта в сознательном возрасте. Практически все респонденты признают крах политического панарабизма, который проявился, по их словам, в 1970–1980-е годы, однако старшее поколение все еще сохраняет его на уровне глубокой убежденности. По-видимому, именно крах панарабизма объясняет тот факт, что, почти все респонденты, расставляя приоритеты между сирийской, арабской и мусульманской идентичностью, называют себя в первую очередь сирийцами¹⁸.

В процессе уточнения значения слова «араб» часто возникало впечатление, что граница между «сирийцами» и «арабами» может быть проведена по линии городского и кочевого населения, хотя респонденты это отрицают. Ядром Сирии для них, несомненно, являлись ее древние города и их сельская округа, которые резко контрастируют с восточной пустынной частью страны. Говоря об отличиях сирийцев от арабов, респонденты называли высокую роль кровного родства, которая и сейчас сохраняется у арабских племен и не столь характерна для городского населения. Подлинно арабская общность отчетливо локализуется в регионе Аравийского полуострова, по-разному оценивается только ее влияние. Наиболее ярко это иллюстрирует описание Омаром Шааром истории его родного города Алеппо:

«Алеппо – это очень древний город, он появился задолго до арабов или римлян. Его центральная часть, его рынки составляют основу древнего торгового центра. Южная часть граничит с пустыней, откуда и сегодня идет устойчивая миграция арабских племен. Эта миграция происходила задолго до арабского завоевания, даже сегодня в южной Турции можно найти следы арабских племен, перекочевавших туда. Можно сказать, что юг Алеппо более арабизирован» (ПМА: Омар Шаар).

В истории Сирии все еще отсутствует единый нарратив развития, что отчетливо проявлялось в ходе интервью. Существует, по сути, две Сирии – регион Биляд аш-Шам и государство Сирия, которое формально появилось в 1946 г. – и респонденты практически всегда просили уточнить, какая из них интересует автора. Отправной точкой истории Биляд аш-Шам респонденты предлагают считать, в основном, финикийский период, в качестве предков сирийцев указывают арамейцев, ассирийцев, «суриан». Представление о древности Сирии часто проявляется параллельно с панарабскими взглядами, и оно созвучно идеям Антуна Сааде. Ваддах аль-Джунди наиболее отчетливо высказывает мысль, которая встречается у многих респондентов и доминирует у Сааде, что сирийцы – это результат смешения множества этносов, и границы Сирии определяют культурные связи, заложенные еще финикийцами, а не кровное родство (ПМА: Ваддах аль-Джунди). Несколько человек назвали периодом расцвета Сирии Халифат Омейядов, потому что его столицей был Дамаск и напоминанием об этом является знаменитая мечеть Омейядов. По той же причине Тауфик Ибрагим отделяет османскую историю от сирийской – Османская империя, по его мнению, не оставила значительных следов в сирийской истории и культуре (ПМА: Тауфик Ибрагим). Все респонденты согласны, что история Османской империи – это история халифата, история ислама, а не их страны, хотя Сирия была его частью.

История Сирии как суверенного государства тесно связана с вопросом ближневосточных границ, так как она появилась как усеченный вариант «Великой Сирии» в ре-

зультате освободительной борьбы против французов. Несмотря на распространенное мнение об искусственности сирийских границ, все респонденты считают их справедливыми, состоявшимися, кроме сирийско-израильской, естественно. Дэниел Пайпс назвал свою работу о Великой Сирии «История амбиции» (*Pipes* 1990), что хорошо отражает сущность этой концепции; респонденты считают это идея Великой Сирии как ядра арабского мира, государства-региона, осталась в прошлом, уступив место независимой «малой» Сирии. Попытки определить различия между сирийцами, иракцами, иорданцами и ливанцами не дают результатов, но респонденты не сомневаются, что это различные народы в рамках арабской общности. Границы в пустыне важны только формально, так как там культурные различия размываются и однозначно определить «сирийскость» Дейр эз-Зора, например, затруднительно. Границы в древности, по-видимому, вообще не играют роли, так как сирийские «прагосударства» (в качестве таковых респонденты называли финикийские города, Мари, Миттани) – лишь отчасти находились на территории современной Сирии, они существовали скорее в рамках единого культурного пространства Биляд аш-Шам. Этот вывод созвучен концепции Сааде, хотя респонденты, по их словам, очень отдаленно знакомы с его идеями.

В плане развития Сирии как независимого государства¹⁹ наблюдается четкая корреляция взглядов с политической позицией респондентов, что неудивительно. Оппозиционные деятели считают расцветом Сирии 1950-е годы, период так называемого «либерального режима»; даже понимая, что он был неустойчив и слаб, они считают, что это было правильное направление развития государства²⁰. Тем не менее, в дальнейшем Сирия под руководством «Баас» и «прагматичной политики» Хафеза Асада существенно изменилась, как в экономическом плане, так и в плане социальной структуры, что уже невозможно списать на интересы правящей группировки алавитов. Если опустить уже известную риторику о репрессиях, то на основе результатов интервью доминирование «Баас» можно представить как период возможностей, и раскалывает общество оценка их реализации. Успехи и недочеты при модернизации страны видны как представителям оппозиции, так и сторонникам правительства, и именно на этой основе возможно абстрагироваться от взаимных претензий, раскалывающих общество, и проследить причины кризиса сирийского государства.

Можно сказать, что масштаб преобразований в обществе осознается всеми его группами. Инфраструктурные проекты, развитие систем образования и здравоохранения сопровождалось сломом традиционного уклада жизни. Тауфик Ибрагим отмечает, что баасисты ликвидировали многоукладность сирийского общества и привели его к индустриальной модели, хотя и не до конца (ПМА: Тауфик Ибрагим). Даже далеко не идеальная система образования, по его мнению, с которым согласны многие респонденты, привела к существенному подъему общей культуры населения. Респонденты отмечали все те признаки деятельности государства, которые упоминались в работах исследователей национализма, как унифицирующие общественную жизнь и способствующие становлению массового унифицированного самосознания, являющегося основой для становления самосознания национального²¹. Критика же деятельности сирийского руководства исходит из недостаточности этих преобразований. Один из респондентов, лояльно относящийся к сирийскому руководству, высказал мнение, что «период диктатуры» был очень благоприятен для реформ (ПМА: анонимный информант). Благодаря диктатуре, закрепившей сирийскую государственность в рамках определенных границ, страна смогла стабилизироваться после серии переворотов, что

сплотило сирийцев независимо от этнической и конфессиональной принадлежности. Это могло бы стать первым шагом к построению лояльности своей нации, основанной на гражданстве, юридическом равноправии, а не на системе клиентских связей между этноконфессиональными группами, что Э. Смит отмечает как необходимый компонент нации в понимании модерна (Смит 2004: 52). По мнению респондента, ситуацию диктатуры следовало использовать для более радикальных экономических и социальных преобразований, но сирийское руководство не смогло их реализовать, либо даже не ставило цели завершить модернизацию страны.

В ходе интервью поднимался вопрос о политике «Баас» по отношению к национальной идентичности. Очевидно, что баасистский панарабизм отвергает локальные идентичности, однако встречались и более развернутые ответы: часть респондентов считают, что «правление алавитов» усилило этноконфессиональную рознь в сирийском обществе. Этот конфликт не был непосредственным следствием доминирования меньшинства, на что указывают практически все исследователи Сирии – дело в том, что кадровые решения руководства прямо противоречили его стремлению к модернизации страны²². Бывший член одной из коммунистических партий Сирии привел пример кадровых назначений в городской меджлис Масьяфа (ПМА: анонимный информант). Он сообщил, что баасистское руководство присылало разнарядку по депутатам, где было указано не только соотношение представительства партий, но и конфессиональная принадлежность депутатов – в его городе от коммунистов должно было быть определенное количество суннитов и исмаилитов. Следует отметить, что в этом примере практически отсутствуют алавиты, которых обвиняют в монополизации власти; он показывает, что действия государственного и партийного аппарата заостряют внимание на всех конфессиональных группах, постоянно напоминают сирийцам об их групповой принадлежности, принудительно сохраняют конфессионализм там, где можно было бы, по мнению респондента, от него отказаться. Подобные практики можно воспринимать, как попытку сбалансировать общество, но также и как недостаток политической воли, ведь в сообществе алавитов существовало понимание важности снижения значения конфессионального фактора в сирийском обществе, что ясно показал В. Саутов в своей работе «Алавиты в общественно-политической жизни Сирии, 40–90-е годы XX века» (см.: Саутов 2001). Следует отметить, что похожую неясную политику сирийское руководство демонстрировало и по отношению к курдам. Западные исследователи считают, что в Сирии имеет место целенаправленная дискриминация курдов, однако респонденты утверждают, что она идет исключительно от государства, не имея под собой никакой основы²³. Они считают, что курдское население не создает межэтнической напряженности, которая могла бы обосновать необходимость такой жесткой государственной политики по отношению к ним. Так же как и в случае с усилением конфессиональных общностей, здесь наблюдается осознание проблемы при отсутствии последовательных путей ее решения: никто из респондентов не смог сформулировать цель руководства САР, которое десятилетиями отказывалось как от интеграции курдов, так и от предоставления им культурной автономии.

Политику сирийского руководства, и не только в области межэтнических и межконфессиональных отношений, можно сформулировать в форме популярных в последнее время «красных линий», за которые нельзя переступать. Сирийское руководство готово смириться с присутствием миллионов курдов на своей территории, но не смогло дать им даже видимость автономии. Сирийское руководство готово двигаться по пути модернизации страны, но не принципиально не готово отказаться от проверенного веками сред-

ства контроля – племенной и конфессиональной лояльности. Однако «красные линии» рано или поздно нарушаются. Респонденты отмечают, что в 1990-е годы появились первые дискуссии об отказе от панарабизма. Ваддах аль-Джунди говорит о том, что сирийцы стали интересоваться своей историей и происхождением, на телевидении стали чаще использовать сирийский диалект арабского языка, а один из оппозиционеров заявил, что сожалеет о потере Пальмиры даже не потому, что это памятник ЮНЕСКО – он потерял часть своей истории, о которой почти ничего не знал (ПМА: анонимный информант). Памятники культуры на сирийских банкнотах – это классическая репрезентация национальной истории, но ее сирийцам даже в школе не преподавали²⁴.

Сирия уже приблизилась по многим признакам к национальному государству в модернистской парадигме, описанной Э. Смитом – территориальному суверенному образованию юридически равных граждан. Однако целостное представление о своей истории, которое обычно тиражируют национальные государства, в Сирии находится в незавершенном состоянии. По результатам исследования можно сказать, что для оформления целостного представления о сирийской истории, способствующего становлению национального самосознания, не хватает соединения двух нарративов, – истории Биляд аш-Шам и современного сирийского государства. Это объединение могло бы способствовать становлению светского национального самосознания и дать сирийскому государству историческую легитимность, однако для этого необходима целенаправленная работа, начиная со школьной программы. Модернизация, затронув области экономики и социальной структуры, в области культуры остановилась, и перехода к национальному самосознанию пока не произошло.

Сирийский национализм не является прямым следствием национально-освободительной борьбы – ее следствием был панарабизм, имевший большую популярность в середине XX века. Можно сделать вывод, что современные представления о сирийской нации – это ответ на фактическое длительное существование независимой суверенной Сирии, на собственный, а не общеарабский опыт государственности²⁵. Традиция государственности порождает патриотизм, усиливающийся в условиях конфликта, который может стать основой национализма. Однако продолжающееся декларирование идеологии панарабизма, – доктрины «Баас», которая давно не отвечает современным реалиям, – ведет к формированию слабого национального самосознания и фрагментации восприятия истории. Национализм отрицается сирийцами, однако под давлением обстоятельств он начинает проявляться в таких аспектах, как например, современный лозунг сторонников правительства «Аллах, Сирия, Башар – и все!» – здесь уже нет места для арабизма. Проект Антуна Сааде в этом контексте может восприниматься как «эхо будущего». По форме он не отвечает современным реалиям, однако отражает тенденцию развития Сирии и опирается на те же положения, которые высказывают респонденты, незнакомые с его идеями: древность Сирии, ее доарабское происхождение и приоритет культурных торгово-экономических осей, формирующих сирийскую «исключительность».

Примечания

¹ Фактически было проведено 23 интервью, однако часть из них оказалась неудачной, респонденты не проявили интереса к теме или же были недостаточно информированы для подробного разговора. Было принято решение ограничиться наиболее информативными материалами.

² Махмуд Хамза – член оппозиционного «Сирийского национального совета», представитель совета «Декларация Дамаска» за рубежом, руководитель «Комитета поддержки сирийской революции».

- ³ Омар Шаар – исполнительный директор фонда «Москва – Алеппо», представитель совета «Декларация Дамаска» за рубежом.
- ⁴ Вадаха аль-Джунди – директор Российско-Арабского Центра культурного и делового сотрудничества, сопредседатель Российско-Сирийского Общества, заместитель председателя РОО «Общество граждан сирийского происхождения», член президиума «Арабского дома - Москва».
- ⁵ Фахд Камнакш – сирийский журналист, шеф-редактор Московского бюро ИА «Сана».
- ⁶ Тауфик Ибрагим – специалист по классической арабо-мусульманской философии и исламскому богословию, главный научный сотрудник Института Востоковедения РАН.
- ⁷ Здесь и далее по именам названы только те респонденты, которые дали согласие на персонификацию их позиции.
- ⁸ Официальной статистики нет в открытом доступе, данные приведены по заявлению представителя МИД М. Захаровой на основе статистики ФМС. См. подробнее url: <http://www.dni.ru/society>.
- ⁹ В арабском языке существует два термина для обозначения национализма – «кауимий» и «ватанийя». Эти термины отражают двойственное понимание национальной идентичности. «Каумийя» используется преимущественно для обозначения арабской нации, однако присутствует и в названии ССНП, что отражает стремление поставить сирийскую общность выше арабской. «Ватанийя» обозначает родину, локальный патриотизм – сирийский, египетский, иракский. Когда респонденты отрицают существование сирийской нации, имеется в виду именно «кауимийя», однако все они, независимо от политических взглядов, считают себя патриотами, т.е. сторонниками «аль-ватанийя ас-сурийя», что позволяет говорить о слабости национального самосознания, но не о его отсутствии. Патриотизм предполагает защиту родины, но не осознание ее гомогенности, что наглядно проявилось, например, в СССР, где культивировался государственный многонациональный патриотизм. Указанная терминологическая оппозиция предполагает формирование сирийского национализма только на основе патриотизма в противовес панарабской общности.
- ¹⁰ Бутрус аль-Бустани (1819–1883) – арабский христианский писатель ливанского происхождения, просветитель, ученый.
- ¹¹ Абд ар-Рахман аль-Кавакиби (1849–1902) – арабский мусульманский писатель сирийского происхождения, журналист, общественный деятель.
- ¹² Шукри аль-Куватли (1891–1967) – сирийский политический деятель, один из руководителей Национального Блока, президент Сирии в 1943–1949 гг. и 1955–1958 гг.
- ¹³ Хашим аль-Атасси (1875–1960) – сирийский политический деятель, председатель сирийского Национального конгресса, один из создателей Национального блока, президент Сирии в 1936–1939, 1949–1951 и 1954–1955 годах.
- ¹⁴ Ибрагим Ханану (1869–1935) – сирийский политический деятель, один из основателей Национального блока, организатор ряда восстаний против французской оккупации.
- ¹⁵ Антун Сааде (1904–1949) – ливанский писатель и публицист. В его работах представлена синтетическая концепция сирийской нации, выработанная им на основании представлений о национализме европейских и арабских ученых и предполагавшая создание сирийского государства в границах «Великой Сирии». Формулирование целостной концепции и создание Сирийской социал-национальной партии позволяет Аделю Бешаре констатировать переход к институционализации сирийского национализма и называть Антуна Сааде «архитектором сирийского национализма» (*Beshara* 2001: 341).
- ¹⁶ «Великая Сирия» или Биляд аш-Шам в арабской культурной традиции обозначает регион, включающий территории современных Сирии, Палестины, Ливана, Ирака и Иордании (*Beshara* 2001: 24).
- ¹⁷ Сирийская социал-национальная партия была создана Антуном Сааде в Ливане в 1932 году. В результате неудачных попыток государственного переворота в Ливане она долгое время была запрещена, а ее сирийская ветвь была разгромлена в 1955 г. Несмотря на незначительную численность ее членов и электората ее сложно назвать маргинальной. Существует мнение о связи ССНП с семьей Махлюф, к которой принадлежала Аниса, жена Хафеза Асада; 3000 членов ССНП, репрессированных в 1955 г., при Хафезе Асаде были постепенно амнистированы. Это отчасти объясняет поддержку ССНП сирийской интервенции в Ливане и участие ее боевого крыла в современном противостоянии сирийским исламистам, а также быстрое политическое восстановление после отмены запрета на деятельность в Сирии в 2005 году.
- ¹⁸ В ходе интервью проявлялись противоречивые позиции. Один из респондентов, признавая на-

лично исключительно арабской общности, сообщил, что ему стыдно быть арабом, потому что арабская общность ассоциируется у него с упадком и поражениями, с арабской беднотой. Также признание арабской общности не коррелирует с отождествлением себя с арабами; некоторые респонденты, условные арабы-сунниты, не считают себя арабами, что связано с локализацией «чистых» арабов в районе Арабского полуострова.

- ¹⁹ В ходе интервью часто возникала проблема включения в историю современной Сирии борьбы за независимость. Даже формальное появление современной Сирии можно датировать Арабским восстанием, а не только днем вывода французских войск. Неформально появление Сирии можно отнести к поздней Османской империи и активной деятельности сиро-ливанских интеллектуалов этого периода, о чем вспоминают респонденты. Плавающая отправная точка размывает представления об истории страны.
- ²⁰ Стоит отметить, что несмотря на распространенное убеждение в продвижении западной демократии на Ближнем Востоке, респонденты не считают ее подходящей моделью – в качестве образцов государственного устройства называют Сингапур, Турцию, Малайзию, КНР, в зависимости от предпочтений президентской или парламентской республики.
- ²¹ Здесь можно привести различные факторы, способствующие становлению национализма, рассмотренные такими исследователями как Э. Геллнер, Э. Хобсбаум и Б. Андерсон: общее среднее образование, транслирующее единый язык, «изобретенные традиции», идущие от государства, и массовую культуру на основе печатного капитализма и распространения средств массовой информации.
- ²² Особенности сосредоточения реальной власти в руках алавитов уже рассматривались учеными (см.: *Van Dam* 1979). Тем не менее, можно говорить о неофициальных попытках руководства САР моделировать межконфессиональный баланс в обществе по принципам, сходным с ливанским конфессиональным квотированием, что естественно заостряло внимание к религиозной идентичности в целом, а не только провоцировало конфликт с алавитами.
- ²³ В Сирии существует значительное инородное курдское сообщество (около 10% населения), которое активно росло в XX веке за счет миграции из Турции и Ирака, где курды подвергались репрессиям. В районе Алеппо существуют районы проживания коренных сирийских курдов; миграционный прирост же наблюдался в основном в провинции Хасеке, что провоцировало земельные конфликты с местным населением. В 1962 году в ходе переписи около 120000 курдов были лишены сирийского гражданства по случайной выборке и объявлены иммигрантами, ущемление прав курдов неоднократно вызывало массовые беспорядки в Хасеке (см.: *Kerim* 2005). Тем не менее, сепаратизм сирийских курдов отрицается респондентами, несмотря на деятельность радикальных курдских партий. Это косвенно подтверждается чрезвычайно длительным формальным сохранением курдских провинций в составе Сирии в ходе современного конфликта.
- ²⁴ Преподавание истории в сирийской школьной программе ведется с 6 по 12 класс. Оно сосредоточено на истории Сирии как части арабского мира, доарабской истории региона уделяется незначительное внимание. Это ведет к формированию противоречивого представления о развитии Сирии, так как отсутствует четкое разделение между современным государством Сирии и регионом Билад аш-Шам, и дает незначительную информацию о неарабских исторических памятниках (*Bollinger* 2011: 96–112).

Источники и литература

- Андерсон – Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
- ПМА – Полевые материалы автора. Серия интервью в Москве с представителями сирийской общины, июнь-октябрь 2015 г. (Информанты: Ваддах аль-Джунди, Тауфик Ибрагим, Фахд Камнакш, Махмуд Хамза, Омар Шаар, 10 анонимных информантов).
- Саид* 2006 – *Саид Э.* Ориентализм. СПб.: Русский мир, 2006.
- Саутов* 2001 – *Саутов В.Н.* Алавиты в общественно-политической жизни Сирии, 40-е – 90-е годы XX века. М: Институт востоковедения РАН, 2001.
- Смит* 2004 – *Смит Э.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004.

- Anderson* 2002 – *Anderson B.* Duality of national identity in the Middle East. Critique: Critical Middle Eastern Studies, 2002. Vol. 11 (2). Pp. 229–250.
- Beshara* 2001– *Beshara A.* The origins of Syrian nationhood: histories, pioneers and identity. London: Routledge, 2001.
- Bollinger* 2011 – *Bollinger M.* Writing Syrian history while propagating Arab nationalism. Textbooks about modern Arab history under Hafiz and Bashar Asad. Journal of Educational Media, Memory and Society. 2011, vol. 3(2). Pp. 96–112.
- Kerim* 2005 – *Kerim Y.* The Kurds in Syria: the forgotten people. London: Pluto Press, 2005.
- Melhem* 2010 – *Melhem E.* Antun Sa`adeh: National philosopher. Melbourne, 2010.
- Pipes* 1990 – *Pipes D.* Greater Syria. The history of an ambition. Oxford University Press, 1990.
- Van Dam* 1979 – *Van Dam N.* The struggle for power in Syria: sectarianism, regionalism and tribalism in politics. London: Taylor&Francis, 1979.

References

- Anderson B.* Duality of national identity in the Middle East. Critique: Critical Middle Eastern Studies, 2002. Vol. 11 (2). Pp. 229–250.
- Anderson B.* Imagined communities. Moscow: Kanon-Press-C, 2001.
- Beshara A.* The origins of Syrian nationhood: histories, pioneers and identity. London: Routledge, 2001.
- Bollinger M.* Writing Syrian history while propagating Arab nationalism. Textbooks about modern Arab history under Hafiz and Bashar Asad». Journal of Educational Media, Memory and Society, 2011, vol. 3(2). Pp. 96-112.
- Field materials gathered by author during series of interviews in Moscow with representatives of Syrian community, June-October 2015 (Informants: Taufik Ibrahim, Waddah al-Jundi, Mahmud Hamza, Fahd Kamnakesh, Omar Sha`ar, 10 anonymous informants)
- Kerim Y.* The Kurds in Syria: the forgotten people. London: Pluto Press, 2005.
- Melhem E.* Antun Sa`adeh: National philosopher. Melbourne, 2010.
- Said E.* Orientalism. Saint-Petersburgh: Russkij mir, 2006.
- Sautov V.N.* Alavity v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Sirii, 40-e – 90-e gody XX veka. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2001.
- Smit E.* Nationalism and modernism. A critical survey of recent theories of nations and nationalism. Moscow: Praksis, 2004.
- Pipes D.* Greater Syria. The history of an ambition. Oxford University Press, 1990.
- Van Dam N.* The struggle for power in Syria: sectarianism, regionalism and tribalism in politics. London: Taylor&Francis, 1979.

N.G. Gerasimov. The performance of Syrian intellectuals on national identities (Syrian community in Moscow).

The theme of the article is an analysis of contemporary national identity in Syria through representation of Syrian history. On the base of interviews with Syrians in Moscow author seeks to represent integral narrative of origin and evolution of modern Syria that is the foundation of national identity. The article contains remarks on characteristics of Syrian historical mentality and assessments of condition and perspectives of Syrian historical narrative.

Keywords: *narrative history, Greater Syria, historical identity, national identity, modernization.*

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 398.3

© *З.И. Курбанова***ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
КАРАКАЛПАКОВ, СВЯЗАННЫЕ С ОДЕЖДОЙ И
УКРАШЕНИЯМИ**

Традиционная одежда каракалпаков тесно связана с народными поверьями и занимает особое место в духовной жизни народа. Различные представления, обычаи и обряды, связанные с одеждой и украшениями сохраняются в традиционной культуре по сей день. Наиболее консервативной, сохранившейся до последнего времени остается магическая функция одежды и украшений. Отдельные предметы одежды и украшения, по представлениям каракалпаков, наделяются сакральной силой, которая могла противостоять злым силам, способствовать сохранению здоровья и благополучия. Анализируются различные представления и обряды, связанные с одеждой и украшениями, занимавшие и продолжающие занимать значительное место в традиционной культуре каракалпаков.

Ключевые слова: *одежда, украшения, обряд, сакральный, магический.*

В традиционной культуре каракалпаков сохранились различные представления, обычаи и обряды, связанные с одеждой и украшениями. Одежда выполняла ряд функций: практическую, эстетическую, магическую. Наиболее консервативной, сохранившейся до последнего времени остается магическая функция. Отдельные предметы одежды, по представлениям каракалпаков, наделялись сакральной силой, которая могла противостоять злым силам, способствовать сохранению здоровья и благополучия.

Эти предметы одежды составляли целую систему представлений. С помощью различных магических действий, как верили каракалпаки, можно было обеспечить продление рода, защиту от болезней и несчастий.

Наиболее многочисленную группу составляют магические приемы, направленные на обеспечение продления рода. Еще в 1950-е годы во время экспедиционных работ в Хорезме, Г.П. Снесарев, зафиксировал у узбеков обычай, направленный на заботу о продолжении рода. На мальчика, через несколько дней после его рождения, надевали особый головной убор – «*турт тумакли туппи*» (тубетейка с четырьмя «ушками»), стеганую ватную шапочку весьма оригинальной формы: у нее как бы четыре рога по углам. Значение этого ритуального головного убора весьма определенное: у ребенка в будущем должны появиться три брата. Перед нами пример того, как

Курбанова Земфира Ибрагимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник-исследователь Каракалпакского научно-исследовательского Института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. Эл. почта: sapphire.ethno@gmail.com.

желание родителей как бы материализуется в магический предмет, иммитативность которого весьма наглядна (Снесарев 1969: 95). Далее Снесарев отмечает, что подобный обычай не встречается у других среднеазиатских народов. Однако, в 2014 году, во время этнографической экспедиции в Ходжейлийский район Республики Каракалпакстан, нами был записан подобный обычай среди каракалпаков. В случаях, когда женщина по различным причинам долгое время не могла забеременеть, и после долгих ожиданий рождался ребенок, она надевала на него шапочку с четырьмя ушками. Цель данного обряда заключалась в том, чтобы у ребенка в будущем, было, по крайней мере, еще три близких родственника (ПМА 1: Кутлымуратова).

Еще один интересный обычай был зафиксирован здесь же. Женщины, которые не могли забеременеть оставляли не подшитым подол платья и ходили с развязанным воротом на платье. Действия в данном случае имели целью устранение различных препятствий, мешающих достижению беременности. В качестве препятствий выступают различные швы и узлы на одежде (ПМА 1: Кутлымуратова).

Бытовал и такой обычай: бездетная женщина стремилась получить предмет одежды многодетной матери. По представлениям каракалпаков, через эту одежду она перенимала способность рожать от бывшей владелицы и в будущем могла иметь много детей.

Подобные поверья были широко распространены не только у сельских, но и у городских жителей. Еще в недавнем прошлом бездетные женщины-каракалпачки пытались избавиться от бесплодия примеркой 40 (сакральное число) видов одежды либо на базаре, где продаются платья, традиционные халаты (*шапан*) и другая одежда, либо хитростью у подруг, чтобы они не заметили этого. В противном случае женщины старались побыстрее избавиться от одежды, которую мерил бездетная. Эти действия бездетных связывают с поверьем перенять способность рожать от женщин, имеющих детей (ПМ Нурмухамедовой И. 1986, № 6).

Ряд обрядов, связанных с одеждой проводился во время родов. Чтобы облегчить роды развязывали ворот на платье роженицы.

Родильные обряды, связанные с одеждой, имели место и у других тюркских народов. Символическую причастность подола к воспроизводству потомства обнаруживают заклинания кумадинских шаманов. В случае трудных родов они обращались к Убай (то же, что Умай. В мифологии тюркских народов богиня, олицетворение женского земного начала и плодородия) со словами:

*С ясного неба, паря, садись,
Убай-эне, птица-мать.
Подол открытым оставь,
Пусть своей дорогой он войдет
(Львова и др. 1988: 180–181).*

Таким образом, открытый подол, освобождающий дорогу новорожденному, однозначно связывался с актом рождения.

Охранительные свойства одежды имеют место в послеродовых ритуалах. Раньше у каракалпаков сразу после родов, ребенка заворачивали в одежду родителей. Мальчика – в рубашку отца, девочку – в платье матери, или готовили пеленку из старой одежды родителей. Считалось, что одежда родителей будет охранять или защищать новорожденного от различных бед.

Иногда из одежды родителей младенцу шили первую рубашку, вернее из ее лоскутков, из них же шилась шапочка. Делали это по двум причинам: во-первых, мяг-

кая, стираная много раз материя не раздражает нежную кожу младенца и, во-вторых, одежда родителей несла в себе магическую силу, способную заслонить неокрепшего маленького человека, уберечь от порчи и сглаза. Такая рубашка имела круглый вырез для головы, передняя часть была закрыта, а сбоку имелся разрез для надевания. На плечиках рубашки делались шнурки для завязывания (ПМА 2: Муртазаева).

Важное место в верованиях каракалпаков занимает вера в губительное действие сглаза. Сглаз вызывал и вызывает не меньше опасений, нежели вредоносные духи, и соответственно этому народ изобрел целую систему предохранительных и «лечебных» действий.

В случаях, когда в семье часто умирали дети, главной причиной считали сглаз. Через несколько дней после рождения ребенка, одна из старших родственниц шила новорожденному первую рубашку *йит кәйлек* из лоскутков, собранных из разных домов. Эти куски ткани собирали не менее чем из семи домов (ПМА 3: Ильясова). Как известно семь у каракалпаков, как и у многих тюркских народов, сакральное число.

Раньше, когда надевали новую одежду, нужно было, чтобы не менее семи человек поздравили с покупкой словами «*күтлы болсын*» (пусть будет благополучен) или «*тоздырмақ несиң етсин*» (пусть не износится одежда) (АОЭ 1: Отениязова). С какой целью это делалось, в памяти людей не сохранилось. Представляется, что связано это с числом семь. Например, сакральность семерки у тюркских народов Урало-Поволжья заключается в обозначении структуры вселенной (семь ярусов неба), в описании сакрального времени, связи поколений (*знать семь поколений*), в передаче значения совершенного числа, мощной силы, целостности (*семикратные повторы*) (Муратова 2015). По поверьям башкир, число семь обладало мощным магическим действием в лечении болезней, недугов. Для этого в заговорах использовали семь разных предметов, нитки, лоскутки семи разных цветов, повторяли заговор семь раз (Хадыева 2005: 114).

Шилась *йит кәйлек* вручную. Подол и концы рукавов не подшивались. Каракалпачки верили, что если подшить подол, то мать ребенка не будет больше рожать (Этнография каракалпаков 1980: 101). По другому поверью детям вообще не полагалось подшивать подол рубашки до 7-8 летнего возраста, когда они больше всего подвержены разным детским заболеваниям. А такая рубашка оберегала ребенка от болезней. Подол рубашки можно подшить лишь в том случае, если ребенок благополучно перенес все детские заболевания. К рубашке пришивались клинья треугольной формы – *шабыў*, так как вся одежда по традиции шилась с клиньями, кроме одежды покойников. Подол и концы рукавов не подшивались также с той целью, чтобы швы не вызывали неприятных ощущений у малыша. *Йит кәйлек* должен был быть свободного покроя, тогда, мол, и жизнь у ребенка будет полна достатка. Если *йит кәйлек* будет узким и тесным, то в будущем ребенок будет испытывать недостаток.

Йит кәйлек ребенок носил до сорокадневия. После истечения 40 дней рубашку снимали и завязывали на шею собаке. В нее насыпали жареную пшеницу (*куўыр-маш*), пшено (*сөк*) или джиду (плоды лоха обыкновенного), сушеный урюк, кусочки жареного теста (*баўырсақ*). Для проведения обряда заранее созывали соседских детей, которые гнали собаку по улице и, состязаясь между собой, старались первыми снять с ее шеи узелок. Между детьми могла происходить борьба за рубашку-узелок. В итоге его содержимое делилось и съедалось всеми ребятами. Этот обычай объясняют пожеланием матери быть такой же многодетной, как собака. Использование

в этом обряде проса, жареной пшеницы, джиды и др. и раздача их детям, связано с идеей плодородия и обеспечения всяких благ семье роженицы с окончанием периода сорокадневия (ПМ Нурмухамедовой И. 1986, № 6). По другим сведениям, обряд был намного упрощен, родителями малыша ничего не предпринималось, *ийт кайлек* просто привязывали на шею собаки и отпускали ее, и рубашка оставалась лежать там, где упадет с ее шеи (АОЭ 2: Палуанова).

Одежда младенца считалась наиболее уязвимой для злых сил. Существовала вера в то, что ее нельзя оставлять без присмотра, особенно в темное время суток. В противном случае, она может быть подвергнута сглазу или порче. Если выстиранную одежду младенца оставить на ночь на улице, в нее могут вселиться злые духи и болезни. Поэтому, с наступлением сумерек ее заносили в дом.

Одним из действенных приемов от сглаза являлся лоскуток одежды пожилого человека. Лоскут прикреплялся на самом видном месте – к шапочке, верхней одежде ребенка. Он не только был призван спасти от сглаза, но также должен был обеспечить ребенку долгую жизнь (ПМА 1: Кутлымуратова).

Каракалпаки маленьких детей обычно не баловали особыми нарядами, дорогой одеждой. В этом, видимо, также кроется некоторая боязнь сглаза. Подобные поверья существовали у хорезмских узбеков, которые старались нарочно запачкать лицо или одежду ребенка. Все это делалось для того, чтобы ребенка не похвалили и тем самым не сглазили, так как сглаз мог произойти от простого словесного одобрения (Снесарев 1969: 93).

Ряд обрядов, связанных с колыбелью *бесик* бытует по сей день. Обычно *бесик* покрывают одеждой. В зависимости от того, какие качества хотят передать ребенку, одежду такого человека и вешают на колыбель. Чтобы ребенок был спокойным, хорошо спал, *бесик* покрывают одеждой человека любящего поспать. Для пожелания долголетия на колыбель накидывают одежду одного из родственников-долгожителей (АОЭ 3: Жумамуратова).

Количество одежды, которой покрывали детскую колыбель зависело от пола ребенка. Если в *бесик* укладывали мальчика, то поверх нее клали семь видов одежды, а если девочку – девять. Разница в количестве одежды выражала желание близких малыша платить жениху небольшой калым (выкуп – З.К.) за невесту в будущем и получить большой калым за девушку, когда она будет выходить замуж (ПМ Нурмухамедовой 1986, № 6).

Одежда, по представлениям каракалпаков вбирала в себя личностные качества хозяина. Неудивительно, что существовало немало действий магического характера, направленных на то, чтобы положительные черты характера бывшего обладателя одежды, перешли к ее новому владельцу. Наглядным примером может служить такой обычай. После смерти уважаемого человека, прожившего долгую и счастливую жизнь, при дележе его личных вещей, родственники и знакомые старались, во что бы то ни стало, приобрести хоть какой-нибудь предмет его одежды.

Так, в старину перед родами, роженица переодевалась в одежду многодетной женщины. Производилось это для того, чтобы перенять продуцирующую силу рожавшей женщины.

Существовали особые запреты, касающиеся женской одежды. Для замужней женщины обязательным атрибутом считался головной платок, без которого она не должна была показываться не только посторонним, но и мужской части семьи. Голо-

ва женщины должна была быть всегда покрытой платком. Считалось неприличным показывать волосы свекру и старшим братьям мужа. По данным этнографов, раньше у народов Средней Азии, в том числе у каракалпаков, было распространено представление о магической зависимости между судьбой человека и его волосами. Было широко распространено колдовство, связанное с представлениями о возможности «порчи» через волосы. Например, забота о том, чтобы волосы не попадали в руки недоброжелателей, вызвала обычай затыкать выпавшие при мытье головы волосы в щели глинобитных стен жилища или закапывать под порог юрты (Этнография 1980: 82). Недаром старинные головные уборы каракалпачек закрывали не только волосы, но лоб, височную часть, оставляя открытым только лицо. Таковыми были все ритуальные предметы одежды *сэўкеле* (головной убор невесты), *киймешек* (головной убор молодой женщины).

Эта традиция в некоторых семьях соблюдается и ныне. Только трактуется несколько иначе, это своего рода проявление уважения по отношению к старшим членам семьи (ПМА 4: Атамуратова).

Некоторые виды одежды наделялись лечебными свойствами. Например, бытовало такое представление, что свадебное платье *көк көйлек* лечит от коклюша. Это платье имелось не во всех семьях, поэтому его часто одалживали у знакомых (АОЭ 3: Нуранова). Почему лечили именно им? Возможно, это связано с синим цветом платья – «*көк*» – синий. В народе существовало поверье, что этот цвет наделен магическими свойствами. В синей одежде, на синем ослике представляется верующим святой *Қыдыр-ата* (букв. «странствующий старец») (ПМА 5: Тажимуратов).

Целебные свойства синего в лечении коклюша прослеживаются у узбеков Бухары и Самарканда. Коклюш лечили выкрашенной в синий цвет куклой, привязывая ее к дереву или кусту около соответствующего мазара (Снесарев 1969: 23).

Одежда, ткань фигурируют у каракалпаков в похоронной обрядности. По сей день имеет распространение обряд «*жыртмыс*» (от каракалпакского слова *жырт-тыў* – рвать), который заключается в раздаче кусков хлопчатобумажной, шелковой, а иногда плюшевой или бархатной материи, платков всем взрослым участникам похорон. Он выполнялся и выполняется до сих пор, когда умирает пожилой человек. В некоторых случаях раздавали «*туйин*» (узелки с деньгами). Для получения *жыртмыс* не было определенных условий, их могли получить все присутствующие, но обязательно полагалось наделять родственников самого покойного, его сватов (*куда-куда-гай*) (Есбергенов 1963: 86).

Существуют обряды, связанные с обувью. Обувь в доме нельзя ставить на возвышении. Считается, если нарушить данную традицию, враг будет одерживать верх. Подобный обряд распространен и у казахов. Высоко поднимать обувь, значит, «пинать небо». Как предполагает Шаханова, обычай связан с культом небесного божества (Шаханова 1998: 66).

Наиболее ярко магические функции одежды выражены в традиционных украшениях, которые являются неотъемлемой частью костюмного комплекса.

Помимо эстетического назначения ювелирные украшения каракалпачек несли в себе магические функции: охранительную, лечебную, продуцирующую. Они сопровождали женщину всю ее жизнь, начиная с раннего детства и до глубокой старости. Сначала это были простые украшения-обереги. По мере взросления девочки они усложнялись, увеличиваясь в количестве. Наибольшее количество украшений жен-

щина надевала во время свадебной церемонии и в первые годы замужества. В этот период, по представлениям каракалпаков, женщина была наиболее подвержена воздействию злых сил: весь смысл носимых ею украшений был связан с оберегающей силой, призванной защитить ее.

Материалом для изготовления ювелирных украшений служили металлы – серебро (*гүмис*), редко золото (*алтын*) и бронзовый сплав (*қола*). Наиболее популярным среди населения являлось серебро. Считалось, что звон серебра отгоняет злых духов.

Камням, используемым при декорировании украшений, издавна уделялось особое значение. Их наделяли целебными и лечебными свойствами. Носили их не только из эстетических соображений, но, в первую очередь, чтобы оградить себя от опасностей, болезней. Особое отношение к камням, мы видим в знаменитом труде великого среднеазиатского ученого Бируни «Книга собрания сведений для познания драгоценностей», где отмечено суеверное отношение к ним и их ношению в Хорезме (Бируни 1963: 34,84, 156 и др.).

У каракалпаков, как и других восточных народов, камни наделялись удивительными свойствами. В каракалпакских украшениях камни именуются словом «*тас*» – камень, «*көз*» – глаз или «*қас*» – бровь. Как отмечают исследователи, подобное сравнение не случайно, вставки из камня представлялись, как всевидящее, стерегущее око, наделялись чудодейственной силой.

Для вставок использовались цветные камни – сердолик *хасылтас*, бирюза *пируза*, а также морские ископаемые – кораллы *маржан*, перламутр *мерүерт*, раковины каури *жылан бас*. Часто ювелиры использовали различные имитации вышеперечисленных камней из стекла.

Наиболее популярным камнем, используемым в женских украшениях каракалпачек, являлся сердолик. Раньше во всей Центральной Азии этот камень ценился наравне с лучшими драгоценностями. В народе верили, что сердолик предохраняет человека от многих заболеваний. Его называли еще камнем благоденствия и радости (Борозна 1975: 292, 293). Сердолик использовали в украшении головных уборов *сәүкеле*, *төбелік*, нагрудных украшений *зәйкел*, *шартүйме*, браслетах, кольцах.

Зәйкел представлял собой плоский прямоугольник с роговидными ответвлениями в верхней части и подвесками в нижней части украшения. На его лицевой стороне располагались крупные сердоликовые вставки от 3 до 9, которые в народе называли *зәйкел қас* – «брови» украшения. Сердолику на *зәйкел* придавали сакральное значение. По поверьям каракалпаков он являлся талисманом. Само слово *зәйкел* имеет иранские корни, кроме значения амулет имеет и другое – скульптура, памятник, идол. Ученые предполагают, что первоначально украшение использовалось как футляр для божков, позже, с приходом ислама, в нем стали хранить тексты с молитвами (Борозна 1975: 291, 292).

Нагрудное украшение *шартүйме*, имеющее крестовидную форму, также украшалось сердоликом. На нем располагалось обычно пять оправ с сердоликом, а иногда с бирюзой. Оправы располагались одна в центре и четыре по сторонам креста. Название украшения происходит от слова «шар», (по-ирански «чор» – четыре). Его форма, предполагают, связана со сторонами света или четырьмя основными элементами жизни – воздухом, землей, водой и огнем.

Весьма популярны были у населения кораллы. О магических свойствах коралла известно множество легенд. Его считают талисманом для женщин и детей, амуле-

том, который охраняет от бед и горя. Кроме того, у среднеазиатских народов существовало поверье, что если носить кораллы, то они обеспечат их обладательнице большое потомство (Борозна 1975: 293). Неудивительно, что коралловые вставки часто использовались в украшениях молодых женщин. Обильно украшался кораллами *саўкеле* – обязательный элемент свадебного наряда невесты. Этот убор представляет собой мягкую круглую шапочку в виде шлема, сделанную из войлока, покрытую красным сукном и богато украшенную металлическими узорными бляхами и подвесками. Коралловые бусы тесными рядками покрывают наушники убора и налобную часть, при этом бусы нанизаны таким образом, что в центре располагается крупная бусина и по мере отдаления от нее бусы уменьшаются в размере. Между кораллами располагаются металлические пластины, инкрустированные кораллом или бирюзой.

Один из распространенных камней на всей территории Средней Азии – бирюза. Ее часто используют узбекские и таджикские мастера при оформлении ювелирных изделий. У каракалпаков этот камень не получил столь широкого распространения, несмотря на то, что на территории Каракалпакстана еще с античности известны месторождения бирюзы в горах Султануиздага (Юсупов, Маньлов 1968; Маньлов 1974).

С бирюзой в народе связано огромное количество поверий. Она приносит радость и хорошее настроение ее обладателю. С давних времен бирюза считается символом чистоты и непорочности. Возможно, поэтому ею украшались свадебные головные уборы каракалпачек *саўкеле* и *төбелик*, а также свадебные браслеты *қуйма гүмис билезик* (литой серебряный браслет). Обычно на таком браслете располагалось от 8 до 12 гнезд со вставками.

Помимо камней ювелирные украшения каракалпаков декорировались узорами, в которых отразились различные верования, магические обряды и культы.

Орнамент, покрывавший поверхность украшений, также имел определенное значение. Наиболее часто на женских ювелирных украшениях использовались растительные узоры – листья, побеги, зерна, символизирующие плодородность. Наиболее характерен растительный орнамент для *төбелик*. Каракалпакский термин «*төбелик*» происходит от корня «*төбе*» – макушка, верхушка. Изготавливался *төбелик* из тонкого листового серебра, обычно богато украшался резным по металлу орнаментом в виде стеблей и имел множество выпуклых блях и конусообразных выступов с вправленными в них бирюзой и кораллами. С налобной части его свисают длинные подвески, завершающиеся мелкими лепесткообразными пластинами.

Многочисленные подвески, в виде лепестков, издающие мелодичный звон, были призваны отгонять злых духов. Кроме того, листики, бутоны, зерна, по верованиям древних людей, должны были усиливать репродуктивную роль женщины. Большое количество подвесок имели старинные серьги *залкаплы сырға*, длинная цепочка которых, проходящая под подбородком от одного уха к другому состояла из ромбовидных подвесок, мелких деталей в виде лепестков, дурых шариков и пр. Свое название серьги берут от каракалпакского *залқа* подвеска.

Еще одно украшение молодых каракалпачек *өңгирмоншақ*, название которого происходит от каракалпакского «*өңир*» – нагрудная часть. Полусферическое по форме нагрудное украшение имеет множество гремящих подвесок – цепочек с ромбиками и колокольчиками.

Орнаментальные мотивы геометрического характера, в частности, ромб, треугольник символизировали женское начало. Они также выполняли сакрально-маги-

ческую функцию и наделялись оплодотворяющей силой и являлись оберегами. В детских украшениях треугольник выполнял охранно-магическую функцию. Таковым является украшение *тумарша* от каракалпацкого «*тумар*» талисман, амулет.

Свое отражение в форме и материале многих украшений нашла вера среднеазиатских народов в оплодотворяющую силу Луны. Лунарный культ отразился в таких украшениях, как *айшық* (маленькая Луна), серьгах *айсырға* (полумесяц). *Айшық* мог быть треугольной, дисковидной, прямоугольной формы. Вставка из сердолика имела только в дисковидных вариантах. *Айсырға* носили девушки и молодые женщины. Однако бывали случаи, когда некоторые пожилые женщины позволяли себе надеть такие серьги из магических соображений. У каракалпаков считалось, что сережки с изображением Луны помогают очиститься от грехов их обладательнице.

Изображение животных или частей их тела также имело сакральный смысл. У каракалпаков магическими свойствами наделялись рога, клыки, когти животных и птиц, которые отличаются особой плодовитостью (Есбергенов, Хошаниязов 1988: 88, 92). Поэтому в орнаменте ювелирных изделий часто встречается изображение стилизованных рогов, когтей животных. Практически все каракалпацкие *хайкел* имеют роговидную верхнюю часть (Алламуратов 1989: 80,81). Изображения голов рогатых баранов, символизирующих плодовитость, благополучие, расположены в височной части *саўкеле*, среди кораллов. Они также служат охранителем от враждебных сил.

В традиционном быту каракалпаков различного рода представления и обряды, связанные с одеждой и украшениями занимали и продолжают занимать значительное место. Охранно-магическая функция некоторых видов одежды, украшений и камней, вставленных в них, сохранялась у каракалпаков на протяжении длительного времени. Несмотря на то, что постепенно некоторые оберегающие функции их отмерли, превратившись в декоративные, в целом, они до сих пор продолжают сохранять свой сакральный смысл.

Список сокращений

АОЭ – Архив отдела этнографии

КК ФАН УзССР – Каракалпацкий филиал Академии наук Узбекской ССР.

Источники и литература

Абу-Р-Райхан Бируни 1963 – *Абу-Р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни*. Книга собрания сведений для познания драгоценностей (Минералогия). М: Издательство Академии наук, 1963.

Алламуратов 1989 – *Алламуратов А.* Каракалпацкое нагрудное украшение хайкель // Этноисторическая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус: Каракалпакистан, 1989. С. 77–87.

АОЭ 1 – Архив отдела этнографии 1. Полевые материалы Каипбергеновой П. Экспедиция в Нукусский район Каракалпакистана. 1986 г. (информанты – А. Отениязова, 1908 г.р., каракалпачка/баканлы; И. Жумамбетов, 1916 г.р., каракалпак/теристамгалы; Е. Курбанбаев, 1928 г.р., каракалпак/баймаклы; Ж. Елмуратов, 1935 г.р., каракалпак/канлы).

АОЭ 2 – Архив отдела этнографии 2. Полевые материалы Калжановой У. Экспедиция в Турткульский район Каракалпакистана. 1987 г. (информант – К. Палуанова, 1921 г.р., каракалпачка/канлы).

АОЭ 3 – Архив отдела этнографии 3. Полевые материалы Каипбергеновой П. Экспедиция в Шуманайский район Каракалпакистана. 1988. (информанты – Ж. Жумамуратова, 1920 г.р. узбечка; А. Нуранова Айзада, 1909 г.р., каракалпачка/кенегес).

- Борозна* 1975 – *Борозна Н.Г.* Некоторые материалы об амулетах – украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М: Наука, 1975. С. 281–296.
- Есбергенов* 1963 – *Есбергенов Х.* К вопросу об изживании религиозных представлений и обрядов у каракалпаков (на материале погребальной обрядности). Дисс. ... к.ист.н. М., 1963.
- Есбергенов, Хошниязов* 1988 – *Есбергенов Х., Хошниязов Ж.* Этнографические мотивы в каракалпакском фольклоре. Ташкент: ФАН, 1988.
- Львова* и др. 1988 – *Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988.
- Маньолов* 1974 – *Маньолов Ю.П.* Бирюзовые выработки VI–V вв. до н.э. в Хорезме // Вестник КК ФАН АН Уз. ССР, 1974. № 1. С. 53–57.
- Муратова* 2015 – *Муратова Р.Т.* Мифологическая семантика числа семь у тюркских народов Урало-Поволжья // Вестник Башкирского университета, 2015. № 2. С. 567–570.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора 1. Экспедиция в Ходжейлийский район Каракалпакстана. Ноябрь 2014 г. (информант – У. Кутлымуратова, 1938 г. р., каракалпачка/теристамгалы).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора 2. Экспедиция в Шуманайский район Каракалпакстана. Ноябрь 2014 (информант – Ш. Муртазаева, 1941 г. р., каракалпачка/балгалы).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора 3. Экспедиция в Чимбайский район Каракалпакстана. Сентябрь 2015. (информант – Д. Ильясова, 1956 г. р., каракалпачка/муйтген).
- ПМА 4 – Полевые материалы автора 4. Экспедиция в Чимбайский район Каракалпакстана. Апрель 2015. (информант – С. Атамуратова, 1946 г. р. каракалпачка/майлы балта).
- ПМА 5 – Полевые материалы автора 5. Экспедиция в Чимбайский район Каракалпакстана. (информант – Б. Тажимуратов, 1933 г. р., каракалпак/богежели).
- ПМА Нурмухамедовой – Полевые материалы Нурмухамедовой И.М. Экспедиция в Чимбайский район Каракалпакстана, 1986. № 6.
- Снесарев* 1969 – *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.
- Хадыева* 2005 – *Хадыева Р.Н.* Башкирская этнокультура и язык: Опыт воссоздания языковой картины мира. М.: Наука, 2005.
- Шаханова* 1998 – *Шаханова Н.Ж.* Мир традиционной культуры казахов. Алматы: Казахстан, 1998.
- Этнография 1980 – Этнография каракалпаков (материалы и исследования). Ташкент: ФАН, 1980.
- Юсупов, Маньолов 1968 – *Юсупов Н.Ю., Маньолов Ю.П.* К изучению горного дела Султануиздага // Вестник КК ФАН Уз. ССР, 1968. № 2. С. 61–67.

References

- Abu-P-Raikhan Mukhammed ibn Akhmed al'-Biruni.* Kniga sobraniia svedenii dlia poznaniia dragotsennosti (Mineralogiia). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1963.
- Allamuratov A.* Karakalpakskoe nagrudnoe ukrashenie khaikel // Etnicheskaia istoriia i traditsionnaia kul'tura narodov Srednei Azii i Kazakhstana. Nukus: Karakalpakstan, 1989. Pp. 77–87.
- Arkhiv otdela etnografii 1. Polevye materialy Kaipbergenovoi P. Ekspeditsiia v Nukusskii raion Karakalpakstana. 1986 g. (informanty – A. Oteniazova, 1908 g.r., karakalpakcha/bakanly; I. Zhumambetov, 1916 g.r., karakalpak/teristamgaly; E. Kurbanbaev, 1928 g. r., karakalpak/baimakly; Zh. Elmuratov, 1935 g.r., karakalpak/kangly).
- Arkhiv otdela etnografii 2. Polevye materialy Kalzhanovoi U. Ekspeditsiia v Turtkul'skii raion Karakalpakstana. 1987 g. (informant – K. Paluanova, 1921 g.r., karakalpakcha/kanly).
- Arkhiv otdela etnografii 3. Polevye materialy Kaipbergenovoi P. Ekspeditsiia v Shumanaiskii raion Karakalpakstana. 1988. (informanty – Zh. Zhumamuratova, 1920 g.r. uzbekchka; A. Nuranova

- Aizada, 1909 g.r., karakalpakcha/keneges).
- Esbergenov Kh.* K voprosu ob izzhivanii religioznykh predstavlenii i obriadov u karakalpakov (na materiale pogrebal'noi obriadnosti). Dissertatsiia na soiskanie kandidata istoricheskikh nauk. Moscow, 1963.
- Borozna N.G.* Nekotorye materialy ob amuletakh – ukrasheniiax naseleniia Srednei Azii // Domusul'manskii verovaniia i obriady v Srednei Azii. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 281–296.
- Esbergenov Kh., Khoshniiazov Zh.* Etnograficheskie motivy v karakalpakskom fol'klоре. Tashkent: FAN, 1988.
- Etnografiia karakalpakov (materialy i issledovaniia). Tashkent: FAN, 1980.
- Iusupov N.Iu., Manylov Iu.P.* K izucheniiu gornogo dela Sultanuizdaga // Vestnik KKFAN Uz.SSR, 1968. No. 2. Pp. 61–67.
- Khadyeva R. N.* Bashkirskaiia etnokul'tura i iazyk: Opyt vossozdaniia iazykovoi kartiny mira. Moscow: Nauka, 2005.
- Lvova E.L., Oktiabr'skaia I.V., Sagalaev A.M., Usmanova M.S.* Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir. Novosibirsk: Nauka, 1988.
- Manylov Iu.P.* Biriuzovyye vyrabotki VI–V vv. do n.e. v Khorezme // Vestnik KK FAN AN Uz.SSR, 1974. No. 1. Pp. 53–57.
- Muratova R.T.* Mifologicheskaiia semantika chisla sem' u tiurkskikh narodov Uralo-Povolzh'ia // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2015. No. 2. Pp. 567–570.
- Polevyie materialy avtora 1. Ekspeditsiia v Khodzheiliiskii raion Karakalpakstana. November 2014 g. (informant – U. Kutlymuratova, 1938 g.r., karakalpakcha/teristamgaly).
- Polevyie materialy avtora 2. Ekspeditsiia v Shumanaiski raion Karakalpakstana. November 2014 (informant – Sh. Murtazaeva, 1941 g.r., karakalpakcha/balgaly).
- Polevyie materialy avtora 3. Ekspeditsiia v Chimbaiskii raion Karakalpakstana. September 2015. (informant – D. Il'iasova, 1956 g.r., karakalpakcha/muiten).
- Polevyie materialy avtora 4. Ekspeditsiia v Chimbaiskii raion Karakalpakstana. April 2015. (informant – S. Atamuratova, 1946 g.r. karakalpakcha/mailly balta).
- Polevyie materialy avtora 5. Ekspeditsiia v Chimbaiskii raion Karakalpakstana. (informant – B. Tazhimuratov, 1933 g.r., karakalpak/bogezheli).
- Polevyie materialy Nurmukhamedovoi I.M. Ekspeditsiia v Chimbaiskii raion Karakalpakstana, 1986. No. 6.
- Shakhanova N.Zh.* Mir traditsionnoi kul'tury kazakhov. Almaty: Kazakhstan, 1998.
- Snesarev G.P.* Relikty domusul'manskikh verovaniia i obriadov u uzbekov Khorezma. Moscow: Nauka, 1969.

Z.I. Kurbanova. Traditional beliefs and views of Karakalpak associated with clothes and adornment.

Traditional clothing of Karakalpak closely link with people's beliefs and holds a special place in the spiritual life of the people. Different views, customs and rites associated with clothes and adornment stored in the traditional culture to present. The most conservative, preserved until now remains a magical function of clothing and jewelry. Individual items of clothing and jewelry, according to the ideas of the Karakalpak, endowed with sacred power that could resist the evil forces that contribute to the preservation of health and well-being. The various performances and rituals associate with clothes and adornment, occupied and continues to occupy a significant place in the traditional culture of the Karakalpak.

Keywords: *clothing, jewelry, rite, sacred, magical.*

ПОВЕДЕНИЕ ДЕВУШЕК В ТРАДИЦИИ УМЫКАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КЫРГЫЗСТАНА)*

В статье рассматривается поведение девушек в ситуации реального похищения для заключения брака, в основном на материале современного Кыргызстана. Выделены два типа личности и поведения похищаемых «невест» – пассивный и активный. Поведение девушек формируется под воздействием двух равнозначных по влиянию факторов: социокультурного окружения – в разной степени традиционного или модернизированного, и индивидуальных характеристик личности. Пассивное поведение «невест» поддерживает устойчивое существование традиции похищения, действия активных девушек трансформируют традицию, постепенно меняя ценности и установки, на которых она держится, а также непосредственно влияя на общественное мнение, формируя отрицательное отношение к этому явлению.

Ключевые слова: *социокультурное окружение, традиция, модернизация, похищение невесты, личность, индивидуальное поведение, киргизы, казахи.*

Введение

Традиционное общество, т.е. «общество, ориентированное на такие формы регуляции, как ритуал и обычай», задает рамки для действий индивида – формирует стандарты поведения в определенных ситуациях: «Принцип единообразия поведения, неизменности и обязательности для всех членов коллектива имеет в культуре ритуального типа самодовлеющий характер» (*Байбурин* 1993: 9, 10). Хотя современное киргизское общество, о котором пойдет речь, нельзя отнести к чисто традиционному – пройдя сквозь модернизационные процессы дореволюционного, советского и постсоветского периодов, оно представляет собой некий гибрид традиционности и модерности. Модернизация затронула по большей части внешние, материальные формы его жизни, во внутренних же сферах, таких как семья, родственный круг, соседская община, в значительной степени сохраняются традиционные нормы. Несмотря на то, что задаваемые традицией рамки, в которых действует индивид, довольно жесткие, существуют, с одной стороны, определенные стереотипы поведения для нарушения нормы – «правила для нарушения правил» (*Байбурин* 1993: 8), а с другой – индивидуальность самих участников обряда и традиции вносит коррективы в их исполнение, может их трансформировать. Это последнее ставит вопрос о преломлении нормы в индивидуальном поведении, показывает необходимость различать норму и реальную картину, исследовать поведение конкретных людей, учитывая их

Наумова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: olganaumova@mail.ru.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-01-00450а).

личные качества – индивидуальные особенности характеров, опыт, умственные способности и т.д. (Артемова 1987).

В этой статье я предполагаю проанализировать индивидуальное поведение в одной определенной традиционной ситуации – ситуации бытующего сегодня похищения невесты у киргизов, южных казахов и – в убывающем состоянии – у казахов Кош-Агачского района Республики Горный Алтай в России. Будет рассмотрено не фиктивное умыкание девушки с ее согласия, а реальная кража. (В отчетах правозащитников это также называется «похищением женщины для принудительного брака».) В похищении участвуют: парень-«жених», девушка-«невеста», подруги невесты, друзья жениха, родня невесты, родня жениха. Однако в силу причин, о которых скажу ниже, в данной публикации я ограничусь анализом поведения похищаемых «невест», предполагая выявить типы поведения девушек, определить причины поведенческих различий, понять, влияет ли поведение участников на трансформацию самой традиции. Эти вопросы будут рассматриваться в основном на киргизских данных, как наиболее полно представленных в источниках и публикациях. Южноказахстанский и кош-агачский материал привлекается в качестве сравнительного или иллюстративного.

Кражи в статистике

Похищение невест в Киргизии и Казахстане стало предметом изучения в конце 1990-х годов, когда ученые фиксировали всплеск этой практики. Цифры локальных исследований, проведенных социологами в 1999 г. и 2004 г. в Киргизии свидетельствуют, что в то время в местах проведения опросов более 80% женщин, вышедших замуж, были украдены, из них $\frac{2}{3}$ без согласия (Kleinbach et al. 2005: 193, 195–196). В 1990-х годах в Южном Казахстане умыкали 71% невест, из них 18% с «минимальным уровнем согласия» (Werner 2004: 83–84). Статистики по похищениям невест среди кош-агачских казахов нет, но наши исследования выявили у них ту же динамику этого явления, что и на юге Казахстана (Ларина, Наумова 2010: 9–10). Опрос 268 женщин из шести областей Киргизии, проведенный в 2010 г. общественным фондом «Открытая линия», показал, что из них 50,4% никогда до этого не видели своих похитителей, а для 95% похищение было полной неожиданностью (Отчет 2010: 17, 19). Общенациональной статистики по похищениям без согласия невесты ни в Казахстане, ни в Кыргызстане, к сожалению, нет, но, по-видимому, несмотря на усилия общественных организаций и государственных органов их число остается значительным и в настоящее время. Особенно это относится к Киргизии. Так, по информации международной неправительственной правозащитной организации «Фридом хаус», работающей в Киргизии, по данным 2013 г. за год в стране совершается от 8 до 12 тыс. похищений девушек с целью женитьбы, из них две трети несогласованных (В Кыргызстане ежегодно крадут... 2013).

Сценарий похищения

Современные похищения невест как в Киргизии, так и среди казахов проходят по сходному сценарию. Часто «жених» предварительно присматривает девушку на каких-нибудь многолюдных мероприятиях – свадьбах, студенческих праздниках и проч., там, где можно следить за ней, оставаясь незамеченным. Затем он и его друзья

стараятся узнать о ней побольше, чтобы в какой-то степени гарантировать успех похищения. Бывает, что кража девушки происходит спонтанно, без предварительной «разведки», иногда после чрезмерного употребления алкоголя, провокаций друзей и т.п. В некоторых случаях девушку подыскивают родные, полагающие, что молодому человеку пора жениться, или нуждающиеся в рабочих руках для ведения хозяйства.

Обычно девушку увозят на автомобиле «жених» и несколько его друзей. Ее обманом выманивают из дома, а иногда просто хватают на улице и силой заталкивают в машину. Девушку привозят в дом родителей или родственников «жениха», где к этому времени все готово к «свадьбе». Часто девушки сопротивляются, не хотят выходить из машины и заходить в дом, их выволакивают и насильно затаскивают в дом.

В доме похитителя обычно собирается женская родня. Задача женщин – добиться согласия девушки на замужество и как символ этого накинуть на нее платок. Если она отказывается, ее сначала уговаривают, затем угрожают, «жених» и его приятели могут ее избить, изнасиловать. После того, как от девушки получено согласие, извещают ее родителей. Родители могут приехать и раньше, каким-либо образом узнав о похищении. Если дочь не хочет оставаться в доме похитителя, они могут ее забрать, но часто многочисленная родня «жениха» начинает их уговаривать, грозя позором, одновременно предлагая подарки. После этого очень многие родители соглашаются не забирать дочь и сами уговаривают ее остаться.

Получив согласие девушки и ее родителей, сторона жениха, как правило, но не всегда и не везде, проводит мусульманское бракосочетание (особенно часто на юге Киргизии), организует свадебный той для родных и односельчан. Через некоторое время брак могут зарегистрировать официально. Иногда брак не оформляется ни религиозным обрядом, ни в отделах ЗАГСа.

Исследования, посвященные похищению невест

В научных публикациях, посвященных умыканию девушек у киргизов и казахов, кража невесты рассматривалась, прежде всего, как социальное явление. Исследователи, стремились, в первую очередь, оценить его масштабы и динамику: были проведены социологические опросы, показавшие значительное количество краж девушек, тенденцию к их росту, начиная с позднего советского периода. Во всех публикациях проводилось принципиальное различие между умыканием невесты с ее согласия и реальным похищением девушки, являющимся преступлением. Однако, изучая конкретные случаи краж девушек, ученые подчас сталкивались с неоднозначными ситуациями, с трудностями в определении типа умыкания. С. Вернер предложила ввести «индекс согласия» похищаемой девушки и говорить о высоком, среднем и низком уровне согласия (Werner 2004: 82). Обсуждались причины возникновения и распространения реальных краж (Ларина, Наумова 2010: 11–13). Вопрос, который поднимался практически во всех работах – является ли похищение невесты без ее согласия национальной традицией, как это сегодня декларируется населением, оправдывавшим такую практику (см., напр.: Kleinbach, Salimjanova 2007: 219).

Все исследователи сходятся во мнении, что раньше умыкание являлось нарушением традиции заключения брака, маргинальным поведением, в отношении которого общество выработало карательные меры, закрепленные в адате. Для обычного права при рассмотрении таких дел было в первую очередь важно, что умыкание

совершено без согласия родителей девушки. Согласие же самой девушки не принималось во внимание. Насильственный увоз девушки с согласия родителей не считался нарушением адата (*Жакипова* 1971: 53–54). В советский период с модернизацией всех сфер жизни снижалась роль мнения старших и авторитетных людей, как бы олицетворявших «старый быт». Советский закон расценивал принуждение к вступлению в брак со стороны родителей как преступление, что привело к постепенному уменьшению количества браков, совершаемых по договоренности родителей, т.е. посредством сватовства: это фиксирует С. Вернер на юге Казахстана (с 45% в середине 1940-х годов до 6% к концу 1990-х годов) (*Werner* 2004: 82–83). Такие браки уступают место умыканию по договоренности и реальным кражам: с 1970-х годов количество реальных похищений начинает понемногу расти как в Кош-Агаче, так и в Южном Казахстане. Резкий подъем числа таких браков пришелся на период социально-экономических реформ второй половины 1980-х – начала 1990-х годов, когда происходила потеря социальной ориентации и нарушение правовых норм стало повсеместным. В этих условиях регулировать социальные связи между людьми стали полузабытые произвольно трактуемые обычно-правовые нормы. И в настоящее время в рассматриваемом регионе укоренилось и широко распространилось мнение, что похищение невесты – казахский или киргизский древний обычай. Причины такой трансформации в следующем. Адат перестал играть какую-нибудь роль в жизни народа. Местной же национальной интеллигенцией, юристами, историками и этнографами в советское время умыкание трактовалось как пережиток, как «старая традиция», с которой надо бороться. И когда в конце 1980-х – начале 1990-х годов в период национального и религиозного возрождения отношение к «старым» традициям кардинально поменялось, то те из них, что подвергались гонениям в советское время, обрели ореол «национальных традиций». Все это способствовало укреплению мнения, что похищение невесты есть народный обычай. (*Ларина, Наумова* 2010: 13–16).

Еще один блок вопросов поднимается в отчетах общественных организаций, проводивших в Кыргызстане исследования по этой теме. В них большое внимание уделяется правовым аспектам: анализируются национальное и международное законодательство по проблеме похищения невест и реальная правоохранительная практика; рассматривается степень информированности девушек о возможности психологической и юридической помощи жертвам похищений, даются рекомендации по профилактике и предотвращению подобных преступлений (Примирение с насилием 2006: 58–88; Отчет 2010; Доступ к правосудию 2011).

В представленной же статье хотелось бы сосредоточиться не столько на социально-правовых, сколько на культурно-психологических вопросах умыкания невест: личностях девушек и их индивидуальном поведении в стрессовой ситуации похищения. Собственно сама традиция похищения не является предметом моего исследования, она рассматривается как поле для проявления личностных характеристик, индивидуальных особенностей и поведения девушек, а также в качестве объекта трансформации под влиянием действий участников.

Источники

Источниками для исследования послужили, во-первых, собственные материалы автора: 1) собранные совместно с Е.И. Лариной среди российских казахов в

2006–2011 гг. и частично опубликованные (*Ларина, Наумова 2010*), и 2) собранные совместно с С.К. Сагнаевой в Бишкеке в 2015 г.¹: беседы с девушками, которых похитили с целью женитьбы, их родственниками, экспертами по данной проблеме – сотрудниками общественных организаций и журналистами².

Во-вторых, нарисовать психологические портреты «невест» помогают материалы уже опубликованных работ, посвященных в основном ситуации в Киргизии, в которых приводятся фрагменты интервью с девушками, описываются конкретные случаи похищений и поведение участников, оценки девушек, которые они дают похитителям, ответы на вопросы анкет и т.п. В связи со спецификой проблемы, которая интересовала исследователей, их интерес сосредотачивался на жертвах похищений в большей степени, чем на других участниках этого процесса³. К тому же, во время опросов «женихи» не только отказывались разговаривать, но нередко запрещали общаться с интервьюерами своим женам (*Отчет 2010: 12*). Именно эта диспропорция в информации о поведении девушек, с одной стороны, и других участников похищения, с другой, явилась причиной того, что в данной статье я исследую поведение только похищенных «невест». Однако в дальнейшем я предполагаю продолжить исследование в отношении «женихов» (некоторые материалы и косвенные свидетельства все же позволяют судить о типах их личностей и поведения), а также других участников традиции.

Наконец, в-третьих, источником послужили описания, иногда с фотографиями и видео, конкретных случаев похищения женщин, которые публикуются на различных интернет-сайтах.

Методологический подход

Для объяснения особенностей поведения человека решающее значение имеет *среда*. С детства человек усваивает принятые вокруг стереотипы поведения, впитывает ценности своего социокультурного окружения, что формирует его как личность и во многом определяет, как он будет себя вести в различных ситуациях. Равноценное значение имеет и другой фактор – *индивидуальные характеристики* человека: такие независимые от среды врожденные качества, как темперамент, ум, воля, целеустремленность и т.д.; объективные показатели – пол, возраст, статус, образование и проч.; наконец, мелкие жизненные обстоятельства, случайные встречи, детские воспоминания и прочие уникальные моменты судьбы, которые могут стать определяющими для формирования конкретного индивида и его поведения. Важно, что человек – это не только объект воздействия среды, он сам ее часть и своими действиями формирует и трансформирует свое окружение (*Столяренко, Самыгин 2014: 8–11*). Такой подход к объяснению человеческого поведения близок к психологическим теориям бихевиорального направления, и в особенности социально-когнитивной теории А. Бандуры, разработавшего модель-триаду взаимозависимых факторов: поведение – личность – окружение (*Хелл, Зиглер 2015: 373–409*). Эта модель помогает понять поведение человека в конкретных социальных ситуациях, в нашем случае – в ситуации похищения девушек.

Окружение и личность

Один из известных демографов назвал постсоветскую Среднюю Азию территорией незавершенной модернизации (*Вишневский 1996*). Действительно, в настоящее

время довольно существенен разрыв в образе жизни и ценностных ориентациях, с одной стороны, большинства населения, в основном сельского, несмотря на все трансформации сохранившего социальную архаику: патриархальные отношения в семье, родовые связи в аиле и т.п.; с другой – городских киргизов, в течение нескольких поколений приобщавшихся к современной европейской культуре (в ее советском, а позднее – в постсоветском вариантах) и ее базовым ценностям. Конечно, речь не может идти о «чистых», отдельных друг от друга, традиционных и модернизированных сообществах, скорее о совокупности разных «сред», или «окружений» в различной степени традиционных, даже архаичных, или модернизированных и европеизированных, сложная природа которых позволяет характеризовать их как гибридные⁴. И когда далее я буду говорить о традиционном окружении, то буду иметь в виду именно такую современную традиционность. Эти традиционные и модернизированные сообщества не изолированы друг от друга. Аульчане общаются с городскими родственниками, получают информацию о другой жизни и других ценностях из СМИ и Интернета. Способствует размыванию традиционной среды и значительная трудовая миграция киргизов (в том числе женщин) в Россию. Городские же жители, кто в большой, кто в минимальной степени поддерживают контакты с сельской родней, а ценности традиционного общества не исчезают автоматически со сменой внешней обстановки и все еще в существенной степени влияют на поведение современных городских людей.

Окружение с высокой степенью традиционности

Подавляющая часть псевдо-женихов и значительная часть похищаемых девушек – выходцы из сельской местности, с сильными патриархальными устоями. Ключевым для понимания поведения человека в таком окружении является значимость общественного мнения: боязнь осуждения односельчан и родственников в случае несоответствия требованиям коллектива или нарушения принятых всеми норм играет огромную роль в действиях «традиционного» индивида.

В традиционной среде *создание семьи* и рождение детей видится главной целью жизни человека, основной ценностью общества. Неженатый мужчина и незамужняя женщина считаются неполноценными и представляют позор родительской семьи. Такие представления внушаются с детства всем образом жизни сельского сообщества, примером родителей, пренебрежительным и даже презрительным отношением к неженатым, незамужним и разведенным, постоянными напоминаниями детям о необходимости завести свою семью. Эта установка влияет на поведение всех без исключения участников похищения, и особенно на девушек. Как объясняла нам одна из бишкекских собеседниц, рассказывая о том, почему подруги «невесты» нередко помогают похитителю: «подруги считают, что делают благое дело. У нас с детства: вот станешь мамой, женой... У нас такого нет, что тебе надо стать учителем. И подруги так думают» (ПМА 2015: С.).

Ценность целомудрия девушки, вступающей в брак, заставляет девушек и их родителей смиряться с похищением и оставаться в доме псевдо-жениха. «Позор» для девушки и родителей состоит в том, что, побыв в доме чужого мужчины, девушка уже становится нечистой, теряет свое целомудрие, вне зависимости от того, был ли у нее сексуальный контакт. Таким образом, если она возвращается в дом родителей, то с очень двусмысленным статусом: она незамужняя, но уже и не девушка.

Общественное же мнение возлагает ответственность за детей на родителей: стыд и позор, что воспитали такую нехорошую дочь. Наша собеседница в Бишкеке объясняла: «Наверное, люди думают: она не соблюла традиции истинных кыргызов, растоптала традиции кыргызского народа. И тем более, если в доме мальчика пробыла хоть час-два. Родителям позор: как я буду в лицо соседям смотреть? Сплетни, слухи сельские влияют» (ПМА 2015: С.). Этот «позор» дополняется страхом девушки и ее родителей, что она уже не сможет выйти замуж.

Внушенное с детства послушание, подчинение детей родителям, младших старшим заставляя девушек вопреки своей воле соглашаться на брак с похитителем под давлением старшей родни жениха и, тем более, собственных родителей. Доминирование мужчин в семье и обществе лежит в основе действий похитителей, которые своим поведением утверждают свое главенство над женщинами, и женщин, которые считают нормой подчиняться их воле.

Похищение – это «роковой момент» в судьбе девушки, и на их поведение в этой ситуации сильно влияют традиционные представления о судьбе и роке. Если в культурной системе человека «поздней современности» роль рока и судьбы минимизируется «человеческим контролем над природным и социальным мирами», то судьба «традиционного» человека «предопределена его роком, который уготован будущим» (Гидденс 1994: 107–110). Поговорка «Куда упадет камень, там и должен лежать», которую все киргизские девушки слышат с детства, – это квинтэссенция уговоров похищенной невесты. Ссылками на судьбу оправдывают похищения казахи и каракалпаки (Ларина, Наумова 2010: 8).

Насилие в семье

Я рассматриваю этот фактор социальной среды за скобками традиционного окружения, так как семейное насилие может встречаться и в самой демократичной среде. Другое дело, что в традиционном окружении насилие (как и похищение) оправдывается, оно считается традицией, а не преступлением (Примирение с насилием 2006: 4): мужчине как главе семьи позволено делать, что угодно, а насилие – способ доказать свое доминирование. Избиение мужем жены и детей не редкость в современном Кыргызстане – несмотря на отсутствие статистики правозащитники говорят о массовом характере семейного насилия (Там же: 16). Женщины терпят избиения годами, а то и всю жизнь, не уходя от мужей из страха мести, из страха осуждения и просто потому, что им некуда идти. Насилие, испытываемое и наблюдаемое в родительской семье во многом определяет поведение всех участников. В частности, похищаемые девушки, наблюдая пример матерей и окружающих женщин, легче смиряются с привычным насилием: «Когда я рассказывала матери, что он <муж> бьет меня, она ответила, что это нормально, что всех бьют: “Ты что, думаешь, меня твой отец не бил?” Так что я решила, что нужно просто жить с этим. Мать говорит: “Смирись. Ну уйдешь ты от него, вернешься домой, что тогда наши соседи, родственники скажут?” <...> Я смирилась, держала все в себе» (Из интервью Хьюман Райтс Вотч – Примирение с насилием 2006: 18).

Модернизированное окружение

В этом случае речь может идти скорее не о полном воплощении современных ценностей в этой среде, а лишь об их возможном влиянии и *степени* их усвоения.

В европеизированной среде ослаблены родственные связи и сила общественного мнения не так сильна. В городе, несомненно, существуют более демократичные стандарты общения в семье и ближайшем окружении. Более свободные отношения между девушками и молодыми людьми подразумевают и вероятность для девушек к моменту похищения иметь жениха или просто любимого человека, что является мощным стимулом сопротивляться насильственному браку. В модернизированной среде, в ее крайнем проявлении, отсутствует культ целомудрия и на развод смотрят как на обычное явление, что позволяет похищаемой девушке не принимать всерьез угрозы похитителей о том, что она уже никогда не выйдет замуж, а ее родителям – не оглядываться на общественное мнение. Важно, что эта среда не представляет собой монолитного коллектива, это, скорее – независимые круги, здесь больше простора для вариантов действий и индивидуальных особенностей поведения.

Еще раз подчеркну, что описанные выше «окружения» – это скорее модели или абстракции, которые помогают уяснить различия между формируемыми ими двумя типами личностей:

- 1) традиционной, коллективистской, готовой подчиняться самой и подчинять других воле значимого для нее коллектива;
- 2) современной, индивидуалистской личностью, готовой бороться за свои права и не мириться с навязываемым ей насилием.

Это два типа нормативной личности, т.е. такой, которая ведет себя так, как этого ждет от нее социокультурное окружение. Жизнь же предлагает примеры самых разных личностей, лишь в той или иной мере соответствующих ожиданиям их среды, в самых разных соотношениях и проявлениях сочетающих традиционное и европеизированное как в одном человеке, так и в группе участников традиции.

Личность и поведение

Из имеющегося материала довольно четко, хотя и с неизбежным грубым приближением, вырисовываются два социально-психологических портрета «невест», которые в ситуации похищения демонстрируют пассивный и активный тип поведения: неконфликтные, пассивные девушки, смирившиеся с насилием и оставшиеся в доме «жениха»; и активные, протестные личности – девушки, которые сбежали от похитителей или добились свободы другим способом. Конечно, и пассивные девушки могут уйти от «жениха», если приехавшие за ними родители окажутся достаточно стойкими, чтобы противостоять уговорам и угрозам. И, напротив, активным не удастся уйти, если к ним применят физическое насилие и будут удерживать в доме похитителей силой или их родители будут уговаривать остаться. Все это (как и индивидуальные особенности поведения других участников) создает множество вариантов конкретных ситуаций и вариантов поведения девушек. Кроме того, очевидно, что, как и во всех социальных явлениях, чистые типы встречаются редко и речь нужно вести об уровне пассивности/активности личности.

В некоторой степени судить о количественном соотношении этих типов можно по материалам проведенных опросов. Так, исследование общественного фонда «Открытая линия», проведенное в 2010 г. в шести областях Кыргызстана (было опрошено 268 женщин), показало, что 81% похищенных остались в доме похитителя, из оставшихся – 31 девушку забрали родители, 11 ушли сами, четверых отпустили,

испугавшись угроз, двоих освободили с помощью милиции (Отчет 2010: 20). Таким образом, подавляющее большинство девушек демонстрировало пассивный тип поведения и личности. Об этом же говорят и ответы на вопрос, что девушки почувствовали, когда их похитили: лишь 4,1% чувствовали злость и помышляли о побеге, 58,5% ощущали обиду и отчаяние, 35% бессилие и раздражение (Отчет 2010: 25).

Пассивная личность Пассивное поведение

Это наиболее многочисленный тип поведения и личности похищаемых девушек, недаром «женихи» стремятся заранее узнать о характере девушки и ее воспитании. Большинство таких девушек – из традиционной среды. Считается, что девушка, воспитанная в традиционной киргизской семье, беспрекословно слушается родителей, будет покорна мужу и станет подчиняться свекрови и другим родственникам мужа. Именно на такую девушку подействуют угрозы позора для нее самой и ее родителей, именно ее можно запугать проклятиями никогда не выйти замуж. Традиционные ценности – честь родительской семьи, уважение к старшим, создание собственной семьи, рождение детей – очень важны для нее, также как и мнение односельчан и стремление «быть как все», «не хуже других». Если и была у таких девушек какая-то жизненная цель, например получение образования, то она заменяется традиционной мотивацией: ссылка на традицию – «основной и универсальный способ мотивации действий в данной системе поведения» (Байбурин 1993: 10). Представляется, что они быстрее и лучше адаптируются к новой ситуации.

Какая-то небольшая часть девушек остается добровольно, без сопротивления, не видя для себя другого способа выйти замуж. Две таких девушки из 27 опрошенных в ходе исследования, проводимого Форумом женских НПО Кыргызстана в 2009–2011 гг., были из отдаленного южного района, они объяснили, что остались потому, что «не смогли бы сами познакомиться с парнями» (Доступ к правосудию 2011: 10). Подавляющее же большинство соглашается на брак не по собственной воле, а после психологического давления или физического насилия (Отчет 2010: 19–20).

Пассивное поведение могут демонстрировать девушки из любого социально-культурного окружения. Вот три примера принятия ситуации. *Кош-Агач*, 1992. Окружение – смешанное: при сохранении некоторой традиционности сообщество кошагачских казахов относительно европеизировано в своих внешних проявлениях; здесь очень высок престиж высшего образования, в том числе среди девушек. Кража этой 18-летней казашки была нами подробно описана (Ларина, Наумова 2010: 5–8). Поныя, что ее украли, девушка испытала шок, страх, плакала, сопротивлялась, но когда приехала мать узнать о добровольности ее согласия, она упустила свой шанс, у нее не хватило сил, воли, характера, чтобы донести до матери свое неприятие ситуации.

Бишкек, 2006. А., сельская киргизка, видела насилие в родительской семье. Она относительно спокойно приняла свое похищение, смирилась, когда ей сказали, что ее родные согласились. Правда, и ей было тяжело, она плакала, особенно, когда пьяный друг мужа грубо потащил ее танцевать и стал нецензурно выражаться. Когда на четвертый день они с мужем поехали к ее родным, она им объявила, что хочет уйти от мужа. «Родители меня обругали, сказали, что не пустят домой». Первые дни в доме мужа она чувствовала тоску: «Выйду за калитку, обратно идти не хочется» (ПМА 2015: А.).

Джалал-Абад, 1996. Похищение девушки-горожанки. Этот случай рассказала об-

разованная киргизка из Бишкека, которая ездила забирать похищенную младшую сестру мужа. Однако женская родня «жениха» успела обработать молодую девушку своими уговорами, да и семья похитителя оказалась зажиточной, и по поведению девочки наша собеседница поняла, что она уходить не хочет. «Мне хотелось ее отшлепать – ведь ты им отдаешь целую жизнь! Мы говорим на разных языках!» – говорила наша собеседница, вспоминая свои попытки «спасти» девушку (ПМА 2015: М.Б.).

Пассивность, робость – характеристики личности. Особенно тяжело, приходится девушкам, не обладающим «бойцовскими» качествами, но образованным, с сильной мотивацией на учебу или тем, у кого есть любимый молодой человек, за которого они собирались выйти замуж. Часто их интеллектуальный уровень гораздо выше уровня похитителей. Такие девушки могут кончить жизнь самоубийством: они осознают, что их жизненные ценности и приоритеты растоптаны, планам и мечтам никогда не суждено сбыться, а бороться за себя у них не хватает силы характера. Статистики суицидов⁵ среди похищенных женщин, как и самих похищений, нет, но о некоторых таких случаях становится известно. Большой резонанс в Киргизии вызвали самоубийства двух двадцатилетних студенток Каракольского госуниверситета (г. Караколь Иссык-Кульской области) Венеры Касымалиевой (1990–2010) и Нурзат Калыковой (1991–2011), которые покончили с собой первая через месяц, вторая через два месяца после похищения. Обе девушки отлично учились – одна шла на красный диплом, были активистками, писали стихи. 18 мая 2011 г. Альянс женской законодательной инициативы региона, совместно с членами сети «Женщины Могут Все!» организовали акцию «Весна без них» против участвовавшего суицида молодых девушек-невест. На митинге-протесте читали стихи девушек, дневник одной из них и подписали письмо-обращение против похищения невест (Высоцкий 2011; ПМА 2015: Исман).

Определенная часть похищенных и оставшихся девушек после некоторого времени жизни в браке разводится. «Большинство же тех, кто еще не развелся, – отмечают авторы исследования 2010 г. в Киргизии – живут со своими мужьями по инерции, потому что идти больше некуда, потому что не хотят оставить детей без отца, потому что боятся осуждения окружающих» (Отчет 2010: 26). Самые «пассивные» не разводятся, даже если им приходится терпеть побои, измены, пьянство.

Промежуточные варианты поведения

Степень пассивности/активности у всех разная. Некоторые из тех, кто остались, сначала сопротивлялись, стремились уйти, но не получив поддержки родителей, не смогли этого сделать физически, возможно психологически «сломались» и смирились со своей участью. Эти девушки могут обладать определенными качествами активной личности или более сильной мотивацией, чем «чисто» пассивные, но в тех условиях, в которых они оказались, они не смогли противостоять обстоятельствам. Такие девушки часто спустя какое-то время разводятся или просто сбегают из дома мужа, демонстрируя, если можно так сказать, отложенную активность. Многих подталкивают к этому шагу обстановка в доме мужа: «Иногда похищения осуществляются для того, чтобы привести в дом бесплатную рабочую силу, вследствие чего девушки подвергаются унижениям, насилию, их просто не считают за равных членов семьи. Случается, что похититель просто психически неуравновешенный человек, и тогда жизнь жертвы похищения превращается в ад» (Отчет 2010: 25). Но и сама жизнь с чужим человеком оказывается для некоторых невыносимой.

Такой поступок, как развод или уход из дома мужа требует не меньшей отваги, чем уход во время похищения, так как подобное поведение считается позором для женщины и ее родителей, предметом осуждения и сплетен односельчан. Поэтому часто такие женщины уходят не к родителям, а к подругам или знакомым, уезжают в Россию и лишь через какое-то время могут вернуться в родные места. Но и родители в таких случаях, хоть и очень переживают подрыв своей репутации, но, видя, что дочь в доме мужа несчастна, подвергается побоям и унижению, смягчают свою позицию и принимают ее домой. Есть случаи, когда, узнав о невыносимой жизни дочери, родители сами забирают ее из семьи мужа.

Активная личность, активное поведение

Как уже сказано, небольшой части девушек удается уйти – одним с помощью родителей, другие смогли сами сбежать от похитителей. Конечно, те, кто смог уйти самостоятельно демонстрируют бóльшую степень активности, однако и те, кому помогли, проявили большое мужество. Стойкость и сила характера требуются девушкам не только для того, чтобы уйти из дома «жениха», но и чтобы преодолеть психологическую травму похищения и сохранить свою «прежнюю» личность. По данным опроса 2010 г., из тех, кто ушли от похитителя, 43% верят, что поступили правильно, 22% чувствуют себя опозоренными, 35% ощущают одиночество и неуверенность в своей дальнейшей жизни (Отчет 2010: 27). Таким образом, у большей половины девушек вера в себя оказывается в какой-то степени подорванной. Вероятно, большинство таких девушек выросло в относительно традиционном окружении. Их индивидуальные качества позволили им совершить «акт неповиновения», но субъективно осознаваемая вина за нарушение традиций и объективное давление социальной среды оказываются сильным испытанием для психики. Другими словами, конфликт индивидуально-психологического и социально-типического в структуре личностей девушек приводит к психологической травме.

Меньшая половина – по-видимому, сложившиеся личности с твердым характером и развитым самосознанием. Они имеют устойчивые представления о собственной жизни, сильную мотивацию, к примеру на построение карьеры, получение образования или развитие собственных способностей, на замужество по любви и создание гармоничной семьи и т.д. У них сложились интересы и идеалы, которые они готовы отстаивать; в сложных ситуациях они демонстрируют уверенное поведение, умение противостоять и атаковать. В структуре их характеров доминируют инстинкты сохранения свободы и достоинства. О таких девушках можно говорить, как о личностях и в узком значении этого слова – как о людях, способных делать собственный выбор, самостоятельно и ответственно решать возникающие проблемы. Именно в проблемных и конфликтных ситуациях, в «роковые моменты» проявляются их личностные качества.

Чтобы понять характер таких девушек, надо представить те препятствия, которые им приходится преодолевать на пути сохранения собственного достоинства. Психологическое, да и физическое давление начинается с грубого заталкивания девушки в машину. Ее сажают на заднее сиденье, зажимая между двумя парнями, как правило, пьяными, которые начинают ее запугивать и угрожать. Иногда машину специально подбирают поменьше, чтобы в тесноте и духоте девушка не могла

пошевелиться. Осмелившаяся сопротивляться или пригрозить похитителям судом, рискует быть избитой и даже изнасилованной как по дороге, так и в доме «жениха» (21% похищенных, по опросу 2010 г. были подвергнуты физическому воздействию вплоть до изнасилования – Отчет 2010: 20). В доме похитителя начинается мощный психологический прессинг: уговоры, угрозы, проклятия собравшейся многочисленной женской родни. Угрожают позором и сплетнями, которые будут преследовать не только девушку, но и ее родителей. «Девушка сопротивляется, но ее обрабатывают. Ты будешь несчастна, не сможешь выйти замуж, или выйдешь за старого или разведенного. И она уже верит. Она может сломаться», – рассказывала наша собеседница (ПМА 2015: С.). Нередко на порог бросают хлеб, переступить который считается кощунством (Пусурманкулова 2004), или на порог ложится старая родственница или мать «жениха», чтобы девушка не посмела через нее перешагнуть. Нужно иметь большую силу духа и немалую мотивацию, чтобы противостоять такому напору.

Таков случай Динары из с. Ачы, описанный в Отчете 2010 г. Девушку обманом выманили из дома и увезли в дом «жениха». У Динары был молодой человек, с которым она встречалась и собиралась за него замуж. Узнав о похищении, ее родители вместе с настоящим женихом поехали ее вызволять. В это время в доме похитителя женщины умоляли ее не уходить. «Большая бабушка похитителя легла на порог. Но когда родители девушки все же нашли свою дочь, Динара переступила через порог и пожилую бабушку и ушла» (Отчет 2010: 20). Очевидно, что огромную роль в этом случае сыграла поддержка настоящего жениха девушки. Таким же образом вызволил свою невесту Ерлан из Казахстана, пригрозив лежавшей на пороге матери псевдо-жениха пистолетом (Бекболаева 2015).

Девушки, которым удастся уйти, умеют преодолеть страх, который охватывает всех похищенных. В отличие от «пассивных» девушек, которые испытывают шок, панику, беспомощность и отчаяние, «активные» могут собраться, не потерять головы, продумать план своего освобождения, ведут себя спокойно, уверенно и бесстрашно.

«Моя подруга, когда ее похищали, использовала способ представления себя в невыгодном свете: она кричала, использовала нецензурные слова, и даже дралась. Такое поведение подействовало на родственников похитителя, и они решили быстрее от нее избавиться. Таким образом, девушка оказалась на свободе» (Отчет 2010: 37).

Удивительное хладнокровие и силу характера проявила другая девушка, о которой нам рассказали в Бишкеке. Ее украли из города и повезли в Нарынский р-н, в глубинку. В машине она вела себя спокойно, решив, что если она начнет угрожать похитителям в дороге, они могут выбросить ее из машины, и тогда непонятно, как добраться до дома. Очутившись в доме «жениха», она обратилась к его пожилым родственникам. Сказала, что она племянница зам. министра внутренних дел (что было неправдой), что даже если ее изнасилуют, она не останется в этом доме и доведет дело до суда. Испугавшись, похитители на следующее утро отвезли ее обратно в Бишкек (ПМА 2015: Исман).

Иногда требуется быстрота реакции, смелость, которые не могут проявить охваченные страхом «пассивные» девушки. Так, Л.А. из Кош-Агачского р-на Республики Алтай вспоминала, как ее попытались украсть первый раз. Когда она была в соседнем поселке на свадьбе, ее под предлогом побыть на молодежных посиделках заманили в дом «жениха». «Я ничего не знала, – вспоминала Л.А. – я переступила порог, и сразу на меня <накинулись, стали> накрывать этот платок, не платок – шаль. Я настолько

оторопела, я взяла эту шаль, собрала ее в комок и бросила тому, кто меня хотел накрыть, и выбежала. А те, которые со мной шли, они не ожидали такого ответа, они пошли со мной. Этим закончилось». К счастью, в этом поселке жил дядя Л.А., у которого она смогла переночевать и который на следующий день привез ее домой.

Эту же девушку пытались украсть и второй раз. Друзья похитителя отвозили ее с подругой после праздника в Кош-Агаче в родной поселок. Увидев, что они едут не в том направлении и поняв их замысел, Л.А. твердо заявила, что не согласится на кражу. «Я говорю: “Никаких гвоздей. Я домой поеду. Ни за что не сяду (невесту усаживают в специальное место за ширмами – *О.Н.*)”». Причем после этой неудачной кражи она сама предложила несостоявшемуся «жениху» найти ему невесту (ПМА 2006: Л.А.).

Некоторые девушки, которым удалось уйти от похитителей, хотели наказать своих обидчиков. Из опрошенных в Киргизии в 2010 г. 11 девушек (4,1%) самостоятельно подали заявление в милицию. Это говорит, вероятно, не только о желании отомстить, но и об активной жизненной позиции этих девушек, стремлении отстаивать не только свои личные, но и общественные интересы. Сделать это непросто тем более, что милиция зачастую бывает на стороне похитителей. «Милиционеры, наоборот, издеваются и подталкивают к тому, чтобы мы забирали свои заявления, и ни о каком законодательстве они не говорят нам ...», – рассказывала девушка из Таласа в ходе опроса 2010 г. (Отчет 2010: 37). В отчетах правозащитных организаций подчеркивается, что работники милиции считают похищение невесты не преступлением, а народной традицией, относятся к людям, подающим заявление с насмешкой, иногда издеваются на жертвой похищения и оказывают на нее психологическое давление (Отчет 2010: 29, 31–32).

Представленные выше особенности личности – пассивность и активность – важные, даже интегрирующие характеристики индивида, которые во многих случаях объясняют поведение девушек. Но существуют и другие, иногда значимые только для конкретного человека моменты, влияющие на его поведение и не поддающиеся статистической обработке. Так, городская девушка, о которой рассказано выше, не ушла от похитителя с приехавшими за ней родственниками, по всей видимости, из меркантильных соображений. Другая девушка, из бишкекской образованной семьи смирилась с похищением потому, что с детства помнила страшную реакцию отца на развод старшей сестры, тоже украденной. Причем когда украли ее саму, отец уже год как умер, т.е. его потенциальное осуждение не было причиной ее поведения. По словам нашей респондентки, рассказавшей этот случай, это был осознанный, не по принуждению, выбор девушки, которая сделала его «для семьи» – подразумевалось, что для семьи достаточно одного случая позора (ПМА 2015: Г.С.).

Помимо индивидуальных особенностей характера и жизненных обстоятельств, на поведение девушек оказывают влияние такие объективные параметры как возраст и образование. В Киргизии из опрошенных в 2010 г. украденных девушек большинству (почти 70%) было от 18 до 23 лет, средний возраст – 19,6 (Отчет 2010: 13–14). Очевидно, что молоденькими девушками легче манипулировать, они сильнее зависят от мнения окружающих и чаще подчиняются взрослой родне как со стороны «жениха», так и собственной. Среди более взрослых девушек чаще встречаются сформировавшиеся личности, готовые к решительным действиям в решении своих проблем. Характерно, к примеру, что из двух заявлений, дошедших до судебного разбирательства, одно было подано 26-летней девушкой, которой пришлось активно бороться, чтобы добиться

суда над «женихом» и которая на все попытки уладить конфликт мирным путем отвечала отказом. Ее бескомпромиссность тем более впечатляет, что неудавшийся жених был сотрудником правоохранительных органов (Отчет 2010: 29). О роли возраста в краже невест говорили и наши собеседники из российских казахов: они отмечали, что число похищений в Кош-Агачском районе уменьшается, так как возраст выхода замуж в последние годы повысился до 24–25 лет, а двадцатипятилетнюю девушку не так-то легко украсть как восемнадцатилетнюю (ПМА 2006: N.).

То же можно сказать и об образовании. Помимо того, что образованные девушки более информированы о дискуссиях вокруг похищения невест, о наказании, грозящем похитителям, о способах действия в подобных ситуациях, образование влияет на формирование личности в более общем плане. Девушки начинают лучше понимать себя: осознают свои интересы, чувствуют свои способности, осмысливают свою жизнь, строят планы на будущее и т.д. Все это оказывает воздействие на поведение в ситуации похищения: от такой девушки, конечно в том случае, если она обладает решительным характером, можно ожидать активного сопротивления похитителям.

Индивидуальное поведение и трансформация традиции

Как видно из описания традиции похищения, она сама в себе содержит возможности для обоих типов поведения: необходимость оповещать родственников украденной девушки и иметь согласие и родителей, и «невесты» создает условия для сопротивления похищению – для нарушения традиции в рамках самой традиции. Однако, очевидно, что альтернативное поведение должно быть исключением, иначе традиция теряет смысл, т.к. не выполняет своей главной цели – создания новой семьи.

Пассивное поведение девушек – это необходимая составляющая для сохранения и поддержания обычая. Индивидуальные проявления в рамках пассивного поведения – быстро ли девушка соглашается или долго сопротивляется, в каких формах и т.п. – определяют варианты поведения других участников и создают вариативность самой традиции. К примеру, при быстром согласии девушки дело ограничивается только уговорами, при борьбе и неприятии ситуации – начинаются угрозы, привлекается мужская родня и даже местные аксакалы. При этом можно говорить только о продуцировании различных версий, но не о трансформации традиции. Активное поведение девушек, т.е. уход из дома похитителя, ведет к радикальным изменениям традиции похищения, лишая ее смысла и основного предназначения. По сути, если этот тип поведения возобладает, традиция насильственного похищения исчезнет. Пока же индивидуальные случаи активного сопротивления похищению трансформируют конкретные кражи «невест», обесценивая усилия похитителей, не давая им исполнить эту традицию, оставляя ритуал незавершенным.

Активные девушки своим примером могут влиять на функционирование традиции кражи «невест», способствуя росту числа неподчиняющихся обычаю. На поведение потенциальных жертв похищения большое воздействие оказывает как информация об успешных случаях ухода от похитителей, так и сведения о том, что девушки, которым удалось уйти, в последствии вышли замуж. Активное поведение девушек трансформирует традицию и опосредовано – через влияние на социокультурную среду, меняя ее ценности и установки. Развод женщины все меньше воспринимается как «позор» семьи. Если наши пятидесятилетние респондентки считают его ударом для репутации

родителей разведенной женщины в глазах общественного мнения (ПМА 2015: Г.С.), то двадцатилетние уже не понимают в чем заключается такой «позор» (ПМА 2015: С.). В целом еще сильны представления о потере невинности после пребывания в доме похитителя, но уже есть случаи, когда девушек крали несколько раз, и им удавалось уйти без репутационных последствий (ПМА 2015: Айзада; Отчет 2010: 22). В Кош-Агаче, где традиция насильственного похищения постепенно исчезает, в ходе нашей поездки в 2006 г. для некоторых девушек пребывание в доме «жениха» перестало быть препятствием для ухода; рассказывали о девушке, которая спокойно ушла от похитителя, проведя у него три дня. Для Киргизии это еще не характерно, но все же, благодаря активным действиям похищаемых «невест» (наряду с более общими причинами), происходит постепенное размывание и переоценка ценностей, на которых держится пассивное поведение девушек и вся традиция в целом.

Разумеется, на трансформацию традиции похищения влияет поведение не только девушек, но и других участников, личности и поведение которых также определяются их социокультурным окружением и индивидуальными особенностями. Сложное переплетение взаимовлияющих факторов иногда приводит к парадоксальным результатам. Так, в связи с общими модернизационными процессами в настоящее время престиж образования в Киргизии значительно повысился. В связи с этим появилась «мода» на кражу невест-студенток (ПМА 2015: Исман). И псевдо-женихи, вместо того, чтобы подыскивать невесту в сельской местности, из традиционной среды, выслеживают студенток в общежитиях. Конечно, в общежития приезжают девушки из сел или небольших городов, но чтобы поехать учиться в город, уже надо иметь определенный склад характера. Здесь больше риск нарваться на своевольную девушку; к тому же, чем выше образование девушки, тем больше вероятность, что похищение не удастся. Таким образом, новое поведение «женихов», если эта тенденция закрепится, будет подрывать традицию кражи невест.

Вообще можно предположить, что именно образованные девушки положат конец традиции похищения. Этот процесс уже интенсивно идет среди российских кош-агачских казахов. У них повышение возраста вступления в брак, помимо общих причин, связано с большим престижем высшего образования. Образованная невеста стоит выше в глазах общественного мнения; но если молодой человек украдет не окончившую ВУЗ девушку, то ему, а точнее, его родителям придется платить за ее учебу еще несколько лет. Иногда родители отговаривают сыновей жениться, просят подождать, пока девушка закончит учебу, чтобы материальные затраты на ее образование и содержание не ложились на их плечи. Таким образом, приходится похищать девушку не моложе 23–24 лет. Но и среди киргизов наблюдается та же тенденция: прежде, чем украсть девушку, «ждут, чтобы на четвертом курсе была, чтобы не тратиться на обучение» (ПМА 2015: С.). Возраст и образование – объективные факторы, которые снижают успех похищения.

Поведение девушек, особенно в его крайних проявлениях – суицидах, а также случаи особенно жестокого поведения похитителей, если о них становится известно, оказывают прямое воздействие на равнодушную общественность и правозащитников Кыргызстана, которые через общественные организации и фонды организуют митинги протеста, кампании в СМИ и другие акции, направленные на формирование негативного отношения общества по отношению к кражам девушек. Населению разъясняют природу этого обычая, доказывают, что он представляет собой преступление,

карающееся УК Кыргызстана, а не «древнюю» и «национальную» традицию. Обращаются в государственные органы управления с требованиями и рекомендациями об ужесточении законов, карающих за кражу людей, за принуждение к браку, о принятии на государственном уровне мер для искоренения этой практики. Особое внимание в таких рекомендациях обращается на действия правоохранительных органов: милиция в большинстве случаев бездействует, ссылаясь на «давние традиции кыргызского общества». Возможно, наиболее эффективными из мероприятий такого характера может оказаться просветительская работа среди школьников (ПМА 2015: Кошунбаев).

Все действия такого рода, несомненно, важны, но социальные явления, базирующиеся на фундаментальных принципах общества, не очень легко поддаются искоренению с помощью убеждения. Основой, на которой держится современный обычай похищения, является коллективизм – доминирование групповых интересов над индивидуальными, превалирование групповой идентичности в самосознании индивида. Традиция будет исчезать с ослаблением в обществе коллективистских общинных начал и с постепенным утверждением ценности личности и уважения индивидуальности отдельного человека.

Примечания

- ¹ В Бишкеке мы собирали материал с казахстанским этнографом, кандидатом исторических наук, доцентом Санией Сагнаевой. С.К. Сагнаева проработала десять лет политическим аналитиком ICG в Центрально-азиатском офисе в Кыргызстане. Ее наблюдения повседневной жизни опыт интервьюирования разных групп общества помогли мне в организации полевой работы и проведении интервью. Мы вместе беседовали с респондентами и экспертами, обсуждали вопросы темы – без ее активного участия в исследовании эта работа бы не состоялась. Приношу ей свою глубокую и искреннюю благодарность.
- ² Особенно большую помощь в работе оказали беседы с компетентными знатоками проблемы, директором общественного фонда «Открытая линия» М.К. Бекназаровой и журналистом Алмасом Исманом. Сердечно благодарю их за содержательные интервью.
- ³ Исключение составляет статья Лори Хандрахан, в которой исследуются проблемы мужского насилия, в том числе и мужская точка зрения на похищение невест в Кыргызстане (*Handrahan* 2004). Однако использование ее материалов, к сожалению, несколько ограничено: в процессе исследования было опрошено 383 мужчины, из них 35% похитили незнакомую им женщину; однако ответы приводятся для всего пула опрошенных, а не отдельно для реальных и фиктивных похитителей.
- ⁴ Гибридной можно считать и саму традицию современного похищения, которая исследуется в этой статье. Ее вполне можно характеризовать словами автора понятия гибридности Х. Бхабхи: «быть тем же, но уже не совсем тем же» (цит. по *Абашии* 2015: 42). Подробно об исследовательских подходах и трактовке понятий традиционности, модерности, влияния колониализма на природу постколониальных и постсоветских обществ см. *Абашии* 2015: 10–44.
- ⁵ Президент Ассоциации кризисных центров Кыргызстана Александр Елиференко в интервью 2011 г. отмечал, что число самоубийств среди украденных невест растет (*Исман* 2011).

Источники и литература

- Абашии* 2015 – *Абашии С.Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: НЛЮ, 2015.
- Артемова* 1987 – *Артемова О.Ю.* Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине по австралийским этнографическим данным. М.: Наука, 1987.
- Байбури* 1993 – *Байбури А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
- Бекболаева* 2015 – *Бекболаева Д.* Письма из Шымкента. Похищение невесты. 26 октября

2015. URL: <http://www.esquire.kz>.
- В Кыргызстане ежегодно крадут 2013 – В Кыргызстане ежегодно крадут от 8000 до 12000 невест. 21 июня 2013 г. URL: <http://www.knews.kg/society>.
- Вишневский* 1996 – *Вишневский А.Г.* Средняя Азия: незавершенная модернизация // Вестник Евразии, 1996. № 2. С. 131–154.
- Высоцкий* 2011 – *Высоцкий С.* Украденные невесты могли быть сегодня с нами. URL: <http://rus.azattyk.mobi>.
- Гидденс* 1994 – *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // Thesis, 1994. Вып. 5. С. 107–134.
- Доступ к правосудию 2011 – Доступ к правосудию жертв кражи невест в Кыргызстане. Форум женских НПО Кыргызстана. Бишкек: б.и., 2011. 19 с.
- Жакипова* 1971 – *Жакипова А.Ж.* Развитие семейно-брачных отношений в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1971.
- Исман* 2011 – *Исман А.* Кража невест – похищение человека! URL: <http://rus.azattyk.kg>.
- Кыргызстан: «Фридом хауз» vs. «Ала-качуу». Похищение невесты: добрый обычай или дикая традиция? Редактировал Улугбек Бабакуло. URL: <http://www.centrasia.ru>. Дата публикации: 15.06.2004.
- Ларина, Наумова* 2010 – *Ларина Е.И., Наумова О.Б.* «Кража – это вечный наш обычай»: умыкание невесты у российских казахов // Этнографическое обозрение, 2010. № 5. С. 3–20.
- Отчет 2010 – Отчет по результатам изучения проблемы кражи невест в Кыргызстане. Бишкек: б.и., 2010. 40 с.
- ПМА 2006 – Полевые материалы автора, собранные с Е.И. Лариной в Кош-Агачском р-не Республики Алтай: А., 1974 г.р.; Л.А., ок. 45 лет; Н., ок. 20 лет.
- ПМА 2015 – Полевые материалы автора, собранные с С.К. Сагнаевой в г. Бишкек, Кыргызстан: Г.С., 1958 г.р.; М.Б.; С. 23 года; А., 30 лет; Айзада, ок. 25 лет; А. Кошунбаев; А. Исман.
- Примирение с насилием 2006 – Кыргызстан. Примирение с насилием. Непринятие государством мер по борьбе с семейным насилием и похищением невест. Human Rights Watch. Сентябрь 2006. Т. 18. № 9 (D). URL: <https://www.hrw.org>.
- Пусурманкулова* 2004 – *Пусурманкулова Б.* Похищение невесты: добрый обычай или дикая традиция? («Голос свободы»). Инициатива правозащитной рабочей группы при поддержке Фридом Хауз в Кыргызстане. 15 июня 2004 года).
- Столяренко, Самыгин* 2014 – *Столяренко Л.Д., Самыгин С.И.* Психология личности. Изд-3-е. Ростов н/Д: Феникс, 2014.
- Хьелл, Зиглер* 2016 – *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. 3-е изд. СПб.: Питер, 2016. 608 с.
- Handrahan* 2004 – *Handrahan L.* Hunting for women: bride-kidnapping in Kirgyzstan // International Feminist Journal of Politics, 6:2. June 2004. Pp. 208–233.
- Kleinbach* 2003 – *Kleinbach R.* Frequency of non-consensual bride kidnapping in the Kyrgyz Republic // International Journal of Central Asian Studies, 2003. Vol. 8. No. 1. Pp. 108–128.
- Kleinbach et al.* 2005 – *Kleinbach R., Ablezova M., Aitieva M.* Kidnapping for marriage (ala kachuu) in a Kyrgyz village // Central Asian Survey. 2005. Vol. 24. No. 2. Pp. 191–202.
- Kleinbach, Salimjanova* 2007 – *Kleinbach R., Salimjanova L.* Kyz ala kachuu and adat: non-consensual bride kidnapping and tradition in Kyrgyzstan // Central Asian Survey, 2007. Vol. 26. No. 2. Pp. 217–233.
- Werner* 2004 – *Werner C.* Women, marriage, and the nation-state: the rise of nonconsensual bride kidnapping in post-Soviet Kazakhstan // The transformation of Central Asia: states and societies from Soviet rule to independence. NY, 2004. Pp. 59–89.

References

- Abashin S.N.* Sovetskii kishlak. Mezhdru kolonializmom i modernizatsiei. Moscow: NLO, 2015.
- Artemova O.Yu.* Lichnost i sotsialnye normy v ranne-pervobytnoi obshchine po avstraliiskim etnograficheskim dannym. Moscow: Nauka, 1987.

- Baiburin A.K.* Ritual v traditsionnoi kulture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov. St. Petersburg: Nauka, 1993.
- Bekbolaeva D.* Pisma iz Shymkenta. Pokhishchenie nevesty. 26 oktiabria 2015. URL: <http://www.esquire.kz>.
- Dostup k pravosudiiu zhertv krazhi nevest v Kyrgyzstane. Forum zhenskikh NPO Kyrgyzstana. Bishkek: b.i., 2011. Zhakipova A.Zh. Razvitie semeino-brachnykh otnoshenii v Kazakhstane. Alma-Ata: Kazakhstan, 1971.
- Giddens E.* Sudba, risk i bezopasnost // Thesis, 1994. Vol. 5. Pp.107–134.
- Isman A.* Krazha nevest – pokhishchenie cheloveka! URL: <http://rus.azattyk.kg>.
- Khell L., Zigler D.* Teorii lichnosti. 3-e izd. St. Petersburg: Piter, 2016. 608 s.
- Kyrgyzstan. Primirenie s nasiliem. Nepriniatie gosudarstvom mer po borbe s semeinym nasiliem i pokhishcheniem nevest. Human Rights Watch. Sentiabr 2006. T. 18. No. 9 (D). URL: <https://www.hrw.org>.
- Kyrgyzstan: «Fridom khauz vs. «Ala-kachuu. Pokhishchenie nevesty: dobryi obychai ili dikaia traditsiia? Redaktiroval Ulugbek Babakulo. URL: <http://www.centrasia.ru>. Data publikatsii: 15.06.2004.
- Larina E.I., Naumova O.B.* «Krazha – eto vechnyi nash obychai: umykanie nevesty u rossiiskikh kazakhov // Etnograficheskoe obozrenie, 2010. No. 5. Pp. 3–20.
- Otchet po rezultatam izucheniia problemy krazhi nevest v Kyrgyzstane. Bishkek: b.i., 2010.
- Polevye materialy avtora, sobrannye s E.I. Larinoi v Kosh-Agachskom r-ne Respubliki Altai: A., 1974 g.r.; L.A., ok. 45 let; N., ok. 20 let.
- Polevye materialy avtora, sobrannye s S.K. Sagnaevoi v g. Bishkek, Kyrgyzstan: G.S., 1958 g.r.; M.B.; S. 23 goda; A., 30 let; Aizada, ok. 25 let; A. Koshunbaev; A.Isman.
- Pusurmankulova B. Pokhishchenie nevesty: dobryi obychai ili dikaia traditsiia? («Golos svobody. Initsiativa pravozashchitnoi rabochei grupy pri podderzhke Fridom Khauz v Kyrgyzstane. 15 iunia 2004 goda).
- Stoliarenko L.D., Samygin S.I.* Psikhologiya lichnosti. Izd- 3-e. Rostov on Don: Feniks, 2014.
- V Kyrgyzstane ezhegodno kradut 2013 – V Kyrgyzstane ezhegodno kradut ot 8000 do 12000 nevest. 21 iunia 2013 g. URL: <http://www.knews.kg/society>.
- Vishnevskii A.G.* Sredniaia Aziia: nezavershennaia modernizatsiia // Vestnik Evrazii, 1996. No. 2. Pp. 131–154.
- Vysotskii S.* Ukradennye nevesty mogli byt segodnia s nami. URL: <http://rus.azattyk.mobi>.

O.B. Naumova. Girls behaviour in the bride kidnapping tradition (on Kyrgyzstan materials).

The article discusses the behaviour of girls in a situation of a real kidnapping for marriage, mainly on the materials of modern Kyrgyzstan. Two types of personality and behaviour of kidnapped «brides» – passive and active – can be distinguished. The behaviour of women is influenced by two factors of the equivalent impact: socio-cultural environment (traditional or modernized to varying degrees), and individual personality characteristics. Passive behaviour of the “brides” supports the sustainable existence of the tradition of kidnapping, active girls’ action transform tradition, gradually changing the values and attitudes on which it is held, as well as directly influencing public opinion, forming a negative attitude to the phenomenon.

Keywords: socio-cultural context, tradition, modernization, bride kidnapping, personality, individual behavior; Kyrgyz, Kazakh.

УДК 070

С любезного согласия руководителей
Центральноазиатской Аналитической Сети
мы перепечатаем интервью
с известным американским социолингвистом
У. Фиерманом, опубликованном
на сайте этой организации(caa-network.org)*.

БОЛЬШОЕ ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ФИЕРМАНОМ О ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ



Часть первая

Бу Абдулфаттох Шафиев Он Февраль 22, 2016/

В советское время политика КПСС была сосредоточена на том, чтобы развивать советскую идентичность или, если хотите, советское наднациональное сознание. И не секрет, что в ядре этого сознания или идентичности преобладали русские элементы. Поэтому я думаю, что создание нового национального сознания – это и было целью политики демонстрации своей независимости.

Профессор Уильям Фиерман – известный исследователь и лингвист со специализацией в Центральной Евразии. Много лет проработал в Университете штата Индианы, автор многих публикаций по языковой политике в Центральной Азии.

«Только не русский язык». Путь в СССР

Расскажите, пожалуйста, о себе и своем опыте исследователя и ученого-лингвиста.

Я окончил среднюю школу в городе Сент-Луис (штат Миссури). Еще в средней школе я начал изучать русский и китайский языки. Русский я выбрал еще в восьмом классе. В школе предлагали на выбор один из пяти языков – латынь, испанский, французский, немецкий или русский. Мои родители сказали, что я могу выбрать любой из них, только не русский. Почему они так сказали и почему, все-таки, я выбрал

* Central Asian Analytical Network (CAAN) is a new, integrated platform designed to increase Central Asian citizens' access to objective information and sophisticated analysis. CAAN provides factual information in Russian and in the national languages of Central Asia on domestic and global affairs. The Network connects various communities of producers of information and analysis – professional journalists, social activists, bloggers, experts, and scholars, by using the already existing human capital that has been built up over the last two decades in the region.

русский? Это было время холодной войны и в то время, как правило, в США смотрели на Советский Союз как на враждебную нам страну. Более того, мои родители считали, что русский язык для меня будет слишком трудным. Для меня СССР представлялся очень далекой и неведомой страной – почти как на другой планете. Это, пожалуй, является самой главной причиной, почему я выбрал русский язык. Помимо этого, я хотел показать родителям, что я смогу овладеть русским языком. Китайский я начал изучать в одиннадцатом классе. Рассказывали шутку, что оптимисты изучали русский, а пессимисты китайский. А я на всякий случай... После одиннадцатого класса я поехал в Бразилию по программе обмена на пару месяцев. Это была моя первая поездка за границу. Там я жил в семье, в которой никто не говорил по-английски, и очень быстро стал говорить по-португальски.

Степень бакалавра я получил в Индианском университете. У меня были две специальности – русский и китайский языки. После окончания бакалавра я уехал в Ленинград, где изучал русский язык в течение одного семестра в Ленинградском государственном университете. Уже на следующую осень я поступил в аспирантуру в Гарвардском университете на кафедру политических наук (точнее, кафедра называлась «Government»). Я думал, что со знанием русского и китайского стану специалистом по советско-китайским отношениям. Но когда наступило время для выбора темы для диссертации, я решил заниматься вопросами языковой политики. У меня еще возникла идея сопоставить языковые политики в отношении к национальным меньшинствам, живущим в КНР и СССР. Я решил изучать языковую политику в Узбекистане и надеялся, что смогу сравнить эту политику с языковой политикой в КНР в отношении к уйгурскому языку.

Я выиграл грант Фулбрайта и поехал в Ташкент для сбора материала в течение 1976–1977 учебного года. Когда я вернулся домой после стажировки, я понял, что мне лучше сосредоточиться на Узбекистане. На самом деле в те годы было даже немыслимо для американца думать о проведении аналогичной работы в КНР. Я защитил диссертацию по вопросам языковой политики в Узбекистане с 1917 по 1940 г.

После аспирантуры я начал работу в Университете штата Теннесси на кафедре политических наук. Там я был специалистом по внутренней и внешней политике СССР. Я продолжал заниматься вопросами языковой политики в Узбекистане, а также другими вопросами, связанными с идентичностью – Ислам, художественная литература как отражение чувств идентичности, и т.п.

В 1991-м году я начал работу в Индианском университете. Работа в Индиане меня привлекала тем, что в Индианском университете углубленно занимаются Центральной Азией и что в Индиане я смогу работать с аспирантами, которые специально изучают этот регион и его языки. Переезд в Индиану совпал по времени с распадом СССР. В независимых государствах Центральной Азии я стал больше заниматься Казахстаном, чем Узбекистаном. На это есть несколько причин. В Казахстане язык является более важным фактором в политике страны, чем в Узбекистане. Потом у меня был очень неприятный случай в 1994 году: я прилетел в Ташкент и меня туда не пустили. Я просидел почти двое суток в не очень чистом транзитном зале перед тем, как меня отправили обратно во Франкфурт. В Казахстане таких проблем не было и там мне сравнительно легко работается. В 2011 г. я ушел на пенсию, но продолжаю активно следить за событиями в регионе.

Почему вы заинтересовались тюркскими языками Центральной Азии, не самой передовой части не самого открытого государства в тогдашнем мире?

Тут ответ довольно прост. Узбекский язык очень похож на уйгурский, и мне казалось, что на примерах политики в отношении к этим языкам я смогу освещать советскую и китайскую языковую политику. Что касается изучения языков «не самых открытых государств» – надо помнить, что я выбрал китайский и русский языки!

Наверняка, нелегко было изучать эти языки – и центральноазиатов не часто видели, и передовых коммуникационных технологий не существовало, и учебников, наверное, не было, да и нелегко было доехать до этих краев.

Это однозначно. Когда я начинал изучать узбекский, я развесил объявления в окрестностях Гарвардского университета с надеждой найти человека, кто знал бы узбекский. Откликнулась одна женщина, жена одного аспиранта. Она была узбечка: ее родители в свое время бежали из Узбекистана в Синцзянь (КНР). Она родилась там, затем переехала в Шанхай, а во время китайской культурной революции покинула Китай и уехала в Турцию. Она заявила мне, что говорит по-узбекски, но потом я понял, что она говорила на каком-то смешанном языке с элементами узбекского, уйгурского и (довольно много) турецкого. Я с ней немного поработал и сделал записи ее голоса. То есть, первый контакт со звуками узбекского языка был через человека, который сам произносил слова на этом языке каким-то странным образом, ближе к турецкому произношению. Даже теперь, когда я говорю на узбекском, узбеки часто говорят, что в моей речи слышат влияние турецкого. Они удивляются, когда я им сообщаю, что я турецкого даже не знаю.

А что касается учебников, тогда они были какие-то не очень хорошие. Один, предназначенный для англоязычных студентов, был посвящен чтению узбекских газет. Еще один, на своеобразном латинском шрифте дал азы разговорной речи. Остальные все были на русском языке... и они были ужасно скучные. Помню один самоучитель с текстами типа «Матлуба живет в колхозе. Она влюбилась в свой трактор и каждый день с энтузиазмом уходит на работу». Я тут, конечно, утрирую, но не сильно. Устной практики, у меня, по сути дела, не было. Поэтому, когда я, наконец, приехал в Ташкент, я очень мало понимал устную речь и говорил с очень сильным акцентом и, наверное, делал серьезные грамматические ошибки. Когда я на улице пытался обращаться на узбекском, то обычно люди меня или не понимали, или отвечали на русском. В тех редких случаях, когда мне отвечали на узбекском, я чаще всего не сразу понимал, и мне приходилось просить их повторять. И тогда люди, как правило, переходили на русский язык. Естественно, всем было непривычно общаться с человеком моей внешности по-узбекски, тем более что я плохо владел разговорным языком.

А первый раз добраться до Ташкента (1976-ый год), конечно, было очень сложно. Как правило, единственными американцами, которые оказывались в Узбекистане в то время, были туристы и долго там не задерживались. Как я уже сказал выше, я получил грант по программе Фулбрайта, но в те годы американские ученые, которые хотели пройти стажировку в СССР, должны были подавать на программу через IREX (АйРЕКс, то есть совет по международному обмену). Более того, количество стажеров было строго ограничено: в СССР ездило столько же ученых (обычно около тридцати), сколько ездило в обратную сторону. Более того, каждая сторона имела право отказаться от любого из предложенных кандидатов.

С советской стороны этим обменом занималось Министерство высшего и среднего образования СССР, и подавляющее большинство участников программы обмена с американской стороны проходили стажировку или в Москве, или Ленинграде; очень редко стажировались в других местах. Я не совсем понимаю, почему меня приняли. Мне кажется, что какой-то чиновник в Москве понял, что я безобидный лингвист, хотя в моих документах было четко указано, что я хотел изучать то, что в первые десятилетия советской власти называли «языковым строительством». В любом случае в августе 1976 года мы с женой приехали в Москву для одномесечной ориентации и через месяц отправились поездом в Ташкент.

Добавлю, что хотя мы провели в Узбекистане больше девяти месяцев, условия тех лет не давали много общаться на узбекском языке. Я уже выше говорил о некоторых проблемах с общением на узбекском языке, но еще более важным фактором была атмосфера холодной войны. Как правило, местные люди боялись с нами общаться, будь то на русском или узбекском языке. Если честно, как правило, мне было проще и комфортнее общаться на русском в Ташкенте, чем на узбекском.

Самый большой толчок в развитии моего активного использования узбекского языка я получил в 1988-ом году, когда я работал гидом-переводчиком в Ташкенте во время американской выставки «Информатика и техника в жизни США». Там я работал на двух экспонатах: на одном были выставлены коляска для покупок в универсаме, коробки и пустые банки от продуктов, касса с лазером и огромные фотографии полок с продуктами. На другом – компьютер с программами для обработки текста и создания открыток. Моей задачей было показывать, как работала техника, и рассказывать посетителям выставки о применении компьютеров и о том, как американцы покупали продукты в магазине. Я рассказывал и по-русски, и по-узбекски. Конечно, в самом начале я делал очень много ошибок на узбекском языке, но посетители были в восторге оттого, что американец пытается говорить на их языке, и они мне подсказывали слова и исправляли. В такой среде мой уровень активного использования узбекского языка быстро поднялся. Некоторые посетители были уверены, что у меня татарские корни. Я там стал звездой. На улице некоторые люди, видимо из числа тех, кто уже видел меня на выставке, показывали меня пальцем другим.

Путь после Союза. Возвращение к «истокам»

Вам, наверное, еще пришлось вновь изучать эти языки после того, как эти страны приобрели независимость, и началась эра избавления от русских заимствований и внедрения исконно тюркских, либо турецких слов.

Да, во всех этих языках проходили такие процессы, но в разных языках в разной степени. И не забывайте, что в советское время я занимался только одним из этих языков – узбекским. Благодаря тому, что я в работе над своей диссертацией изучал аналогичные процессы в течение всего советского периода, я уже знал некоторые «новые» слова, которые на самом деле были старыми. Например, уже в 1920-ые годы шли дебаты о том, какие слова следует употреблять для очень многих понятий – т.е., употреблять «интернациональные» слова (обычно из западно-европейских языков, чаще всего заимствованные с русского языка), старые или совсем новые слова из тюркских корней, или арабские/персидские слова. После 1933 или 1934 г. пошла сильная русификация, когда очень много слов из арабского/персидского языков или тюркских слов были заменены русскими словами.

Мне кажется, что после распада СССР самые большие изменения в тюркских языках Центральной Азии были сделаны в туркменском языке. Во время первого президента независимого Туркменистана даже названия месяцев и дней недели были изменены, притом, январь был переименован в честь президента. Такие новые слова были приняты для употребления в СМИ, школах и т.д., но, мне кажется, даже в то время большинство населения в неформальном общении употребляло прежние названия. Такую тенденцию можно наблюдать во всех тюркских языках Центральной Азии. То есть, в каких-то официальных сферах больше стали употреблять введенные после 1991 «новые» слова (хотя многие из этих слов на самом деле далеко *не* новые), но народ продолжал использовать те слова, которые употреблялись в последние десятилетия советской власти. Со временем некоторые из этих «новых» слов стали шире употребляться, а некоторые совсем вышли из употребления. Естественно, все это осложняло мою работу в изучении языков региона.

Кто же преуспел в этом больше всего? Единственная нетюркская страна – Таджикистан, которую гражданская война удержала от переименования названия языка и перехода на арабскую письменность, или страны, которые в одночасье поменяли алфавит?

Мне трудно судить. Я не так много внимания уделял таджикскому языку и, к сожалению, я не могу сказать, что умею на нем читать. Но тут самая большая сложность даже не в этом, а в том, *как* можно измерить «успех» в этом деле. Если будем судить, скажем, только по употреблению слов в прессе, то, я подозреваю, что Туркменистан «победит». Ведь там СМИ больше, чем в других странах региона (единственное тут возможное исключение – Узбекистан) находятся в руках государства. Но если будем судить по тому, употребляет ли народ «новые слова» – тогда вопрос намного сложнее, и я тут даже не могу предположить точного ответа.

Хотел бы еще добавить, что еще одно измерение этого вопроса находится за пределами страны, где любой язык пользуется статусом государственного языка. Я помню одну встречу с редакторами узбекских изданий в Душанбе. Я им задал вопрос о том, насколько языковые изменения в Узбекистане отражаются в языке узбекских СМИ Таджикистана. Один редактор тут возмутился и сказал мне: «Да никак не отражаются. Мы тут находимся в независимой стране». Получается, якобы узбекский язык Таджикистана «независим» от процессов в Узбекистане. Я не стал с этим редактором спорить, но я сомневаюсь в том, что изменения в узбекском языке Узбекистана совсем не влияют на узбекский язык Таджикистана. Ведь многие узбеки (и не только узбеки) в Таджикистане смотрят узбекское телевидение из Узбекистана, в частности, возможно, новые фильмы и телесериалы. С другой стороны надо иметь в виду, что в Таджикистане (да и в Кыргызстане) узбекские СМИ и учебники для узбекских школ продолжают печататься кириллицей, а не латиницей, как в Узбекистане.

Изменения алфавита в Узбекистане и в Туркменистане, думаю, были вызваны политическими попытками построить полностью новое национальное сознание, нежели показать свою независимость от слабой тогда России.

Мне кажется, что эти два процесса неразрывно друг с другом связаны. В советское время политика КПСС была сосредоточена на том, чтобы развивать советскую идентичность или, если хотите, советское наднациональное сознание. И не секрет, что в

ядре этого сознания или идентичности преобладали русские элементы. Поэтому я думаю, что создание нового национального сознания – это и было целью политики демонстрации своей независимости. Тут, конечно, еще другой очень сложный вопрос – что это такое «строить новое национальное сознание»? Это менее двусмысленно в случае Туркменистана, чем в Казахстане. Если говорить о Казахстане, то тут мы сталкиваемся не только с национальной казахской идентичностью, но и с национальной казахстанской идентичностью. Приводя эти примеры, я не хочу сказать, что процесс создания национального сознания в других странах Центральной Азии – легкое дело. Даже в Узбекистане и Туркменистане это сложно. В Узбекистане очень сильны региональные чувства идентичности; в Туркменистане это тоже сложный вопрос, где региональные идентичности совпадают с чувствами принадлежности к тому или иному племени.

Почему переход был осуществлен на латиницу, а не на письменность, которую эти народы имели до прихода большевиков – арабскую вязь? Из-за желания чувствовать себя частью единого тюркского мира?

Мне кажется, что это в первую очередь связано с тем, что латинский шрифт употребляется в одной или другой форме во всех развитых странах Западной Европы и многих других странах мира, включая Турцию. Что касается арабской или персидской вязи – это письменность, главным образом, языков северной Африки, Ближнего Востока (в первую очередь, арабского языка), а также таких стран, как Иран, Афганистан, Пакистан. Я думаю, что интеллигенция и политическая элита стран Центральной Азии рассматривали латинский шрифт как письменность развитого мира. Что касается арабских/персидских букв, то нельзя забывать, что среди населения Центральной Азии никогда не было высокого уровня грамотности на местных языках на основе арабской/персидской письменности. До большевистской революции грамотность вообще была довольно низкой, хотя, скорее всего, выше, чем один или два процента, как описывается в советских источниках. Возможно, даже грамотность была выше на арабском, чем на местных говорах или, если хотите, на языках. (Я избегаю употребления слова «язык» в данном контексте потому, что в досоветский период еще не было четких линий между тюркскими наречиями или диалектами, так как они появились в советский период, а также еще не было общепринятых стандартных форм литературных «языков»). Даже если бы после 1991-ого года тюркские языки были бы переведены обратно на арабскую/персидскую вязь, нынешние читатели нашли бы, что письменный язык начала двадцатого века отличается от нынешнего стандарта.

Некоторые ученые считают, что арабская письменность технически не подходит для тюркских языков. Я тут агностик. Это открытый вопрос. Но даже если арабская вязь в техническом плане не хуже латинского алфавита для репрезентации тюркских языков, широко распространенный стереотип о том, что она хуже, сыграл большую роль. И надо помнить, что все страны Центральной Азии, которые получили независимость после распада Союза, объявили себя светскими государствами. И арабский алфавит все-таки ассоциируется с Исламом. Между прочим, этот вопрос дискутировался и в двадцатые годы в СССР, и некоторые политические деятели, которые поддерживали переход от (уже реформированного) арабского алфавита на латинский шрифт, обосновывали это тем, что отказ от арабской письменности будет облегчать борьбу с Исламом. Да, сразу после независимости, по крайней мере, в Узбекистане в местной прессе вопрос алфавита обсуждался очень горячо. Были аргументы тех, кто не хотел трогать кириллицу, и

были те, кто поддерживал реформу кириллицы для узбекского языка, и были сторонники перехода или на арабский, или на латинский алфавит. Но Ислам Каримов часто подчеркивал опасность исламского экстремизма (и настаивал, что если Ислам не держать под контролем, то в Узбекистане может начаться гражданская война и будет распространяться «экстремизм», как в то время в Таджикистане). Я думаю, что на самом деле президент Узбекистан принял решение, что узбекская письменность (по крайней мере, в Узбекистане) будет переведена на латиницу. Да, конечно, везде в Центральной Азии статус Ислама несравнимо выше, чем в советское время, но политическое руководство всех стран бывшей Средней Азии и Казахстана старалась дистанцироваться от Ислама. И это очень важный фактор в решении не переводить тюркские языки бывшей Средней Азии и Казахстана на арабскую вязь. (Тут полезно вспомнить, что узбеки, туркмены, и таджики Афганистана до сих пор пишут арабской вязью.)

Добавлю еще, что и в двадцатые годы прошлого столетия и после распада СССР среди местной интеллигенции было какое-то двойное чувство по отношению к влиянию арабского языка на стандартные тюркские языки, которые тогда формировались. Мне кажется, что многие среди «узбекской интеллигенции» в двадцатые годы прошлого века несильно поддерживали идею продолжать использовать реформированный арабский шрифт. И некоторые из них сильно критиковали использование слов, заимствованных из фарси или арабского. Они хотели внести в употребление совсем новые слова из тюркских корней. Более того, они предложили изменить орфографию оставшихся заимствований, чтобы соблюдать фонетические правила (в их понимании) тюркских языков. Особенно законы сингармонизма. Это было очень сложно в случае с узбекским языком, потому что некоторые тюркские наречия или диалекты, которые советские лингвисты включили в категорию «узбекского языка», уже в большой степени потеряли сингармонизм. Некоторые лингвисты пишут, что эти диалекты «иранизированы», но этот вопрос уже вне моей специальности и я просто повторяю то, что я читал. Скорее всего это так.

Прежде чем закончить ответ на вопрос об алфавитах тюркских языков Центральной Азии добавлю, что некоторые люди – если память меня не подводит, это были, главным образом, или даже исключительно, писатели – хотели, чтобы узбекский язык (а может быть и другие? Не знаю) перевели на древнюю руническую письменность. Мне кажется, что у такой идеи было мало сторонников.

И говоря о вопросах алфавита, мне кажется, что ситуация с таджикским языком очень интересная. Иногда обсуждается вопрос о переводе таджикской письменности на арабскую/персидскую вязь. Как Вы лучше меня знаете, диалекты таджикского языка сильно отличаются друг от друга, и некоторые диалекты таджикского очень похожи на некоторые диалекты языка фарси. Более того, насколько я разбираюсь в ситуации, объединяет все эти разные диалекты один литературный язык. Мне кажется, что если таджикский язык переведут на арабский / персидский алфавит, то это откроет возможность еще более сильного влияния фарси на таджикский. В таком случае останется ли «независимый» таджикский литературный язык? Ман намедонам*. Это мне напоминает случай с азербайджанским языком, который недавно перевели на латиницу. Это, мне кажется, открыло двери для более сильного влияния, очень близкого к азербайджанскому турецкого на азербайджанский. Не знаю, куда это ведет.

* «Я не знаю» (прим. ред.)

Ведутся ли такие же разговоры в Кыргызстане и в Казахстане и почему там не перешли на латиницу?

Да, были такие разговоры, особенно в Казахстане. Было много дискуссий об этом в казахстанской прессе, в том числе о формах латинских букв, которые должны быть приняты. Более того, Президент Назарбаев сам говорил об этом и сказал, что переход должен начаться в 2025-м году. Но это очень тонкий вопрос потому, что в Казахстане проживает большая доля этнических русских и других «русскоязычных этносов» и так как русский язык даже сегодня очень широко употребляется. Любой переход казахского алфавита еще дальше разделит бы два основных языка страны. С таким можно жить, ведь в Латвии государственный язык пишется латиницей, а русский – естественно на кириллице – широко используется. Но Президент Назарбаева проводит очень осторожную политику в области межнациональных отношений.

В любом случае за последние два или три года он очень редко упоминал вопрос о переводе алфавита. Мне кажется, что это как-то связано с событиями в Украине. Меня очень удивило, что совсем недавно в одном из выступлений министра культуры и спорта Казахстана снова прозвучало предложение о переходе. Вряд ли бы он смог это сделать без разрешения президента страны. Назарбаев четко осознает, что среди населения в регионах Казахстана, граничащих с Российской Федерацией, большая доля русских (не говоря уже о русскоязычных казахах и других национальностях). Ввиду событий в Украине, президент Казахстана видимо старается воздержаться от шагов, которые могли бы осложнить национальные отношения в своей стране.

Я меньше знаю о дискуссиях по этому вопросу в Кыргызстане. Но знаю, что вопрос о переводе алфавита там тоже обсуждался. Разумеется, что перевод государственного языка на новый алфавит требует огромных средств в стране, где высокая грамотность. Несколько лет назад, может быть, казалось, что такие деньги можно было бы найти в Казахстане. Но такого нельзя сказать о Кыргызстане. Как я отметил выше, даже для узбекских школ Кыргызстана и Казахстана (и также Таджикистана) учебники до сих пор печатаются на кириллице.

В то же время, сейчас именно эти две страны обсуждают возможность изменения даже названия своих стран – не хочется им быть ассоциированными с суффиксом «стан».

Нынешнее официальное название бывшей Киргизской ССР – Кыргызская Республика. Получается, что официально уже страна не является каким-то «стан»-ом. В Казахстане ведется много дискуссий по вопросу названия страны. Я бы не придавал особого значения тому, останется ли «стан» в названии. Более важная дискуссия, мне кажется, это обсуждение вопроса о том, сформировалась ли казахстанская нация (қазақстан ұлты). Нурсултан Назарбаев предложил такую идею лет десять назад, но это вызвало недовольство и со стороны казахской интеллигенции, и со стороны представителей неказахов.

Часть вторая

Он Март 9, 2016

В заключительной части своего большого интервью профессор Уильям Фиерман анализирует, как язык может быть использован в качестве политического инструмента и какое символическое значение он имеет, какие обновления произошли в языках ЦА, а также почему национальные языки не могут выйти на национальный уровень в регионе.

По-Вашему, на каком языке разговаривают таджики – таджикском или персидском? Какие дискуссии по поводу названия языков происходят в странах Центральной Азии? Почему языки хотят переименовать? Объяснение в виде «название для этих языков выдумали большевики» – не единственная причина, наверное, ведь до прихода большевиков эти языки в таком виде как сейчас не существовали – алфавит был другим, словарный запас был другим, да и в фонетике, и в грамматике произошли изменения.

На самом деле я не знаю фарси или таджикского. Но тут ответ на Ваш вопрос связан с другим вопросом, а именно «Что это такое язык?» Мы употребляем слово «язык» так, как будто все знают то, что он собой представляет. Сегодня появилось очень много электронных гаджетов, для которых можно выбирать инструкции на разных языках, например: английский, русский, испанский, немецкий, французский и т. п. Иногда бывает один португальский, а иногда два разных – португальский европейский и португальский бразильский. Что это значит? Португальский – один язык или два? Разумеется, разновидностей португальского, на самом деле, намного больше. А португальский, скажем, Бразилии (если не обращать внимания на различия в языке разных регионов этой огромной страны) – это отдельный язык или только диалект? Проблема тут в том, что если судить только по лингвистическим признакам, то различия между диалектом и языком нет. Некоторые лингвисты говорят, что язык – это диалект с армией или с флагом. Это только шутка, но тут большая доля правды.

Теперь можно вернуться к Вашему вопросу о таджикском и фарси. Если вопрос в том, один это язык или два отдельных языка – то можно выбрать ответ, который Вам больше нравится.

Что касается переименования языка: за исключением дискуссий вокруг переименования так называемого молдавского языка в румынский, единственный такой пример, о котором я слышал после распада СССР – это таджикский. Конечно, многие турки считают, что все тюркоязычное население Центральной Азии говорит на türkçe. А что касается узбекского, то его, например, многие турки считают özbek türkçesi, туркменский türkmen türkçesi, и т.п.

Все-таки, казахский, кыргызский, узбекский, таджикский – это новые языки или старые, но с новыми названиями? Я прав, в том, что в этом списке не задаю вопрос про туркменский, считая, что в этой стране таких вопросов не возникает?

Вы мне задаете нелегкие вопросы. Мне кажется, что я лучше повторю, как я иллюстрировал в предыдущем ответе, что само понятие «язык» довольно скользкое.

Да, мы говорим об английском языке, русском языке, французском языке, китайском языке, арабском языке и т.п. Но за каждым из этих названий довольно сложная картина. Я приведу еще один пример с английским. Однажды я был на международной конференции в Индии. Туда также приехала одна кыргызская женщина с докладом на русском языке. Она думала, что, так как она ехала на международную конференцию, там будет переводчик с русского языка. Но никакого переводчика не было, и она очень слабо владела английским языком, на котором читали все остальные доклады. Перед своим докладом она подошла ко мне и попросила меня ее переводить. Что делать? Отказываться неудобно, но я далеко не профессиональный переводчик. Я согласился делать последовательный (т.е., не синхронный) перевод. Я понимал все, что она говорила, и думаю, что неплохо переводил с русского на мой родной английский язык. После доклада другие участники конференции начали задавать вопросы докладчице. Вопросы от местных ученых тоже были на английском. Но некоторых из задающих вопросы я понимал с большим трудом или вообще не понимал. Как так? Дело в том, что мой вариант английского сильно отличается от того (или от тех), на котором (или на которых), как правило, говорят в Индии. Но мы называем все эти варианты «английский язык».

Даже внутри Соединенных Штатов существуют довольно большие различия в произношении на разных диалектах. Человек, который всю жизнь прожил в Массачусетсе и вдруг оказался в Миссисипи, может далеко не все понимать в устной речи на новом месте. Или есть такой диалект, который называется Ebonics – это, как правило, диалект на котором говорят многие афроамериканцы. Когда говорят на Ebonics два носителя этой формы английского, я много чего не понимаю. (Я не специалист по вопросам Ebonics; может, это целая подгруппа форм английского? Единственное, что я могу сказать – бывают случаи, когда два афроамериканца говорят по-английски, и я их ни понимаю). Можно привести аналогичные примеры с отличающимися друг от друга формами других языков – т.е., это явление не связано только с английским языком.

Ограничусь еще только двумя другими примерами. Первый – это вопрос с румынским/молдавским языком (или опять, если хотите, языками), о чем я говорил чуть выше. На самом деле, так называемый «молдавский язык» – это выдумка советских политических деятелей при помощи советских лингвистов. На мой взгляд, этот язык лишь одна форма румынского, причем мало чем отличающаяся (или вообще ничем не отличающаяся) от стандартного румынского. Это румынский язык, написанный не латиницей, а кириллицей. В 1989-ом году по требованию демонстрантов в Молдавской ССР кириллица была отменена и введена латиница, т.е., алфавит, на котором пишут везде в Румынии. Со временем государственным языком независимой Молдовы был признан румынский язык. Единственное место, где настаивают на том, что существует независимый молдавский язык, и единственное место, где кириллица употребляется для этого языка – это так называемая Приднестровская Молдавская Республика. Как видите, вопрос о том, существует ли «молдавский язык», не лингвистический, а политический.

Пример из другого региона, это язык, единая форма которого сформировалась в XIX веке и который назывался сербохорватским. Даже в 1950-е годы в Югославии было заключено соглашение, в котором были признаны хорватский и сербские варианты сербохорватского языка. Не вдаваясь в подробности, скажу, что сегодня из того единого языка выделены не только отдельные сербский и хорватский языки,

но и боснийский и черногорский языки. Не сомневаюсь в том, что в этих языках произошли какие-то изменения за последние годы. Но, это не значит, что различий не было между соответствующими формами (или, если хотите, диалектами) до объявления «независимости» этих языков.

Теперь, наконец, возвращаюсь к Вашему вопросу насчет государственных языков независимых стран Центральной Азии. Не могу ответить одним словом на Ваш вопрос о том, новые ли они или старые. Они все «новые» в том смысле, что ни один из них не существовал как широко принятый стандартный язык предков тех групп населения, которые сегодня на них говорят и пишут. И даже сегодня, несмотря на то, что существуют стандартизированные казахский, кыргызский, таджикский, туркменский и узбекский языки, почти во всех из них еще существуют формы (диалекты), которые сильно отличаются друг от друга. Единственное исключение – казахский. Но, естественно, подавляющее большинство предков сегодняшних казахов, кыргызов, туркмен и узбеков употребляли какие-то разновидности речи тюркской группы алтайских языков для общения. Можем ли мы все эти разновидности до стандартизации называть казахский, кыргызский, туркменский и узбекский языки? Аналогичный вопрос касается предков сегодняшних таджиков и их языка (таджикский/фарси). Нет простого ответа на такой вопрос. Между прочим, стоит еще помнить, что до третьего и даже четвертого десятилетия прошлого столетия грамотность в Центральной Азии была очень низкой. И те, кто умел читать и писать в начале прошлого века, чаще всего писал на языке, который сильно отличался от местного устного языка.

«Если судить только по лингвистическим признакам, то различия между диалектом и языком нет. Некоторые лингвисты говорят, что язык – это диалект с армией или с флагом. Это только шутка, но тут большая доля правды»

Что думают таджики, узбеки, туркмены Афганистана о названии своих родных языков?

К сожалению, я очень плохо осведомлен об этих группах в Афганистане. Мне кажется, что они употребляют те же названия. Но, в любом случае, название может не иметь большого значения. Я знаю, например, что лексика языка афганских узбеков существенно отличается от лексики узбеков в Узбекистане. Разумеется, письменность таджикского, узбекского и туркменского языков в Афганистане употребляет арабско-персидскую вязь. И в других аспектах эти языки отличаются от тех, на котором большинство людей говорит в бывших республиках СССР.

Слово «компьютер» иранцы перевели как «роёна», и в Таджикистане некоторые также называют его роёна, хотя тех, кто поймет, что такое роёна, можно счесть по пальцам. То же слово на турецкий перевели как «билгисайар». Как обстоят дела в плане попыток добавления новых слов, не прибегая к помощи русского языка и избегая заимствований с русского?

Такие процессы происходят везде в Центральной Азии. Стоит отметить, что аналогичные процессы происходили и происходят во многих странах. Возьмите, например, Турцию. Во время Ататюрка провели очень серьезные реформы в языке, в том числе по замене лексики. С одной стороны язык – это способ или канал для общения. Но, как я отметил выше, язык иногда также выполняет очень важную символическую функцию. А эти попытки избегать русских терминов, которые, между

прочим, иногда очень похожи или даже совпадают с терминами в английском и других европейских языках, мотивированы, прежде всего, символическими соображениями. Тут, между прочим, будет нелишне вспомнить, что советские лингвисты в Центральной Азии из-за политических соображений, связанных с символами, занимались аналогичными вещами.

Некоторые специалисты считают, что вообще не надо выдумывать новые слова, особенно, когда уже существует слова, которое очень похоже на другие слова или даже идентичны со словами в английском и других языках Европы, в том числе и в русском. Они спрашивают, например, «Зачем кыргызам выдумывать или создавать свое собственное слово для понятия, которое все уже выражают интернациональным словом?» Опять возвращаемся к вопросу о том, как важны бывают символы. Между прочим, в Исландии очень серьезно относятся к символическому значению языка и они тоже выдумывают свои термины. А всего носителей этого языка на свете около 300,000 человек. Нужно ли такое сотворение слов? Однозначного ответа нет. Символический аспект языка очень важен.

Конечно, реформа языка – дорогое удовольствие. Исландия – богатая европейская страна. Ситуация в Центральной Азии, за частичным исключением Казахстана, совсем другая. Многие считают, что сейчас стоят куда более важные и срочные проблемы, чем выдумывание и внедрение новых слов. Мне, американцу, не судить, насколько важно для населения определенных стран проявлять свою идентичность (не говоря уже, какую идентичность) в своем языке. Тем не менее, отмечу, что в случае терминов, очень важна стандартизация. Подумайте о подготовке врачей в регионе. В советское время будущие врачи Центральной Азии, как правило, учились на русском языке, особенно после первого курса института. Сегодня стараются готовить на государственных языках. Так, насколько Вам важно, чтобы врач, анестезиолог и медсестра употребляли одинаковые термины и точно понимали друг друга, когда Вы на операционном столе?

ЕСЛИ ТЫ ИЗ КАЗАХСКОЙ СЕМЬИ, НО ГОВОРИШЬ ТОЛЬКО НА РУССКОМ, ТЫ КАЗАХ ИЛИ РУССКИЙ?

Иногда в Центральной Азии люди, дискутируя о национальных языках, дискутируют на русском, утверждая, что их национальные языки обновлены до такой степени, что они их уже не понимают. Если они понимали свои языки в советское время, то почему не могут понять их сейчас?

Я не знаю, о каких дискуссиях идет речь. Никому не секрет, что в Средней Азии и Казахстане во время Хрущева и Брежнева очень большая часть самых образованных слоев населения училась в школах с обучением на русском языке. Если возьмем, скажем, ученика в 70-ые годы по имени Азамат из Петропавловска (на севере Казахстана), то он мог учиться только на русском языке. Возможно, что он говорил по-казахски с бабушкой из аула, но очень маловероятно, что уже обучаясь в университете, он мог бы с кем-то обсуждать что-то вне круга домашней сферы на казахском языке. Многие такие «Азаматы» почти вообще не знали казахского языка. Конечно, не приходится даже говорить об уровне знания казахского языка в Петропавловске у Саши, Маши, и Вани, которые составляли подавляющее большинство соседей нашего Азамата.

Но, если возьмем, скажем, Сердара из среднего города Туркменистана позднего советского периода, который ходил в школу с обучением на русском языке, то он, скорее всего, все-таки многое понимал и мог говорить о разных вещах на туркменском;

и нет никакого сомнения в том, что его друг, который ходил в школу с обучением на туркменском языке, чаще всего говорил на туркменском языке. Даже в Казахской ССР в середине 80-ых лет прошлого века около двух третей казахских учеников учились на казахском языке. Да, среди городских казахских школьников был очень низкий уровень знания казахского. Но большинство казахов жило в сельской местности.

А что касается непонимания языков из-за «обновления» – да, такое бывает и именно из-за «обновления». Со временем некоторые из этих слов войдут в язык до такой степени, что все будут знать и понимать; возможно, что некоторые слова будут использованы в узкой сфере, но наверняка некоторые исчезнут. Некоторые, возможно, останутся как синонимы с особым оттенком.

Язык, ведь, не стоит на месте. Да и нынешний английский, возможно, отличается от английского, который использовали 25 лет назад. Значит, для того, чтобы понимать язык, нужно постоянно читать и писать на нем. Если все время читаешь на русском, разговариваешь на русском, пишешь на русском, можно ли потом сказать что «язык поменяли настолько, что уже больше не понимаю»? Если я не понимаю суахили, то проблема во мне, а не в суахили.

Да, языки все время меняются. Но это обычно не происходит так быстро, чтобы в течение жизни человек мог перестать понимать язык из-за изменений в корпусе. Да, есть какие-то слова на английском, которые использует молодежь в США и которые я могу не понимать. Или, например, если я начну использовать слова, которые имеют отношение к компьютеру, в разговоре с человеком даже моего поколения, который мало использовал компьютер, то он меня не поймет. И можно сказать, что это, потому что язык изменился. Слова, которые я бы использовал в таком разговоре – новые, и из-за этого мой собеседник меня бы не понимал. Но здесь проблема в том, что самих понятий, касающихся компьютера, раньше не было. Это, мне кажется, такой случай, как с некоторыми экономическими терминами в русском языке, которых или вообще не было или которые очень мало использовались сорок лет назад.

Что Вы думаете по поводу родного языка: казах или кыргыз, который дома, на работе, на улице, в магазине, в Фейсбуке и в Одноклассниках разговаривает на русском, можно ли сказать, что его родной язык – русский? Насколько национальная идентичность зависит от национального языка, менталитета и культуры того народа, от которого ты вышел?

Родной язык в моем понимании обычно относится к первому языку, на котором человек начал говорить еще в детстве. Как правило, это у данного человека доминантный язык, но не всегда. Скажем, например, ребенок в ранние годы воспитывался бабушкой и дедушкой на одном языке. А потом ушел этот ребенок к родителям, которые с сыном или дочерью общались только на другом языке. И предположим, что бабушка и дедушка скончались, и больше никто с этим мальчиком или с этой девочкой не говорил на первом языке. Не исключено, что он или она забудет этот язык. В таком случае, может появиться человек, который «забыл родной язык» и можно со временем сказать, что взрослый человек «не знает своего родного языка». Мне довольно часто приходится в Казахстане встречаться с казахами, которые казахского не знают или знают очень плохо. Такие люди иногда говорят мне: «я не знаю свой родной язык». Как правило, в моем понимании, это не так. Обычно, такие

казахи воспитывались в русскоязычной среде и у них родной язык русский. Хорошо ли это или плохо – уже совсем другой вопрос. То, что человек общается на русском на работе, в магазине, в Фейсбуке и даже дома, не значит, что он стал русским или русский стал его родным языком.

Естественно, национальная идентичность всегда связана с менталитетом и культурой, и обычно и с языком. В свою очередь, язык тоже связан с менталитетом и культурой. Но язык не всегда играет очень важную роль. Возьмите, например, Швейцарию, где существует три государственных языка. Или возьмите Ирландию. Там только маленькая часть населения страны говорит на ирландском (Gaelic) языке. Иногда говорят в шутку, что ирландцы очень любят свой язык ... мертвым. Ирландский язык – все равно важный символ, но это не значит, что все ирландцы на нем говорят или даже хотят на нем говорить. И я бы сказал, что для подавляющего большинства этой страны родным языком является английский язык. Говоря об Ирландии, я хотел бы отметить, что ирландцы, как правило, говорят на «своем английском» языке, т.е., со своими особенностями. В этом плане, можно считать, наверное, что даже в случае Ирландии, этот язык, то есть, та особая форма английского, или если хотите, этот диалект английского, тоже тесно связан с идентичностью.

А что касается Таджикистана, мне кажется, что даже среди таджиков разных регионов страны язык тоже тесно связан с идентичностью. Мы употребляем один термин для таджикского языка разных регионов, несмотря на то, что, скажем, таджикский язык Ходжанда существенно отличается от таджикского языка Хатлонской области. И среди таджиков, мне кажется, такие различия тоже связаны с (региональной) идентичностью. Поэтому нельзя забывать о том, что даже внутри одного этноса или страны такие различия часто являются элементами идентичности.

«В советское время будущие врачи Центральной Азии, как правило, учились на русском языке, особенно после первого курса института. Сегодня стараются готовить на государственных языках. Так, насколько Вам важно, чтобы врач, анестезиолог и медсестра употребляли одинаковые термины и точно понимали друг друга, когда Вы на операционном столе?»

НЕ ПРОИГРЫШ, НО И НЕ ВЫИГРЫШ?

Как бы там не было, мне кажется, национальный язык ни в одной из центральноазиатских республик за все эти 25 лет независимости так и не смог стать языком государственности, бизнеса, журналистики, или даже частью повседневной жизни в больших городах. А ведь дело не только в нехватке политической воли, а в том, что власти в этих странах отошли от попыток построения национального самосознания и больше озабочены другими проблемами.

Я согласен с Вами, что везде в странах бывшей советской Средней Азии и в Казахстане русский язык продолжает выполнять какие-то функции, которые, скажем, выполняют государственные языки во всех странах Южного Кавказа или Прибалтики. Но, мне кажется, что это естественно. Ведь в Центральной Азии жили и работали многие, даже среди титульных этносов, кто во время распада СССР плохо или даже почти совсем не владели государственными языками. И такая ситуация встречалась особенно в городах. Более того, очень многие из самых образованных людей, даже из титульного этноса относились к такой категории. И они работали на ключевых должностях в Коммунистической партии и в администрации, и на других пре-

стижных должностях. Среди городского населения славянских этносов, многие из которых тоже были в руководстве, только небольшой процент знал местные языки. Более того, для многих понятий в тюркских языках Центральной Азии и в таджикском не существовало стандартных терминов, которые нужны были бы для работы на заводе, в администрации, в научных учреждениях и т.п. И даже если такие слова существовали, из-за того, что в этих местах преобладал русский язык, мне кажется, что даже многие из тех, кто работал там, не знали эти слова. Сравните в этом отношении «стартовую позицию» Эстонии или Грузии с Узбекистаном, не говоря уже о Казахстане. Мне кажется, что 25 лет – это не такой большой срок для внедрения государственных языков в Центральной Азии. Я уверен, что через еще 25 лет ситуация сильно изменится. Хорошо знающих русский язык станет меньше, и доля высокообразованного населения, владеющего государственными языками, будет выше.

Разве такой высший статус русского языка не ущемляет права тех, кто хорошо говорит на национальном языке, является хорошим специалистом в своей сфере, владеет английским, но не говорит на русском в силу того, что в молодости не жил в русскоязычной среде? Я знаю азербайджанца, который учился в аспирантуре в университете Индианы, и ему было легче говорить на английском со мной, чем на русском. У меня есть друзья, которые владеют несколькими языками, но не русским, и которые магистратуру окончили на английском, но им трудно найти работу в своей стране именно из-за того, что везде у них требуют знание русского языка.

Я бы ставил вопрос немного по-другому. Начнем с того, что человек, который не владеет каким-то языком, будет испытывать трудности, если ему надо будет работать в среде, где этот язык преобладает. Это касается всех. Теперь, возьмем русскоязычного человека в Центральной Азии во время распада СССР, который не владеет государственным языком. Вдруг, скажем, в учреждении, где он работает, начинают использовать государственный язык. Это без сомнения будет осложнять ему жизнь. Но, я бы не назвал это ущемлением его прав. Таким же образом я бы не называл ущемлением прав тот случай, когда человек без русского языка не смог устроиться на работу в каком-то учреждении из-за того, что там нужен человек со знанием русского языка. Тем не менее, мне кажется, что требование знания какого-то языка нередко употребляется как оружие в целях дискриминации, и таким образом является ущемлением. То есть, бывают случаи, когда незнание языка служит поводом для ущемления. Но мне кажется, что это другая ситуация чем та, когда человек без знания русского не может устроиться на работу в сфере, где все-таки продолжается употребление русского языка.

«25 лет – это не такой большой срок для внедрения государственных языков в Центральной Азии. Я уверен, что через еще 25 лет ситуация сильно изменится. Хорошо знающих русский язык станет меньше, и доля высокообразованного населения, владеющего государственными языками, будет выше»

Кажется, в последнее время и Соединенные Штаты вместо предыдущих стратегий по индивидуальному подходу к каждой из стран, продвигают новую региональную политику, основным языком которой является русский язык. Означает ли это, что в Вашингтоне делают ставку в ЦА на тех, у кого первым языком является русский язык?

Я не замечаю такой траектории в политике Соединенных Штатов. Другое дело, что, мне кажется, США стали меньше уделять внимания этому региону. Это частично связано с уменьшающейся ролью США в Афганистане и растущим вниманием к некоторым странам в других регионах света, как, например, Ираку, Сирии, Китаю. Хорошо ли это или нет, и какие будут последствия – это уже другие вопросы. И надо иметь в виду, что США все-таки находятся очень далеко от стран Центральной Азии, а Россия и Китай – соседи, и экономическая роль и влияние Китая за последние годы бурно возросли.

А что конкретно касается отношения Госдепа к языкам Центральной Азии, то мне кажется, что за последнее время есть признаки более уважительного отношения к ним. Например, когда новый посол США в Казахстан, Джордж Крол, приехал в Астану в 2015-м году, он встретился с журналистами и с Президентом Назарбаевым и обратился к ним частично на казахском языке, пообещав овладеть казахским языком. Я приветствую такие инициативы и надеюсь, что они повторятся в других странах региона, но я не знаю, как относятся к этому в других посольствах Центральной Азии. Пару месяцев после приезда Крола я сам был в Казахстане и увидел, что выступление Крола на казахском языке было сенсацией.

Недавно на саммите ООН Нурсултан Назарбаев впервые выступил на казахском языке. Акцентировали ли в Казахстане на этом внимание, и что означает этот жест?

Да, конечно не случайно, что Назарбаев решил выступить на казахском. Он прекрасно знает, что многие иностранные дипломаты (и не только дипломаты) поняли бы его, если бы он выступил на русском, а на казахском за исключением казахов (и даже не всех казахов), некоторых кыргызов, и только частично носителей других тюркских языков почти никто его не понимал. Целью его выступления на казахском языке было подчеркнуть независимость Казахстана, в частности, независимость от России. Надо иметь в виду, что, несмотря на то, что влияние России очень сильно чувствуется в Казахстане, Назарбаев старается проводить многовекторную международную политику, и он об этом часто говорит. Более того, хотя в Казахстане русский язык пока доминирует в общении на работе в городской среде среди взрослого населения (и особенно взрослого населения с высшим образованием), выступления на официальных мероприятиях очень часто начинают на казахском языке. Некоторые (и, бывает, даже многие) их не понимают, ведь все знают русский язык. Но казахский язык – все-таки символ казахской государственности.

Я читал о том, что Вы в парламенте Казахстана выступали на казахском языке. О чем Вы говорили и как это прокомментировали местные СМИ?

Да, такое было. Это была конференция, организованная Мажилисом Республики Казахстан, но не обычная сессия Мажилиса. Если честно, я уже не помню, что я там говорил и что обо мне писали. И на самом деле содержание моего выступления не так важно. Для публики в Казахстане сам факт выступления на казахском языке какого-то американского профессора важен как символ. И когда я выступаю в Казахстане на казахском, всегда важен сам факт, что человек издалека приехал и выступил на государственном языке. Любят меня ставить в пример, и, тем самым, как будто, говорить своим согражданам, особенно этническим казахам, «Вот тебе человек из

далекой Америки приехал и выступил на казахском. Это говорит о том, что можно этим языком овладеть. А тебе, человеку, который живет здесь, что тебе мешает научиться общаться на этом языке?» И подразумевается, хотя обычно при мне об этом напрямую не говорят, «А тебе, казах, как тебе не стыдно за то, что не знаешь свой родной язык?!». У меня это вызывает неудобное ощущение. Как я объяснил, я не считаю, что этнос всегда совпадает с родным языком.

Где в США сейчас преподают центральноазиатские языки?

К сожалению, в Америке еще мало занимаются языками Центральной Азии. Больше преподаются эти языки на летних интенсивных курсах, но в некоторых университетах по некоторым языкам ведутся занятия и в течение учебного года. Боюсь, что не смогу назвать какие языки и где эти языки преподаются. В Индианском университете раньше преподавали летом два уровня разных языков – и туркменского, таджикского, узбекского, казахского и уйгурского, плюс даже азербайджанского и пашту. Но из этих летних курсов почти ничего не осталось. В течение учебного года в Индиане все-таки ведутся занятия на трех уровнях для узбекского, казахского и уйгурского. Мне кажется, что бывают курсы некоторых из языков региона (или летом или в течение учебного года) в Висконсине, Вашингтоне и в Аризоне. Во многих университетах, в том числе Индиане, преподается фарси, но я не знаю, где преподается таджикский.

Спасибо Вам огромное за интереснейшее интервью, господин профессор!

И вам спасибо, успехов вашей платформе.

TRIPLE LAWS AND QUASI-STATES IN THE CAUCASUS

This paper was initially delivered at the international conference «Perception of the state and legal practices in the Caucasus», held in November 2011, at Shota Rustaveli University, Batumi, Georgia. Apart from Georgian and Russian scholars, among its participants and organizers there were a number of young colleagues from Western European countries who demonstrated a perfect command of several local languages (though not necessarily of Russian) and high ability of penetrating field observation. However, their knowledge about more remote historical prerequisites to the modern situation was sometimes insufficient. My short paper was partly aimed at closing this gap. And since the situation basically remains the same, I think it may be useful to utilize the option to publish in English provided by «Vestnik antropologii» and make this text available to a larger audience.

Keywords: *Adats, Canon, by the rules of life, gangs, Royal power*

Historically speaking, The Big Caucasian world has seen such periods, as antiquity, the rise of more or less centralized feudal states (between AD 300 and 1250), a feudal dismemberment after the Mongol invasion, and the Russian conquest since early 1700-s. All this time, about two millennia, Caucasus was an area of constant clashes between three larger worlds – those of Northern Eurasian plains (later known as Russia), of Asia Minor (Turkey since 1453), and of Iran (or Persia). It is against this background that the relations between the state and its citizens (or subjects) should be considered.

Today the Caucasus area consists of three allegedly independent and internationally recognized states (Armenia, Azerbaijan and Georgia), three unrecognized and utterly dependent on their patrons quasi-states (Abkhazia, S. Ossetia and Mountain Karabagh), seven members of the Russian federation (from West to East, Adygheya, Karachai-Circassia, Kabardin-Balkaria, N. Ossetia – Alania, Ingushetia, Chechenia, and Dagestan), whose practical dependency from Russia and conformity with the all-Russian legal system, in spite of ardently verbalized loyalty, practically diminishes more or less in the same order, plus Krasnodar and Stavropol territories, that can be considered as ethnic, social and economic parts of Russian realm proper.

The golden Age of the All-Caucasian Statehood, at the turn of 12th to 13th century, coincided with the reign of the famous Queen *Tamar* and her son *Lasha-Giorgi*, when the Georgian Kingdom was incorporating into a complex empire nearly all Caucasus territories in a multiplex system of vassal, allied and protected states, where the more or less decent rule of law, relative peace and economic prosperity was basically available throughout its territory to all its subjects, irrespective of their ethnicity and creed. Nevertheless, this period was too short to generate anything like parliamentary system or any likeness of

Арутюнов Сергей Александрович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: gusaba@iea.ras.ru.

Magna Charta, in spite of some embryonic trends for both. The royal power was obviously respected by many, if not all, of the subjects, but the feeling of belonging to the state was as yet nearly absent. The Georgian highlanders admired and adored the queen and the king, and respected them as semi-gods, but did not feel themselves their subjects and certainly in their social life followed not any royal orders but only their own customary laws of *adat*. In the plains the state laws were more rigidly enforced, but mainly in the sphere of taxation, though in the ordinary life religious norms and *adats* definitely prevailed, while rules and orders set by local feudal lords had to be obeyed willy-nilly, though probably grudgingly.

The period of feudal dismemberment could add nothing to the birth of feeling of belonging to a state. All these petty kingdoms, principdoms, khanates, arch-bishoprics, and other feudal holdings, could not pretend to any role of political actors and could only try to balance between mighty conquerors and patrons, such as Turkey, Persia and Russia. Their borders were unstable, their ability to maintain any social order oscillated between weak and nil, and their population could rely only on the forces of one's own communes or *jamaats* to safeguard their existence.

The situation changed only with the advent of the Russian tsarist rule, that arrived to various parts of Caucasus after a long period of wars, from 1760-s till 1880-s. The Russian rule meant a relatively stable rule of law and a relative freedom of economic activity. Still, a good deal of Muslims, especially from Circassia, preferred to emigrate, and the rest by no means could consider the White Tsar as their legal sovereign. Sharia and *adat* laws continued to be valued much more, than the canon of the government. True, a number of aristocratic Circassians and other Caucasian highlanders faithfully served as officers in the army of the Tsar, but this was rather a cause of personal honor, the loyalty of honest Knights-mercenaries, same as today Circassians in Syria and Jordan are loyal to their rulers, while Israeli Circassians are loyal to the Eretz Israel.

As concerns the Christian population, as we can learn from written memories and novels by XIX century authors, only the highly Russified top Georgian aristocracy did consider the Russian Empire as «their» genuine state. The peasant masses felt completely alienated from the «big men» (*didkatsebi*) of power while the Georgian Orthodox church had been deprived of its autocephaly. For Armenians, a lot depended on the personality of the Vice-Roy (*namestnik*), that could vary from an overt Armenophobia of the Prince Gr. Golitzyn to a strongly Armenophilic position of the Count I.I. Vorontzov-Dashkov. The memory of the latter is gratefully cherished by many Armenians even today, while the discrimination of the Armenian Apostolic church by Golitzyn is still remembered with anger. Still it must be mentioned, that the Armenians are the least “Caucasian” among all peoples of Caucasus, possessing no aristocratic estates, preserving very little remains of *adat*, they are most advanced in the bourgeois direction, and thus comparatively more interested in the rule of law, economic liberties and governmental protection.

The ideology of the state and the state-citizen relations among Armenians was elaborated by Shahamir Shahamirian and his Madras circle in diaspora already in 1770-s, and obviously was strongly influenced by the British political system. It remained nothing but a project, but on the general the Armenian society in XIX–XX centuries and today continued to demonstrate a readiness to obey state laws. It only wanted and wants the laws and the government to be more efficient and just than they actually are. The role of *adats* and religious norms demonstrates a tendency to a further diminishing.

This diminishing can be observed throughout the Caucasus, albeit in varying degrees. But what is substituted instead of them is not a loyalty to the state, not a confidence in the official law, but some other things, new in apparition and archaic in the essence. These are the pseudo-sharia law imposed by Salafites (Wahhabites) upon their followers and entire rural communities (jamaats), and the “street law” and «life according concepts» (*zhizn po poniatiam*), more or less characteristic also for the low strata of urban life throughout the Russian Federation. A proliferation of bourgeois-capitalist relations does not automatically create citizens from bandits; contrariwise, it acts quite often vice versa. When the legal system is weak and courts are corrupt, the business is more and more oriented towards grey and even entirely black economy, where rather «poniatia» than the law are the things that matter. The old sharia law and traditional adats are being replaced by a quasi-sharia and pseudo-adats, and former sheikhs and elders are pushed into limbo by criminal and semi-criminal «avtoritets». Sheikhs and elders may also remain functioning as social actors that be, but they are inevitably becoming more and more linked to these new «avtoritets», otherwise they just perish, if not physically, then at least figuratively.

These processes are unevenly distributed in the social and geographic space. Their intensity is increasing along the northwest-southeast axis. The influence of both traditional Tarikatist and Salafite Islam increases basically along the same axis, too, together with the aridity of climate and the degree of rural overpopulation and hidden unemployment, while the fertility of soils and the share of Slavic component and the level of general modernization in the total population is decreasing.

This does not mean that the level of crime and corruption throughout the Krasnodar territory is particularly low. As the case of Kushchevskaya settlement (where a band of Mafiosi murdered a whole family with several children) has demonstrated, it is still quite high. However, what was to turn into a big public scandal in Krasnodar, is perceived more or less matter-of-factly in Dagestan and Chechnia. Moreover, as to what concerns Azerbaijan, we simply do not possess enough information about what is really happening there.

To sum up, the attitude of citizens towards the state in all countries of Caucasus is, to say the least, ambiguous. People don't trust in the state and don't identify themselves with the state. Nation is one thing, the state quite another. A person perceives oneself not as a citizen, nor as a subject but only as a member of a society, on which the power of the state is artificially superimposed. The official law is obeyed as much as it is forcibly enforced, the adat is obeyed because a disobedience may result not so much in a sanction as in a shame, and for the Caucasian psyche, and the shame is to be avoided much more anxiously than any sanction. The attitude towards the state authorities is most explicitly formulated by many Chechenians – «it's better to stay as far from them as possible».

As it has been brilliantly demonstrated by Barasbi Bgazhnokov, the people of Caucasus, especially Kabardins and other Circassians, but also Chechenians and other highlanders, do not value the concept of private or personal property too much. Yes, it may be rather immoral to steal from one's own kin, or from members of the same clan or tribe, or from close neighbors, but if the owner of the stolen goods, be it cattle, money, or any valuable items, is a totally alien person, or is of a different ethnicity, and certainly when the owner is the state or a depersonalized corporation, stealing is considered not so much as a sin, but rather as a virtue, a macho act to be rather admired than disapproved.

A certain person or a family may be engaged in stealing, robbery, banditry, enslaving, kidnapping of people for ransom, and so on. The neighbors and relatives may silently

disapprove such actions, as being un-Islamic (i.e. against the sharia norms, unless they are committed under a fetva), and perhaps from a fear, that the sanctions of high authorities may fall upon not only the immediate guilty person but upon the whole community or village. However publicly they will always pretend that they know nothing, have seen nothing and heard nothing. Any public discussion of anybody's crime or misdemeanor, let alone any reporting about it to the police or other state authorities, is considered a gravest misdemeanor in itself. The famous Adyghean poem «Azepsh Goudaberd» tells about a knight who accidentally became a witness of a murder committed against the prince whose vassal he had been. Concealing this knowledge would be a treachery against the family of the prince, disclosing it would be like the reporting about other people's felony. Both lines of behavior would be immoral according to the national and aristocratic codes of honor, the so-called «Adyghe habze» and «Work habze». As a solution of this dilemma the knight preferred to go to a voluntary exile and stayed away from his family and household for many years.

Reporting about other people's felonies and misdemeanors today is considered as immoral by many ethnic Russians too (it is contemptuously labeled as «stukachestvo») but this is a new phenomenon due mainly to the experience of Stalinist purges, while the public morale was quite different in the Tsarist Russia, where the slogan «gosudarevo slovo i delo» had become proverbial. However, in the Caucasus this «stukachestvo» had been considered as a most shameful action since the times immemorial. This makes the work of the police, investigators of crimes and security agents here especially difficult.

For many centuries, if not millennia, the sinusoid of the social situation and respect to the law continued to oscillate on a certain cyclic pattern, similar to the rise and fall of «asabiya» described by Ibn-Khaldun. It was reflecting the differences of mentality between the lowland/urbanized and the highland/rural segments of the general populations. In the periods (usually quite short) of a relative peace and prosperity the lowland/urban population was growing, and beginning to interiorize the modes of behavior more or less typical for the Western societies developing along the bourgeois vector. However, periodically a foreign invasion, or an internecine war, or any other crisis or disaster would destroy and ruin the cities, decimate their populations, and force them into an exile or emigration. Consequently, the surplus of the highland/rural population would start to settle in the devastated ruins of the cities, bringing with them their archaic and uncivilized mentality. Under different conditions, the same is happening throughout all Caucasian urbanized societies today, too. As the modern Chechenian proverb goes: «It happens that a rural Chechenian leaves his aul (a highland village) to settle in a city. But the aul will never leave the rural Chechenian's heart». And this is true not only for Chechenians. In fact, it is happening throughout the Caucasus. In the modern conditions, the ancient highland vs lowland paradigm continues to repeat itself. Thousands and thousands of the most advanced and cultivated native Georgians, Armenians, Daghestanians, Chechenians, etc., let alone the diasporal and cosmopolitan minded sections of populations like Russians, Jews, Greeks and others, have left their places of origin and continue to leave for the Central Russia or the West, with hopes to find a place under the sun that would better correspond to their ideas of a state with a rule of law and a true market economy. In addition, the vacated niche is filled with yesterday's highlanders, peasants and their descendants. Probably, in some rather distant future, the lowlanders' mentality will overcome the highlanders' mentality, as it happened, e.g., in the 18-th century Scotland. But it may require a lifetime of more than one generation to be definitely accomplished.

С.А. Арутюнов. Тройственность законов и квазигосударственность на Кавказе.

Статья кратко излагает обстоятельства, приведшие к тому, что страны Кавказа, обладавшие в древности и средневековье достаточно высоко развитой для своего времени государственностью, оказались к моменту включения в состав Российской империи в состоянии полной зависимости от деспотических соседей, крайней феодальной раздробленности и фактической аномии.

Ключевые слова: адат, канон, жизнь по понятиям, банды, царская власть.

© Р.Ш. Зельницкая (Шларба)

ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются изменения, произошедшие в системе ценностных ориентаций современной абхазской молодежи. Рассматривается вопрос предпочтения жизни в городе жизни в селе, отношение к высшему образованию, службе в армии, экономическая и брачная стратегия, специфика гендерных различий в экономическом поведении представителей абхазской молодежи.

Ключевые слова: Абхазия, молодежь, образование, город.

На протяжении десятилетий, ценности современной абхазской молодежи значительно изменились. Одной из главных целей большей ее части является получение возможности любым способом жить в городе (для Очамчирской Абхазии это Сухум, реже, Очамчира, а для Гудаутской это Гудаута, а лучше – Гагра), что определяет целый ряд изменений в ценностных ориентациях современной абхазской молодежи.

В данном сообщении я попытаюсь проследить, как происходит смена жизненных приоритетов абхазской молодежи на современном этапе истории абхазского социума. Материал для этой статьи собирался в течение двух лет в городе Сухум и в селах Джгерда, Кутол и Кындыг Очамчирского района, с 2014 года и основными информантами послужили сами представители абхазской молодежи, в большинстве своем, в возрасте от 20 до 25 лет. Основным методом сбора материала стали интервью, позволяющие получить информацию в процессе непринужденной беседы, что, как надеется автор, дает информацию, максимально свободную от устойчивых клише.

Как уже было сказано, важнейшим изменением стало предпочтение городского образа жизни деревенскому, чему способствует несколько факторов, выявляемых на основании сообщений информантов и многолетних наблюдений автора. Одной из важнейших причин предпочтения именно городской жизни является стремление продолжить учебу после окончания школы, что, в свою очередь говорит о растущей важности для значительной части абхазской молодежи видеть себя хорошо образованными или, хотя бы, обладающими дипломом о высшем образовании. Выпускники школ стремятся поступить в АГУ (Абхазский Государственный Университет), СОИ (Сухумский открытый институт) или колледжи. Поступление в эти учебные заведения происходит не только на основании того, как школьник учился в школе, но также может зависеть и от того, есть ли возможность у родителей нанять репетиторов, которые его подготовят к поступлению. Если же у родителей не хватило средств или знакомых для того, чтобы устроить ребенка в вуз, то в таких случаях дети поступают в местные колледжи. Престижнее, конечно, поступить в медицинский колледж, а если нет, то в культпросвет училище, но здесь нужен талант, так как в этом училище

обучаются будущие хореографы и музыканты. Также есть музыкальное училище. Сюда тем более не попадешь, если нет соответствующего школьного музыкального образования. Остается индустриальный или, хотя бы, экологический колледж.

При выборе учебного заведения, на будущего студента воздействует не только мнение родителей, а также мнение друзей и знакомых, также являющихся носителями новой системы приоритетов. Есть, конечно, молодые люди, чаще всего, мужского пола, которые никуда не поступают, это те, у кого нет никакого желания учиться. Но тут встает вопрос, что он будет делать дальше, поскольку предпочтительность именно городского образа жизни для них тоже остается. В первую очередь, если они никуда не поступили, им придется отслужить в армии, куда им особо не хочется. То есть срочная служба в армии не рассматривается как что-то престижное и, определенно, не входит в комплекс «настоящего мужчины». Это особенно интересно на фоне мнения уже отслуживших, которые, наоборот, считают, что «каждый мужчина должен отслужить».

Важной причиной, по которой молодые люди поступают именно в АГУ, является как раз, возможность избежать служба в армии, потому что это дает только учеба в АГУ. Остальные же учебные заведения не дают возможности отсрочки от срочной службы. Кроме того, для избегания срочной службы нужно любым способом поступить на дневное отделение.

Самыми популярными и престижными факультетами среди молодежи и их родителей являются факультет международных отношений и юридический. Вторую строчку в рейтинге составляют факультет иностранных языков, английское отделение. Потом – экономический факультет.

Кроме того, что эти факультеты являются престижными, они дают возможность получить «теплое место» рядом с отцом или каким-нибудь другим родственником. Информанты утверждают, что в Абхазии так называемые «теплые места» передаются по наследству. Кроме того, на хорошую работу можно устроиться только по знакомству. Любой специалист извне чаще не может рассчитывать на престижную и хорошо оплачиваемую работу.

Помимо местных учебных заведений, у абхазской молодежи есть еще один способ уехать из того места где они родились и выросли. Это поступление в зарубежные, чаще российские, реже турецкие, ВУЗы. Но здесь перед родителями встает проблема, которую невозможно решить только умственными способностями их ребенка. По словам информантов, в Российские ВУЗы абитуриенты могут поступить по целевому заказу, если у тебя есть родственники в правительстве или лишних несколько сот тысяч, твой ребенок получит именную лимит, а если этих денег нет, то на экзамене абитуриент, чьи родители не обладают такими возможностями, обязательно получит двойку (ПМА: Аргун). Так как у большинства нет таких возможностей, остается реализовать свою мечту в местных учебных заведениях

На вопрос: «почему ученик поступает в университет, если он знает, что, скорее всего, не получит хорошую работу?», отвечают: «чтобы был диплом, а если вдруг повезет, в перспективе, может он получит место работы». Довольно часто, поступив туда, куда посоветовали родители, студенты учатся плохо, прогуливают занятия, и родителям приходится все 5 лет оплачивать не сданные их детьми сессии.

Чтобы не возвращаться обратно в деревню, многие, доучиваясь на последних курсах, начинают искать место работы или возможного супруга из городских. По-

иск супруга или места работы являются следующими факторами, которые позволят не возвращаться в родную деревню. Бывают и такие случаи, когда студенты на последних курсах находят работу в Сухумском районе. Так как многие все еще поступают по целевому заказу, им, в любом случае, приходится возвращаться. Если же будущий специалист, к моменту окончания университета, уже работает, то он может получить справку о том, что он нужен той школе, где он работает, и что директор ходатайствует о нем.

Также произошли определенные изменения в вопросе брачной стратегии. При выборе супруга учитываются характеристики, чаще всего связанные с материальным достатком, причем не самого парня, а его родителей. Итак, какие критерии учитываются при выборе жениха? 1 – красивый, 2 – чтобы всегда не дурно был одет, 3 – богатый, 4 – чтобы была машина не хуже семерки, и чтобы она хорошо ездил. И последний, 5 пункт, это фамильное происхождение. Конечной целью любой девушки является удачное замужество, а для ребят – удачная женитьба. Удачная женитьба для абхазского парня, во многих случаях, это жениться на девочке, у которой родители очень хорошо себя чувствуют. Это, конечно, по абхазским меркам ненормально, но сейчас всякое бывает. «Тут идет в ход вся боевая комплекция. Кроме внешнего вида многие прибегают к приворотным зельям или различным видам приворотов. Есть лекарства, которые, подсыпают в еду, приворотным составом наполняют патрон и стреляют из ружья. Считается что это самое мощное приворотное средство, против которого нет «антидота». Могу привести пример: когда я служил, с нами контрактником служил лейтенант. Я не знаю, кто из них хорошо постарался, но он женился на девушке из Афона. На что она рассчитывала, может быть на его карьеру военного? Но факт остается фактом. Ее отец будущему зятю купил машину» (ПМА: Шларба 1).

В большей степени для девушек важным является то, как она выглядит, то есть во что она одета. Особенно тогда, когда она едет в деревню. Девушки в данном случае одеваются в самое лучшее, что у них есть, она же должна показать, какая она «крутая». Ей не важно, что в данном случае про нее говорят, какое мнение в обществе о ее семье. Самое главное показать, с какой роскошью она одета. Следует заметить, что некоторые девушки, когда едут из города в деревню, одеваются более скромно. Например, юбку подлиннее, менее смелый вырез и брюки посвободнее. Ведь многие родители могут поругать. Они не могут подумать о том, что Абхазия маленькая и родителям могут рассказать в чем ходят их дочери в городе. Интересно, что даже те девушки, которые носят траур по усопшим родственникам, стараются одеваться эффектно и элегантно. Она может одевать черную одежду в качестве траура, носить косынку, но обязательно вещи должны подчеркивать ее достоинства и скрывать недостатки. Я наблюдала за сценой, когда женщина лет 36–38 носящая траур по усопшему отцу выбирала траурную одежду в магазине. После долгих примерок она так ничего и не выбрала, найдя причину: «я в этом буду выглядеть, как тетя какая-нибудь» (ПМА: Антия).

Все это делается для того чтобы найти жениха а в последствии мужа, достойного на их взгляд. По словам информантов: «для определенной группы девушек не важно, чем занимается их будущий муж, наркоман он или подворовывает. Они думают: «сейчас он так себя ведет, потому что не женат, а вот если женится, то перестанет». Главное для большинства абхазских девушек, чтобы был красивым и не бедным. В

деревню выходить девушкам «западло». Будет вообще замечательно, если парень не живет с родителями. Некоторые, не очень воспитанные девушки, называют родителей будущего мужа «мусором» (ПМА: Шларба 2). Причем для нее не важно, кто ее будет впоследствии одевать, и кормить, так как многие ребята вообще нигде не работают, хотя многие из них женихи с дипломом.

Исследуя абхазскую молодежь нельзя не остановиться на описании поведения той ее категории, которая относится к маргиналам. Это, чаще всего, те, которые перебрались в город, но, по разным причинам, никуда не поступили. Они, тем не менее, в деревне жить не хотят, и всячески стараются общаться с «городскими». Зачастую, такие люди даже не имеют постоянного места жительства в городе. Они не хотят работать в деревне, так как гнушаются теми занятиями, что занимаются их родители – земледелием, садоводством, скотоводством. Черную крестьянскую работу считают за позор. Есть такая группа, кто, все же, выучились, но нигде не работают. На небольшую зарплату, а в Абхазии это не редкость, работать не хотят, объясняя тем, что «нет достойной работы», что означает «высокооплачиваемой», «я не для этого учился». Они иногда даже потешаются над теми, кто работает: «и ты училась (учился), чтобы зарабатывать такие деньги?» Для многих лучше ждать и просить у родителей, чем работать. Многие родители тех, кто не работает, жалея своих детей, содержат их долгое время.

В основном, те, кто живет ничего не делая, изображают блатных, жуликов и т.д. Ничем не занятая молодежь не стесняется на рынке, где чаще всего они проводят время до обеда, просить у знакомых деньги на сигареты. Мой информант рассказывал, как это происходит: «ора, я тут деньги собираю на пачку сигарет, подкинь сколько сможешь». Или, что еще хуже, воровать на рынке или в общественном транспорте кошелек или барсетки. Что самое интересное, они не стесняются рассказывать о содеянном. Более того, они даже гордятся своим поступком, и хвастаются среди своих друзей. Идя на такие поступки, многие стремятся завоевать определенную репутацию в около-криминальном мире, чтобы, возможно, впоследствии вступить в этот мир. «Есть один парень, он уже взрослый. Он в жизни не отказывал себе ни в чем. Сказать, чтобы ничем не занимался, нет. Он танцевал в одном из местных ансамблей, учился в университете, но осознанно выбрал криминальный мир. Во время очередного, уже вооруженного, грабежа, его ранили, он попал в тюрьму очередной раз. До этого его родители дело до суда не доводили. Выкупали его. Все говорили, что он опозорил своего отца. На его свадьбе из тюрьмы прислали деньги. В списке записали. «Общак, тюрьма. Столько-то денег». Об этом говорили не только в той деревне откуда он родом, где собственно и играли свадьбу, но и в соседних селах. Такое событие... Говорят, что он стал смотрящим. Не могу сказать точно. Знаю только то, что его приглашают на различные разговоры, разборки» (ПМА: Амичба).

На вопрос, а как поступаю родители, если узнают, что их сын ворует? «И что? Ну получит он от них подзатыльник, ты думаешь он перестанет этим заниматься? Крыса, которая привыкла воровать сыр каждый день, если перестанет воровать, то такие ребята тоже перестанут это делать» (ПМА: Шларба 1). У абхазов есть и другая пословица по отношению к ворам: «Собака, которая привыкла воровать, никогда не перестанет». Ребята во многих случаях идут против требований родителей. Как же он перестанет заниматься привычным делом, он же потеряет свою честь среди «своих», то есть среди таких же, как он.

Часть молодых людей, которые никуда не поступили, проходят срочную службу, после чего остаются служить на контрактной основе. Сейчас в Абхазии есть несколько мест, где они служат, а именно: 6-ой отдел – СГБ, 7-ой отдел – охрана президента. В эти отделы тоже просто так невозможно попасть, нужен человек, который составит протекцию. Кроме того, есть еще две военные структуры: это ЦСН – спецназ антитеррор, и ВГВ – спецназ Восточных групп войск. Из вышеперечисленных, проще всего, попасть в последний. Из ВГВ никого не увольняют, но мест никогда не бывает. Почему попасть проще? Потому что нагрузка для ребят более щадящая. К спецназовцам в абхазском обществе отношение положительное, можно сказать, уважительное. Если парень служит в спецназе, это значит что он не «разгильдяй», занят делом и, что самое важное, хорошо зарабатывает. Когда их сверстники узнают что парень работает в спецназе говорят: «о ты там работаешь, красавца. Еще бы не относились к ним с уважением, они такой большой труд прилагают, чтобы спокойно спали» (ПМА: Гвинджия).

В основном нормальный деревенский парень, видя, что в городе для него нет места, понимает что «ловить нечего», возвращается домой. Но, к сожалению, такому парню сложно обзавестись семьей. Так как, как уже было сказано выше, девушки с большой неохотой выходят замуж за деревенских, если даже у такого парня состоятельная семья с большим хозяйством. Именно по этой причине в настоящее время в деревнях меньше молодежи, и много неженатых молодых парней. На вопрос, почему не женишься? Ребята чаще отвечают: «Ой, женишься, много хлопот. Жену надо кормить, одевать, обувать. Да еще ее бесконечные родственники. И самое главное, кто в деревню пойдет? Я уж как-нибудь обойдусь без жены» (ПМА: Ашуба). Из этих слов можно сделать следующий вывод: проблема мужской половины состоит в том, что они не могут найти девушку, которая согласилась бы жить в деревне, но этому фактору они отводят второстепенную роль.

Те, кто остались маргиналами, оказываются связанными с криминальными группами, занимаясь, как правило, мелким воровством. Кроме того, можно выделить другую группу маргиналов, характер образа жизни которых не включал в себя поиск работы, а заключается в паразитировании на дружеских и родственных связях. Зачастую, такие люди даже не имеют постоянного места жительства.

Что касается девушек, то, чаще всего, девушки находят работу, даже если работа невысокооплачиваемая. Девушке проще в жизни. Для нее не стыдно, если родители помогают. Если сравнивать в соотношении с парнями, то каждая вторая девушка работает. Если предложили одинаковую невысокооплачиваемую работу девушке и парню. Кто из них наверняка согласится? «Конечно девушка. Потому что парень хочет все и сразу. Девушки думают совсем по-другому. Девушка может начать с самого меньшего. Допустим, 5000 парня не устроит, он хочет сразу 20000. Он лучше пойдет дальше фигней страдать и стрелять сигареты» (ПМА: Шларба 1).

Если интересоваться мнением жителей Абхазии насколько нужно и важно иметь высшее образование, тут они расходятся, но почти все считают, что образование, конечно, нужно, не обязательно даже высшее. Они также считают, что не хватает специалистов со средним специальным образованием. Примечательно, что это позиция имеет долгую историю. В первые десятилетия XX в., многие жители абхазских сел были даже против открытия школ в их селах. Это «сопротивление» они выражали следующим образом: «Население не говорило о том, что школы не нужны. Но

спустя 10–15 лет, то есть к началу XX в., население высказывает свое мнение о непригодности школы» (Съезд абхазского населения 20 августа 1913 г.). Они считали, что школы не дают необходимых знаний, русскому языку не обучают, учебного материала и учебников не хватает, более того, большинство вне школы книг не читают, а полученные в школе знания совершенно не умеют применять к жизни. Что самое интересное, считая себя «образованными», выпускники школ с неохотой брались за работу в деревне. В целом, население выступая на сходе села выступали не против существования школ, а за то чтобы открывались такие школы, которые давали бы законченное пригодное к жизни образование. «<...> школы должны так воспитывать наших детей, чтобы они не гнушались теми занятиями, которыми занимаются их отцы – земледелием, садоводством, скотоводством. Ныне же, получающие русское образование юноши, считают за позор черную крестьянскую работу. Желательно иметь школу иного типа, с более обширной программой, с хорошо образованными учителями» (Басария 1923: 118–119).

Также как и современные родители, они не были против открытия школ в абхазских деревнях, не против того, чтобы их дети учились, но они хотели, чтобы их дети не забывали то, чему их учили их отцы.

Таким образом, исследовав современную абхазскую молодежь, можно сказать, что ценности ее значительной части за последние 20 лет сильно изменились, и ее поведение, в большинстве своем, демонстрирует низкую мотивацию к самостоятельной жизни и привычку к достижению жизненных целей, не прикладывая серьезных усилий. Кроме того, следует отметить, что отношение к образованию все еще остается важным, в умах молодежи и некоторых их родителей. Проблема, связанная с высшим образованием не является новым явлением в абхазском обществе. Исследования подтверждают, что еще в начале XX в, молодые люди получившие сначала школьное, а потом высшее образование ставили себя выше своих сверстников, то есть тех кто не получал его. Но в прошлом столетии эта проблема не была массовой, так как, во-первых, высшее образование было в некотором роде элитарным, то есть не каждый мог поступить в высшие учебные заведения, во-вторых, в истории абхазского народа был период когда абхазы не имели права селиться на побережье, в-третьих, в период коллективизации получивший высшее образование специалист должен был обязательно вернуться в свой родной колхоз и работать там.

Литература

- Басария 1923 – Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале: Издание Наркомпроса С.С.Р. Абхазии, 1923, С. 118–119.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия в Очамчирский район, сс. Джгерда, Кутол, Кындыг, город Сухум. Июль 2014 (информанты – Амичба А.Х. 1976 г.р., Антия О.О. 1978 г.р., Аргун С.К. 1956 г.р., Ашуба Р.Е. 1969 г.р., Гвинджия О.А. 1993 г.р., Шлабра (1) Г.Ш. 1990 г.р., Шларба (2) С.Ш. 1978 г.р.)
- Съезд абхазского населения – Съезд абхазского населения 20 августа 1913 г. // Кубанская школа, 1915 г. № 3.

References

- Basariia S.P.* Abkhazia v geograficheskom, etnograficheskom i ekonomicheskom otnoshenii – Sukhum-Kale: Izdanie Narkomprosa S.S.R. Abkhazii, 1923.
- Kubanskaia shkola. № 3 1913 g // Kubanskaia shkola, 1913. No. 3.

Polevye materialy avtora. Abkhazia, 2014.

R.W. Zelnitskaya (Shlarba). Changes in values of the modern Abkhaz youth.

The article discusses changes in the value-system of the modern Abkhaz youth. The author writes about the changing attitudes towards urban and rural life-styles, higher education, and military service, about shifts in economic and matrimonial strategies, and gender differences in economic behavior of young Abkhazians.

Key-words: *Abkhazia, the youth, education, town.*

ДЛЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

УДК 930

© Н.Л. Пушкарева

**НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ «ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(К ОЦЕНКЕ ИТОГОВ ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА В
СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ)***

В статье обосновано, что, отказавшись от советской идеологической доктрины, отечественные гуманитарные дисциплины быстро вобрали в себя, усвоили и интериоризировали тот пласт научных наработок, которым оперируют зарубежные исследователи. Немалую роль в этой обновленной науке стали играть подходы «истории повседневности» – отрасли исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В статье изложены основные итоги развития направления «история повседневности» в системе социально-гуманитарных наук, выявлены этапы этого процесса, наиболее значимые участники.

Ключевые слова: *повседневность, история повседневности, новая социальная история, историческая антропология, быт, обыденность, методы исторического познания*

«История повседневности» (Everyday life history, Alltagsgeschichte, histoire de la vie quotidienne) – отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – *«реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира»* (Бергер, Лукман 1995: 38), комплексное исследование этой реальности (жизненного мира людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события).

В центре внимания истории повседневности комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения. В русском языке синонимы слова «повседневность» – будничность, ежедневность, обыденность – указывают на то, что все, относимое к повседневному, привычно, «ничем не примечательно, имеет место

Пушкарева Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований. Эл. почта: pushkarev@mail.ru.

*Работа поддержана грантами РГНФ № 16-01-00136 и ПФИ РАН «Историческая память и российская идентичность» и является продолжением статьи: Пушкарева Н.Л. Частная жизнь и проблемы повседневности глазами историка // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Отв. ред. А.Г. Вишневецкий. М.: Наука, 2002. С. 44-46.

изо дня в день». (Словарь 1983: 162). В понимании философа она – «природно-телесное и лично-общественное бытие/поведение человека, необходимая предпосылка и общий компонент всех остальных форм людской жизнедеятельности» (Касавин, Щавелев 2004: 22). Для историка и социолога ключевым в определении «повседневного» является то, что оно регулярно повторяемое. Мы все живем в повседневном мире; повседневные, а потому малозаметные в своей привычности явления окружают нас, и каждый из нас полагает, что может точно судить о них и о предмете в целом. Однако реконструкция повседневности не так проста.

Во-первых, эта сторона действительности очень широка, всеохватна, у историка часто нет источников (или слишком много, что одинаково осложняет дело) относимых именно и только к ней.

Во-вторых, эмоциональные реакции на бытовые и малозначимые факты зачастую восстановить куда трудней, чем сами факты.

В-третьих, разные аналитики понимают свои задачи по-разному.

В одном они сходятся: повседневность – первична, безусловна для всех людей, везде и всегда, хотя и неоднородна, неодинакова по содержанию и значению.

Возникновение направления «история повседневности» и его истоки

Возникновение истории повседневности как самостоятельной отрасли изучения прошлого – одна из составляющих так называемого «историко-антропологического поворота». Он начался в конце 60-х годов XX века вместе с революцией «новых левых» и ниспровержением всех старых объяснительных концепций. Из пророков-теоретиков исследователи превратились в обычных участников общественной жизни, не имеющих права ни определять, что истинно, а что ложно, ни планировать, каким должно быть будущее.

Но еще задолго до «этой революции духа» мировая философия стала задумываться о значимости того, что окружает индивида изо дня в день. Такая категория как «общий здравый смысл» пришла от Аристотеля, Цицерона, Сенеки и Горация в философию эпохи Возрождения (Николай Кузанский, Эразм Роттердамский), затем в понимание мира Ф. Бэконом, Р. Декартом и Т. Гоббсом, которым принципы здравого смысла виделись основанием всего философствования. Свой вклад в понимание этого предмета внесли и прагматики XIX в. (У. Джеймс, Ч. Пирс), так что к началу XX века в «здравом смысле» стали видеть «мнения, чувства, идеи и способы поведения, предполагаемые у каждого человека». Что же касается именно термина «повседневность», то «Психопатология повседневной жизни» (1904) З. Фрейда была едва ли не первой научной книгой, в заголовок которой оказалось вынесено понятие «повседневная жизнь».

Если на протяжении столетий обычные мнения, чувства, идеи и способы поведения считались всего лишь началом для высокого теоретического мышления, то в XX в. в западной философии акцент постепенно стал смещаться в пользу «обыденного». Э. Гуссерль, «отец» феноменологического направления, одним из первых обратил внимание на значимость культурологического осмысления «сферы человеческой обыденности», которую он назвал «жизненным миром». Младший современник Э. Гуссерля А. Шютц предложил отказаться от восприятия «мира, в котором мы живем» как изначально заданного, и сосредоточиться на процессе складывания картины этого мира у людей, исходя из их стремлений, фантазий, сомнений, реакций на частные события, воспоминаний о прошлом и представлений о будущем.

Незадолго до Второй мировой войны социолог немецкого происхождения, работавший в Амстердаме, основатель «социогенетической теории цивилизаций» Н. Элиас обратил внимание на то, насколько изучение общества оторвалось от изучения индивида. В знаменитой статье «О понятии повседневности» он показывал, что «структура повседневности не обладает характером более или менее автономной структуры, но является составной частью структуры определенного социального слоя». За Н. Элиасом признают первенство в рассмотрении общества и отдельных людей «как нераздельных аспектов одного сложного и постоянно меняющегося набора взаимосвязей». По мнению современных интерпретаторов его идей, ученый ввел в мировую гуманитарную науку видение прогресса как переплетения – на уровне повседневной жизни – разнообразных практик воспитания, познания, труда, власти и способов их упорядочивания, закрепленных различными институтами. Изучение этих практик стало ориентиром для социальных наук уже в послевоенное время. Н. Элиас и его последователи специально изучали процессы «оцивилизации» разных сторон повседневности индивидов – их внешнего вида и манер поведения, намерений, чувств и переживаний, речи, этикета. Соотечественник Н. Элиаса Б. Вальденфельс, продолжив подобные размышления, пришел к выводу: повседневная жизнь не может существовать сама по себе. Она возникает в результате *оповседневливания*, которому противостоит процесс *преодоления повседневности*.

Одновременно на рождение истории повседневности оказало влияние превращение *герменевтики* (от греч. *hermeneuein* – толковать, разъяснять) в самостоятельное философское течение. Идеи М. Хайдеггера и его последователя Г.Г. Гадамера, стали методологическим основанием, которое придало смысл изучению прошлого во всей его совокупности, в том числе и всего сугубо простого, неяркого, невзрачного. Ведь первый убедил мир в том, что бытие человека есть с самого начала бытие понимающее, а история – не нечто завершенное, но неоконченное движение, в котором находит свое место и любой познающий, а второй – продолжил эту мысль и настоял на том, что процесс понимания (прошлого, текста, других) неотделим от процесса самопонимания. Любой из «повседневноведов» ныне изучает повседневность прошлых веков во имя понимания себя и жизни нынешней.

В-третьих, в росте интереса к «повседневноведению» свою роль сыграла критическая теория общества, созданная неомарксистами так называемой Франкфуртской школы 1930–1940-е годы (несколькими яркими философами, работавшими во Франкфурте на Майне, – Т. Адорно, М. Хоркхаймером и др.), чье отношение к социальной реальности отличали выраженный акцент на роли общественной практики, гуманизм и стремление понять истоки появления тоталитарных форм организации общества. Представители Франкфуртской школы, стремившиеся понять истоки тоталитаризма, указали на организующую роль идеологий в структуре общественной жизни. Один из последних представителей третьего поколения этой школы Г. Маркузе показал, как современная западная культура – с ее достоинствами комфорта, технической оснащенности, удобства бытия, безопасности существования – рождает опасную терпимость всех членов общества, «толстокожесть», «одномерность» и проинтегрированность во все общественные отношения. Работы Г. Маркузе нацелили историков и социологов на анализ механизмов манипулирования сознанием на уровне повседневных практик.

Особым шагом к выделению исследований повседневности в отрасль науки (и это – в-четвертых) было появление в 1960-е годы критической социологии модернистского толка.

Одной из ее составляющих была теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Эти социологи первыми ввели в язык социологии понятие «повседневный мир», поставили вопрос о языке «повседневных встреч» (социальных взаимодействий), о путях «заучивания типичных повседневных действий», тем самым дав толчок концепциям социального конструирования идентичностей, пола, инвалидности, психиатрии и т.п. В те же годы американские социологи Г. Гарфинкель и А. Сикурель показали, сколь перспективным могло бы быть изучение не просто действий индивидов в социальных процессах, но и роль их переживаний и мыслей. Это позволило им создать основы социологии обыденной жизни (или этнометодологии), нацеленной на обнаружение методов, которыми пользуется человек в обществе для осуществления обыденных действий через анализ существующих в обществе правил и предубеждений, истолкования «одними» людьми речей, поведения, жестов «других». Продолжатель идей Г. Гарфинкеля И. Гофман в одном из своих основных трудов – «Представление себя в повседневной жизни» – выявил повседневное как то обычное, что всегда проходит незамеченным, что индивиды автоматически соблюдают, не придавая тому значения («учитивое невнимание», по И. Гофману).

Помимо социологов, на рождение истории повседневности оказали влияние идеи культурологов и антропологов. Поскольку любая культура предстает как иерархия символов и знаков, указывающих на определенные общественные структуры, постольку исследователь, чтобы приблизиться к пониманию этих структур, пытается расшифровывать эти символы и знаки, составляющие повседневные, типизированные людские практики. Интерпретация, а не просто собирательство найденных фактов, – цель этнографически-ориентированной науки. Основателями такой «символической» («интерпретативной») антропологии, развивающей подходы герменевтики, стали американский антрополог К. Гирц и французский культуролог А. Лефевр. Последний в своих работах «Критика повседневной жизни» и «Повседневная жизнь в современном мире» показал, насколько продуктивным может быть сопоставление субъективного переживания конкретной житейской ситуации с общими моделями, а также ожидаемого с действительным.

Лефевровскому пониманию роли повседневности близко понятие «габитуса» (от греческого *habitus* – внешность, наружность) – совокупности предрасположенностей поступать, думать, оценивать, чувствовать определенным образом. Термин этот введен младшим современником и соотечественником А. Лефевра П. Бурдьё. «Габитус» у этого философа – универсальный посредник между социальным миром и индивидуальной человеческой практикой, в нем сконцентрированы, считал П. Бурдьё, прошлые опыты, «осевшие в теле индивидов», а потому габитус (как и повседневность) самодвижим и самовоспроизводим.

Взрыв интереса к «философии обыденного» и социологии повседневности вызвали к жизни аналогичные изменения и в исторических науках, ведь «рецепция – это всегда приспособление к себе» (Ж. Деррида), иными словами – перетолковывание. Именно путем рецепций идеи обращения к повседневному обрели жизнь не только в философии и социологии, но – вульгаризируясь и в то же время обогащаясь – и в иных науках.

Отношение к обыденному и повседневному в российской философии

В российской философии интерес к обыденному оказался запаздывающим, как вся история российской модернизации. В термине «повседневное» десятилетиями

виделось просторечное выражение, а не философская категория. Закалка российской духовности, заложенная не один век тому назад, оказалась весьма крепкой: в нашей философии «нравственный идеализм» неизменно противопоставлялся (скажем, философом Серебряного века С.Л. Франком) «болоту буржуазной обыденщины и пошлости». В будничной жизни русским философам-идеалистам начала XX века виделась все больше «тоска», «болото», нечто, не достойное серьезных размышлений.

Однако достаточно было в их кругу появиться М.М. Бахтину, чтобы российский философский мир задумался над «диалогом сознаний» – способов видения мира, над интеллектуальными процессами внутри предметной, практической деятельности, увидеть в событиях – «кванты» жизни, а в задаче философа – умение почувствовать «полифоничность мышления». Сама жизнь в советской России, постоянно выживавшей, а не жившей, требовала осмысления возможности этой полифоничности, вписывания в нее и в иных науках того, что выходило за ее рамки – войн, восстановительных периодов, социальных ломок и потрясений.

«Реабилитация» темы повседневного состоялась в годы хрущевской оттепели (середина 1950 – начало 1960-х годов) вместе с ростом интереса к понятию «здорового смысла». В рамках навязанного тогда всем диалектического материализма обыденное сознание именовали «заурядным», «доморощенным», «самодовольным», обвиняли его в гносеологической неполноценности (по сравнению с высоким, теоретическим). Лишь к концу 1980-х годов в философские словари попало определение бытовых отношений как «очень значительных», играющих «немаловажную роль» в жизни человека. В связи с допущением дебатов о темпах модернизации российские философы тут же опубликовали немало работ по теме соотношения «обыденного» и «теоретического» сознания. Переоценка обыденного была связана с кризисом «тотализирующих» теорий (марксизма и структурализма), полагавших повседневность и переживания отдельных людей чем-то, чем всегда можно пренебречь. В ходе этой трудной «революции духа», совершившейся в конце XX века, выяснилось, что в российской науке – особенно философской, исторической, социологической – «сфера быта» (и в жизни, и как научная тема) совершенно напрасно огульно объявлялась вторичной по отношению к производственной сфере. За исключением этнографии, интерес ко всему бытовому в отечественной науке был слабым. И лишь в середине 1980-х годов в публикациях Е.И. Кукушкиной обыденное сознание впервые было названо универсальной предпосылкой всех форм познавательной активности. Так был сделан важнейший шаг к рождению истории повседневности.

Полное признание обыденного и повседневного в отечественной философии состоялось в 1990-е годы, но – пользуясь термином «обыденность» («повседневность»), – ученые вкладывали в него разное содержание. Например, в книгах и статьях по социальной философии, написанных Н.Н. Козловой, «повседневность» – это поле создания и функционирования различных систем символов. Другие видели в «повседневности» «волевою интересубъективностью», т.е. полагали необходимым изучать, прежде всего, возникающие в повседневье межличностные отношения, коммуникации. И.Т. Касавин и С.П. Щавелев представляли повседневность как «баланс между рутинным благополучием и риском»: «В спутывании моментального состояния и длящейся жизненной формы состоит парадокс повседневности» (Касавин, Щавелев: 2004: 90).

Общечеловеческие (этологические, социальные) черты будничного тонут, под грузом различий, привязанных к эпохе, региону, конфессии, профессии, политической системе государства. Темпы и ритмы жизни, формы труда, отдыха, досуга дик-

туют разные подходы в попытках интерпретации повседневности представителей одного и того же культурно-исторического типа: то, что одному кажется будничным – для другого предстает как праздник.

Смысловая наполненность «повседневного» может интерпретироваться в прямой зависимости от ощущений индивида. Изучение личностного смысла социального – вот предмет изучения повседневноведения, если опираться на работы российских философов. Именно он направляет изучение повседневного от описательности этнографов к постижению ментальных смыслов поступков, характерных для социальных психологов.

История изучения обыденного в науках и о прошлом.

Две научные школы, два подхода в исследовании повседневного

Историки в числе первых обратились к проблемам изучения повседневной жизни. Еще во второй половине XIX – начале XX века были опубликованы работы А. Терещенко, Н. Костомарова, И. Забелина в России, а в Европе – книги Э. Виолле-ле-Дюка (E. Viollet-le-Duc), Э. Фукса (E. Fuchs), П. Жиро (P. Guiraund), посвященные различным аспектам истории быта. Эти работы имели преимущественно описательный характер, что не умаляло их значения как исследований, в которых впервые были обозначены и раскрыты темы, ставшие в дальнейшем традиционными для исследований повседневности. Среди этих тем: среда обитания человека (природа, поселение, жилище), тело (питание, врачевание, гигиена, костюм), обряды (крещение, свадьба, похороны), досуг.

Перспективность «антропологического подхода» в изучении прошлого задолго до модернистских концепций «прочувствовали» французские историки М. Блок и Л. Февр. Именно они сформировали *исторически первую научную школу*, adeпты которой ставят задачу восстановления истории в ее всеохватности и целостности (тотальности), не ограничиваясь одной лишь политико-событийной, экономической, военной или какой-то другой, отдельной стороной. Подобный историко-антропологический подход стал основой работ М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя – представителей известного направления, группировавшегося вокруг созданного в 1950-е годы журнала «Анналы». Для Броделя, как и для многих представителей Франкфуртской школы, повседневность была одной из нитей узора истории, ткань которой соткана также из демографических, производственно-технических, экономических, финансовых, политических, культурных и других процессов. История повседневности выступала в трудах французских историков-«анналистов» частью *макроконтекста* жизни прошлого или, как они сами именовали его, *тотальной истории*.

Рассказывая о «прозрачных» (трудно улавливаемых) реалиях экономики – механизмах производства и обмена, ярмарок и рынков, бирж и банков, мастерских и лавок, Ф. Бродель увидел в прошлом медленное чередование периодов «большой длительности» (*long duree*), в которые была включена и повседневно-бытовая составляющая. В экономике любого общества он предложил видеть два уровня структур: структуры жизни материальной (предметной) и жизни нематериальной (непредметной), охватывающей человеческую психологию и каждодневные практики. Этот второй уровень и был назван им «структурами повседневности».

К ним он отнес то, что окружает человека и опосредует его жизнь изо дня в день – географические и экологические условия жизни, трудовая деятельность, потребности (в жилище, в питании, одежде, лечении больных), возможности их удовлетворения (через технику и технологии). Для такого всестороннего изучения был необходим анализ

взаимодействий между людьми, их поступков, ценностей и правил, форм и институтов брака, семьи, анализа религиозных культов, политической организации социума.

Характерной чертой реконструкции повседневной истории в духе Ф. Броделя на первых порах было предпочтение, отдаваемое изучению возможно более массовых совокупностей явлений, выбор больших временных длительностей для обнаружения глобальных социальных трансформаций. Много внимания уделялось и тому, как официальная культура воспринималась низами. Продолжавшие «линию Броделя» французские историки второго поколения Школы «Анналов» скрупулезно изучали взаимосвязи между образом жизни людей и их ментальностями, бытовой социальной психологией.

Важнейшим завоеванием броделевской школы «повседневниковедов» стал особый принцип историописания. Еще М. Блок утверждал, что исследование историка начинается вовсе не со сбора материала, как часто думают, а с постановки проблемы, с разработки предварительного списка вопросов, которые исследователь желает задать источникам. Ф. Бродель и медиевисты его школы, недовольствуясь тем, что обществу прошлого, скажем средневекового, заблагорассудилось сообщить о себе устами хронистов, философов, богословов, – убедили научный мир: историк, путем анализа терминологии и лексики сохранившихся письменных источников, может и должен уметь заставить эти памятники «сказать» больше. Инициаторы применения новых методов апробировали их сами и передали другим, научив ставить «чужой», ушедшей культуре такие новые вопросы, какие она сама себе не могла помыслить («мы ищем ответы на эти вопросы, и чужая культура отвечает нам...») (Гуревич 1986: 196).

Новый подход к восстановлению прошлого поставил и новый для тогдашней исторической науки вопрос о том, как влияли на рутину и обыденность человеческие чувства – взрывы отчаяния и ярости, безрассудство, внезапные душевные переломы. М. Блок и Л. Февр в истории чувств и образа мышления видели свои «заповедные уголья» и увлеченно разрабатывали эти темы. Использование такого подхода в историографиях ряда стран Центральной Европы (Польши, Венгрии, Австрии), начавшись в середине – второй половине 1970-х годов, осмыслялось как интегративный метод познания человека в истории и «духа времени». Оно получило наибольшее признание у медиевистов и специалистов по истории раннего Нового времени и в меньшей степени практикуется специалистами, изучающими недавнее прошлое или современность.

Продолжатели традиции первых двух поколений Школы Анналов (в России, например, А.Я. Гуревич) поставили в центр своих исследований общую реконструкцию «картины мира» определенной эпохи, социума, группы. Они изучают в повседневности прежде всего ее ментальную составляющую (общие представления о нормальном, как и общие страхи, общие тревоги и одержимости). Их работы пишутся более в содружестве с социальной психологией, нежели, например, с этнологией.

Другое понимание истории повседневности превалирует в германской, скандинавской и итальянской историографии.

Германский сборник «История повседневности. Реконструкция исторического опыта и образа жизни», вышедший в конце 1980-х годов, был сразу замечен за рубежом, но сдержанно принят в самой Германии представителями традиционной науки. «От изучения государственной политики и анализа глобальных общественных структур и процессов обратимся к малым жизненным мирам» – так звучал призыв германских исследователей, задумавших написать «новую социальную историю» как историю рядовых, обычных, незаметных людей.

Те, кто откликнулись на этот призыв, стали изучать маленьких людей в Большой Истории, и со страниц множества трудов последнего времени на читателя взглянул не «человек-хозяин», не агент собственной истории, но человек, затерянный в массе.

Такие критики «старой науки», как Х. Медик и А. Людтке, призывали молодое поколение обратить все силы на изучение заурядного, ординарного, малопримечательного – «*микроисторий*» людей или групп, носителей повседневных интересов (отсюда – второе название «истории повседневности» в Германии – *Geschichte von unten*, «истории снизу»). «История повседневности, – отмечал А. Людтке, – оправдывает себя как самая краткая и содержательная формулировка, полемически заостренная против той историографической традиции, которая исключала повседневность из своего видения». «Важнее всего изучение человека в труде и вне него, – продолжает он. – Это – детальное историческое описание устроенных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, раздора и сотрудничества между людьми, а также их душевных переживаний, воспоминаний, любви и ненависти, мечтаний и надежд».

Центральными в анализе повседневности являются для повседневноведов этой школы жизненные проблемы тех, кто в основном остались безымянными в истории. Индивиды в таких исследованиях предстают и действующими лицами, и творцами истории, активно производящими, воспроизводящими и изменяющими социально-политические реалии прошлого и настоящего.

Это стало программой особого направления в германской историографии – истории повседневности (*Alltagsgeschichte*), которую иногда именуют «этнологической социальной историей».

В германской историографии прочно утвердилось противопоставление категории повседневности как всего повторяющегося, обыденного тому, что выходит за эти рамки как яркое, необычное или уникальное. Такой подход противопоставил повседневность в качестве «жизни масс» «жизни отдельных, уникальных и необычных личностей». Это привело к появлению германского варианта «истории повседневности», который можно охарактеризовать как микроисторию обычных, незаметных, типичных для своего времени и социального слоя индивидов. К «оппозициям» повседневного германские ученые обычно относят «праздники» как проявление чего-то особенного, не обыденного, а также «экстремальные ситуации», которые при определенном стечении обстоятельств могут перейти в разряд обыденных и составить повседневность. Работа, труд, игра, учеба в подобных классификациях оказываются включенными в понятие «повседневного» (а не противопоставленными ему). Их изучение и составляет задачу истории повседневности, считает один из ее главных современных идеологов А. Людтке (*Людтке* 1999: 121). Понимание «истории повседневности» как микроистории негативно повлияло на степень признания этого направления научным истеблишментом Германии. Сторонники микроистории рассматривались как покусившиеся на святое, и их перестали допускать к конкурсам на замещение должностей в университетах и научных центрах. Вследствие этого в Германии возник параллельный официальному мир «мастерских историков» и особых журналов. Примером тому является журнал «Историческая антропология», а также региональная группа активистов в Геттингене, действовавшая под девизом «*Берем историю в свои руки!*» («*Take history in our hands!*»). Одной из главных задач этих активистов, – среди которых были и профессиональные историки, и обычные граждане, – была борьба за переименование улиц и сохранение памяти о преступлениях нацизма в каждом конкретном городе Германии.

Помимо германских «историков повседневности», к толкованию ее как синони-

ма «микроистории» оказался склонен ряд исследователей в Италии. В 1970-е годы небольшая группа таких ученых (К. Гинзбург, Д. Леви и др.) сплотилась вокруг созданного ими журнала «Quaderni Storici», начав издание научной серии «Microstorie». Эти ученые сделали достойным внимания науки не только распространенное, но и единичное, случайное и частное в истории, будь то индивид, событие или происшествие. Исследование случайного – доказывали сторонники микроисторического подхода – должно стать отправным пунктом для работы по воссозданию множественных и гибких социальных идентичностей, которые возникают и разрушаются в процессе функционирования сети взаимоотношений (конкуренции, солидарности, объединения и т. д.). Тем самым они стремились понять взаимосвязь между индивидуальной рациональностью и коллективной идентичностью.

Германо-итальянская школа микроисториков в 1980–1990-е годы расширилась. Ее дополнили американские исследователи прошлого (сторонники так называемой «новой культурной истории»), которые чуть позже примкнули к исследованиям истории ментальностей и разгадыванию символов и смыслов повседневной жизни. Под знамена микроисторического видения истории повседневности отошли и некоторые представители третьего поколения Школы Анналов (Ж. Ле Гофф, Р. Шартье). Попытки последних вытеснить или ограничить «историю менталитета» в изучении повседневности были попытками дистанцироваться от «неподвижной истории», какой она виделась Ф. Броделю.

Многообразие идей, которые нес с собой новый (по сравнению с броделевским) подход в изучении повседневности, определялось политическим контекстом его возникновения. Если концепция «неподвижной истории» была уместна в 1960-е годы, то подходы микро-истории были востребованы эпохой постструктуралистского вызова гуманитарному знанию с его интересом к языку, критикой текстоцентризма, любопытства к образам «другого» и толерантного признания этого «другого».

Значимость микро-исторического подхода в исследовании повседневности определяется, во-первых, тем, что он позволяет принять во внимание множество частных судеб. История повседневности не случайно стала потому реконструкцией «жизни незамечательных людей» – а она не менее важна исследователю прошлого, чем жизнь людей «замечательных».

Во-вторых, значимость микроистории для повседневности состояла в апробации методик изучения несостоявшихся возможностей и причин неудач того или иного предприятия, в том числе и случайных обстоятельств «состоявшегося исторического выбора».

В-третьих, описываемый подход определил новое место источников личного происхождения, помогая пониманию степени свободы индивида в заданных историко-политических, хронологических, этнокультурных и иных обстоятельствах. Микроисторика придали огромное значение автобиографиям и биографиям в исторических исследованиях, признав за ними немалую роль в формировании у потомков картины исторического процесса. В этом история повседневности сблизилась с «историей частной жизни» и «устной историей». Особенно заметно это сходство в США, где направление «new cultural history» родилось практически одновременно с так называемыми «исследованиями частных случаев» (case studies) в социологии.

В-четвертых, именно микроисторика поставили задачей своего исследования исследование вопроса о способах жизни и экстремального выживания в условиях войн, революций, террора, голода.

Конечно, и историки броделевской школы обращались к этим сюжетам, однако именно микроисторика, изучавшие повседневность XX столетия, озаботились ана-

лизом скорее переходных и переломных эпох, нежели периодов относительной стабильности и стагнации.

Один из современных философов, описывающих повседневность и оказавших существенное влияние на «микроисторическое» направление в изучении истории повседневности, Мишель де Серто, сделал акцент на повседневном практическом творчестве действующих лиц истории (*Michel de Certeau* 1980). Он обратил внимание на то, что индивиды, которых часто рассматривают просто как потребителей навязываемого им извне социального порядка, на самом деле не пассивно потребляют его, но впитывая его законы и правила и казалось бы подчиняя себя им, используют навязываемые им формы порядка согласно собственным нуждам, подгоняя их под себя. Для характеристики такого рода деятельности де Серто использовал глагол *bricoler* («мастерить»): будучи активными пользователями, социальные акторы, по выражению де Серто, «мастерят» свои жизни внутри доминирующей культурной традиции, чтобы адаптировать ее к своим собственным интересам и правилам. В умении приспособиться в обыденности, в повседневье – тактика сопротивления «слабым», позволяющая в любых ситуациях противостоять стратегиям доминирования, развиваемым «сильными». Таким образом «слабые» (незаметные, не яркие, обычные) люди становятся «поэтами собственных действий».

Общим для двух подходов в изучении истории повседневности – и намеченного Ф. Броделем, и микроисториками – было новое понимание прошлого как быта и помыслов людей разных страт, и высоколобых, и незначительных, вплоть до разного рода маргиналов и отщепенцев. Разбойники, психопаты, ведьмы, анархисты, инвалиды, проститутки, представители сексуальных меньшинств, преступники – все они обрели право попасть в центр исторического исследования.

Оба подхода предполагают – на макроисторическом и микроисторическом уровнях соответственно – другие методы изучения элит. Жизнь царей и знати, личными перипетиями известных и великих, конечно, интересовались и ранее, однако реконструкция повседневности элитарных слоев приобрела новое качество. Это была уже иная биографическая история великих, в ней ставились совершенно иные исследовательские задачи – и прежде всего, выявление взаимосвязей между жизнью «высоколобых» и знатных особ и повседневными жизнями тех, кто от них зависел.

Два подхода в исследованиях повседневности объединяет также междисциплинарность (связь с социологией, психологией и этнологией).

Оба подхода предполагают также – хотя и на разных уровнях (макроисторическом и микроисторическом) – изучение «символики повседневной жизни».

Наконец, и последователи Ф. Броделя, и микроисторики в равной мере внесли вклад в признание того, что человек прошлого не похож на человека сегодняшнего дня, они в равной мере признают, что исследование этой «непохожести» есть путь к постижению механизма социопсихологических изменений.

В мировой науке продолжают сосуществовать оба понимания истории повседневности – и как реконструирующей ментальный макроконтекст событийной истории, и как реализации приемов микроисторического анализа.

Предмет изучения истории повседневности

Как остроумно заметила в начале 1990-х годов германский этнограф и антрополог Карола Липп, похоже, в литературе «существует столь же много «повседневностей»,

сколько есть авторов, ее [повседневность] изучающих». Изучение повседневной жизни есть попытка вникнуть в человеческий опыт, потому вопрос о содержании понятия «повседневность» предполагает вопрос о том, какой человеческий опыт следует рассматривать при этом, а какой нет.

Специалисты по истории социальных конфликтов и движений полагают, что сопротивление насилию, если оно ежедневно или хотя бы систематично, тоже есть часть истории повседневного. С такой точки зрения, повседневность с неизбежностью должна включать «формы поведения и стратегии выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специфических социально-политических условиях», в том числе и самых экстремальных. Едва мы сталкиваемся с повторяемостью исключительного – оно, это исключительное, «оповседневливается», становится частью нашей жизни и предметом изучения повседневноведа. Поэтому постановка таких тем, как повседневность военной поры или времени революций вполне оправдана.

Социологи употребляют как синонимы *повседневности* чаще всего описательные характеристики («обычное ежедневное существование», «род/образ жизни», «то, что обычно делают обычные люди»). Такой подход правомерен.

Этнографы часто говорят о повседневности, имея в виду «быт» – то есть традиционные формы личной и общественной жизни, «повторяющееся, устойчивые, ритмичные, стереотипизированные формы поведения».

Однако история повседневности не равна истории быта, она шире ее, хотя историки повседневности многое позаимствовали у этнографов и «бытописателей» XIX века: интерес к типично этнографическим темам – исследованию жилища, системы питания, стиля одежды и т.д. Этнографический метод включенного наблюдения позволяет историкам заметить такие стороны жизни людей, от которых не остается следов в исторических, документальных источниках. Однако принципиальное отличие изучения повседневности от этнографических исследований быта состоит в понимании *значимости событийной истории*, в стремлении показать многообразие индивидуальных реакций на череду политических событий.

Взгляд через призму повседневности позволяет увидеть историю в другой перспективе. Например, исследования повседневной жизни 1930–1950-х годов в Германии открыли для историков несколько неожиданный факт: в субъективном восприятии населения окончание войны как неблагоприятного периода жизни и возвращения к «обычному» приходится не на 1945, а на 1948 год, – год проведения денежной реформы и отмену карточного снабжения (*Lipp* 1993. 89: 2).

Повседневноведец всегда имеет в виду подвижное, изменчивое время, в котором полно случайных явлений, влиявших на частную жизнь, менявших ее. Именно в тривиальной обычности витают мысли и чувства, зреют замыслы, ситуации, рождается эксперимент. Историка повседневности интересует, *как* это происходит. Этнограф воссоздает быт – историк повседневности анализирует эмоциональные реакции, переживания отдельных людей в связи с тем, что его в быту окружает. Он ищет ответ на вопрос, как случайное становится вначале «исключительным нормальным», а затем и распространенным.

Самое скрупулезное описание быта не способно представить мужчине или женщине прошлого, наделенных замыслами, которые осуществились, или мечтами, которые не удалось реализовать. Быт всегда выглядит медленно и мало изменчивым, сопротивляющимся переменам. Любая из книг русских бытописателей XIX в.

и советских этнографов представляла человека раз и навсегда скованным рамками жизненного сценария, за пределы которого ему было вырваться нелегко. Но ведь отдельные люди вырывались! И они делали историю. Вот почему в центре внимания историка повседневности не просто быт, но жизненные проблемы и их осмысление теми, кто жил до нас. История повседневности в изучении ментальных макропроцессов есть форма историоризации коллективного бессознательного (а не этнографическая картинка конкретно-бытовых навыков и обыкновений).

Каковы механизмы возникновения новаций в укорененных и привычных структурах? Что заставляет сблизиться новые и традиционные формы (нормы) социального действия, почему одни из них устойчивее других? Это тоже круг вопросов историков повседневности.

Историки повседневности проблематизируют изучение быта и историю эмоций только основных классов – дворян, крестьян, рабочих, предпринимателей, священников (как это делалось ранее), но и малых, дискредитируемых социальных общностей, их прозу жизни и переживания. Сопрягая осмысление повседневного с политической культурой личности, это направление заставляет выяснять, насколько индивидуальное восприятие человека влияет на его обыденность, в том числе в сложившейся политической системе. Повседневноведе «важно представлять пределы самостоятельности индивида в разные эпохи и механизм формирования его решений, особенно тех, которые расходились с нормой. Именно взаимодействие стереотипного и индивидуального выступает сегодня, пожалуй, как самое интригующее при изучении истории общества...» (*Бессмертный* 1996:12).

В отличие от работ культурологических и этнографических, в трудах по истории повседневности, основанных на микроанализе, авторы стремятся к меньшей географической и временной локализации. Они обрисовывают часто небольшой регион, малый период времени, описывают крохотную группу людей – но их работа предполагает углубленность анализа за счет жизненных историй представителей разных возрастных, профессиональных, половых и других социальных когорт. Историк повседневности важны сети их взаимодействий в частной, домашней и внедомашней, в том числе производственной жизни.

Если юристов интересует общая официально-правовая регламентация поведения людей, если этнографы выявляют в ней элементы обычного права, то историк повседневности (не упуская из виду этого общего контекста) ставит задачей понять и объяснить групповые и индивидуальные реакции отдельных людей на существовавшие в их время правила и законы. Он перепроверяет действенность тех установлений, что были зафиксированы или считались неписаными, определяя, какие из них соблюдались, а какие – нет.

В традиционной науке «быт», «бытовая сфера» противопоставляется (вместе с досугом, свободным временем и т.п.) «труду», сфере производственной. Большинство отечественных исследователей, по неизвестно как сложившейся привычке, подразумевают под повседневностью почему-то лишь сферу частной жизни. Это тем более странно, если вспомнить историографическую традицию. В ней известен целый период, охватывающий большую часть XIX века, получивший название «бытописательского». Те, кто творил тогда, были как раз этнографами быта (А.С. Уваров, И.Е. Забелин, Н.И. Костомаров, Д.Я. Самоквасов, В.И. Даль, А.Б. Терещенко, В.А. Городцов). Они представляли структуру обыденности как систему из

рядоположенных составляющих, к которым они относили весьма общие «свойства людей» (то есть психологические характеристики этнокультурного типа), а также их жилища, одежду, «домоводство», «образ жизни», элементы духовной культуры. Понятие «быт», которым пользовались русские ученые-бытописатели не один век, охватывало «нравы и образ жизни» (*Даль* 1955: 148). Так что «быт» в их работах понимался куда шире, чем, например, у советских этнографов, да и социологов второй половины XX века. В широкое понимание «быта» у дореволюционных авторов входило: домашнее хозяйство и все его элементы, «досужее времяпровождение», присваивающие формы экономики (сбор грибов, ягод, меда и т.п.), производящие формы экономики (производственный быт), нормы обычаев и права, в особенности традиционные, формы управления и административные порядки в селе и городе.

Бытописательский, «народоведческий» период становления истории повседневности можно смело считать исторически первым периодом складывания многостороннего исследования обыденной жизни, к нему хронологически примыкают 1920-е годы, когда складывалось российское краеведение, закончившиеся печально знаменитым периодом сталинских репрессий, когда пострадало значительное число исследователей, занимавшихся описаниями быта и культуры народов СССР. Целая эпоха так называемого «раннего советского быта» долгое время была за пределами научного анализа, став предметом исследовательского интереса вначале лишь у ряда историков на Западе. Их представителей у нас долгие годы именовали «фильсификаторами истории» (*Фицпатрик* 2001). В то время и старый, дореволюционный историко-этнографический подход к изучению быта был осужден и очернен, сам термин «бытописание» получил отрицательные коннотации. Этнографы, разумеется, изучали советский быт деревни и города, но делали это в духе тех требований, которые предъявляла к ним идеология. Они сравнивали быт старый и быт социалистический, превознося последний и ища недостатки в «старом порядке». Тогда-то за «бытописанием» надолго закрепилось значение «поверхностного, излишне натуралистического изображения жизни», от которого исследователям-аналитикам надлежало дистанцироваться.

Самое скрупулезное *описание* быта (что бытописателями XIX в., что этнографами советского времени) не способно было представить мужчину или женщину прошлого наделенного мечтами, которые осуществились, или замыслами, которые не удалось реализовать. Быт – по крайней мере в восстановленном исследователями виде – выглядел медленно и мало изменчивым, сопротивляющимся переменам. Человек в книгах русских бытописателей XIX в. и советских этнографов представал пассивным, раз и навсегда скованным рамками жизненного сценария, за пределы которого ему было не вырваться. Подробности быта, узнанные из сохранившихся источников, рисовали тот быт вроде бы понятным потомкам, и до поры до времени эта понятность вполне устраивала исследователей. Нужно было пройти немалому времени, родиться новым концепциям в философии и социологии, чтобы эта бытовая ясность была поставлена историками под сомнение. Необходимо было родиться *этнометодологии*, чтобы пути к созданию союза социологов, этнологов и историков оказались намеченными – и именно на поле «истории повседневности». Нужны были основания для признания права на существование социальной и культурной антропологии – направления гуманитарного знания, пришедшего в Россию из англоязычного мира. Именно оно заставило исследователя задуматься: возможно ли воссоздание системы ценностей ушедших веков, если она не была равна, не

тождественна сегодняшней? Как соотносены в ней работа и досуг, монотонная обыденность и праздники, каждодневные обстоятельства работы и стремление найти редкие минуты перекуров и отдыха? Так среди тем, связанных с «повседневностью работы», были поставлены вопросы мотивации труда, отношений работников между собой, их взаимодействий (в том числе и конфликтных) с представителями администрации и предпринимателями. Иными словами, повседневноведы пришли к тому, что производственный быт должен быть включен в сферу повседневного. Ну, а помимо него к изучению повседневного относится:

Событийная область публичной повседневной жизни, как крупные потрясения, пути приспособления людей к событиям внешнего мира так и мелкие частные события, их место в жизни отдельных индивидов и их групп.

Эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей.

Обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле и все, что связано с личным отношением к нему рассказчика (автора документа, источника).

Ставшее социологической классикой определение повседневной жизни как «реальности, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» (*Бергер, Лукман 1995: 38*) мало известно историкам. Это определение подчеркивает двойственную природу повседневности: ее реальность организуется вокруг того, что являет собой «здесь» и «сейчас» для каждого конкретного человека, и потому глубоко субъективна. Но одновременно повседневная жизнь представляет собой мир, в котором человек живет и взаимодействует с себе подобными.

Историк и социолог обладают инструментами анализа определенного явления не только в индивидуальном контексте (страсти, аффекты, депрессии и т.п.), но и в контексте социально-хронологическом, политическом, этнокультурном и т.д. Историк может проследить как на обломках одного уклада жизни и одной обыденности, в результате их разрушения, возникает новая обыденность и повседневность, которая, по сравнению с предыдущей, кажется странной и «неповседневной». Подобный анализ содержит в себе перспективу прогнозирования будущего, поскольку позволяет проследить развитие системы ценностей, роль в этом отдельных личностей, пытавшихся и пытающихся «изменить жизнь» как в государственном масштабе, так и на локальном уровне, как в прошлом, так и сегодня.

Не стоит забывать и того, что повседневность – всегда, во все эпохи, во всех культурах «имела пол», то есть была *гендерно детерминирована*. Именно поэтому феминистски-ориентированные исследователи настаивают на необходимости отдельного изучения структур повседневности женщин и мужчин (*Пушкарёва 1997*). Содержание обыденной жизни мужчин и женщин, непризнанных сексуальных меньшинств и трансвеститов всегда было разительно отличным. Лишь в последние десятилетия, в XXI в. берет начало явление, именуемое условно «гендерной революцией». Ее содержанием является ослабление поляризации социально-половых ролей, сближение социальных интересов и систем ценностей (аксифосфер) разных полов, конвергенция норм поведения и социальных ожиданий, языков вербального и невербального общения мужчин и женщин. Мужчина больше не «добытчик», сокращаются его права, появляются новые обязанности. Женщина яснее осознает особость своих социальных интересов и умеет их самостоятельно отстаивать. Вместе с ослаблением

гендерной поляризации более схожими становятся структуры повседневности мужчин и женщин. В какой мере и насколько, – изучают социологи, социопсихологи, а историки предоставляют сравнительный материал с предшествующими эпохами.

Методы изучения истории повседневности

В определении методов изучения истории повседневности ни в российский, ни в западной историографии также нет единства. Традиционно мыслящий историк полагает, что тексты «способны говорить сами», важно их лишь найти и, установив репрезентативность дошедшего, старается без искажений привести найденное в своем исследовании. Такой истории-повествованию как пересказу историк-повседневновед противопоставляет свой метод работы – метод *вчитывания в текст*, размышлений об обстоятельствах высказывания запечатленных в нем идей и оценок, проникновения во внутренние смыслы сообщенного, учета недоговоренного и случайно прорвавшегося.

Фокус анализа историка повседневности – изучение социального с точки зрения индивида, не просто быт – но повседневное сознание и поведение. Индивид в исследованиях повседневности должен быть воспроизведен действующим на жизненной сцене в заданных обстоятельствах (природных, временных, политических), показан определяющим ситуацию, конструирующим – совместно с другими – социальные роли и играющим их. Без *выяснения мотивации действий* всех актеров «театра жизни» прошлого историку повседневности не понять их. В объектах исследования (в том числе в авторах тех текстов, которые служат для него источником) – повседневновед видит своих соавторов, *ведет с ними диалог*, не дистанцируясь, не стараясь хранить объективность, но сопереживая им.

При этом специалисты по истории повседневности отказываются выступать в роли объективного судьи прошлого, или, как это любят они повторять, отказываются от желания встать «над» источником и его автором. Вместо этого они мысленно беседуют с людьми прошлого, ставят перед описанием событий вопросы, которые автор текста сам бы никогда не поставил, поскольку вопросы эти рождены современным состоянием научных знаний. Повседневновед отрицает существование неизменности, универсальности, «общечеловечности» и внеисторичности многих устойчивых понятий, даже таких, как Истина, Правда, Справедливость... Он старается проанализировать, что именно понималось под ними в каждую эпоху. Это удается сделать через использование этнографических описаний и *case studies* (анализа отдельных случаев), изучая биографии и человеческие документы. Вот почему специалисту по истории повседневья XX в. проще, чем исследователю отдаленных эпох: он имеет возможность расширить свою источниковую базу за счет свидетельств еще живущих информантов, использовать метод «устной истории» – сбора и записи «жизненных рассказов», интервью всех видов (нарративных, полуструктурированных, биографических, лейтмотивных, фокусированных и проч.). Такая работа для него - не просто сбор фактов, но создание нового вида эмпирического материала. Собранный воедино, а затем раздробленный на секвенции (части) и распределенный по темам соответственно исследовательскому замыслу, он образует так называемый «вторичный источник».

В советской историографии устным воспоминаниям, например, не слишком доверяли. К ним обращались немногие – вначале те, кто изучал историю советских

фабрик и заводов, затем – те, что занялись историей Великой Отечественной войны. (Курносов 1974). Однако в последние 20 лет устная история буквально прорвалась на страницы публикаций, в том числе и особенно по истории повседневности. В ней оказываются полезными методы работы с автобиографическими текстами, разработанные психологами и социологами, особенно зарубежными. Скажем, одна из таких методик предполагает свободный рассказ, перед которым интервьюер просит интервьюируемого рассказать о себе и своей жизни, не умалчивая ни о чем существенном. Сопоставляется повторяемость тем и жизненных коллизий, что позволяет делать обобщения. (Девятко 1976: 93).

Исследователи, не располагающие возможностями лично, вслух «задать вопрос прошлому», работают с традиционными письменными памятниками. Среди них они выделяют прежде всего эго-документы – биографии, мемуары, дневники и письма. Именно они позволяют понять человека и его поступки в конкретной ситуации, выделить то, что отличает его повседневность от жизни и поведения других, находящихся в тех же обстоятельствах. Но у медиевистов и специалистов по более ранней истории, изучающих человека в его «серой обыденности», зачастую нет ни писем, ни дневников, ни воспоминаний. На помощь повседневному этнологу. Приблизиться к чужой культуре можно путем поиска и *анализа символических форм* – слов, образов, институтов, поступков, – посредством которых люди проявляли себя. Вот почему для медиевиста или специалиста по XVI–XVII вв. главными в реконструкции истории повседневности становятся толкования смыслов и символов, обнаруживаемых при чтении сложившегося корпуса источников.

Пользуясь психологическими приемами вживания («эмпатии») в сокровенное и одновременно банальное, исследователь повседневности неизбежно создает более субъективированное знание, нежели знание, получаемое с помощью традиционного этнографического или исторического описания. В этом – достоинство и своеобразие нового метода восстановления прошлого. Труд исследователя повседневности – это интерпретация чужих мыслей и слов, это чуткий «перевод» с чужого эмоционального языка. В этом он близок работе исследователей истории психологии и специалистов по истории частной жизни (Пушкарева 1997).

Труды историков, изучающих чужие эмоциональные жизни, стилистически отличны от обычных научных трудов равнодушием, вчувствованностью в судьбу другого, личным сопереживанием рассказываемому. В идеале исследования по истории повседневности должны *писаться иным языком*, в который вложено собственное эмоциональное восприятие предметного мира, окружавшего человека прошлого.

Этнографические и социологические методы *включенного наблюдения* применяются, когда исследователь одновременно собирает фактическую информацию и «ведет наблюдение» за ее автором. В этом случае он пользуется информацией из иных источников о контексте написания данного текста этим человеком, например, его возрасте на тот момент, семейной ситуации, психологическом настрое. Анализ стенограммы какого-то важного форума, учитывающей реакцию зала, может быть превращен в методику *анализа фокус-группы* – при изучении повседневности историк часто использует эти этнолого-социологические методы работы.

Радости и страдания, мечты и надежды людей предшествующих поколений часто оставляют лишь случайные следы в исторических источниках, к тому же представленным «зашифровано». Поэтому иногда единственным способом выйти из тупика

становится *переоценка тех свидетельств*, которые уже использовались раньше в ином ракурсе (скажем, газетных статей и фотографий с целью извлечения деталей и примет обыденного быта), привлечение свидетельств иностранцев, которым больше бросаются в глаза культурные отличия в повседневном быту.

Но историк, в итоге, должен привести свои микроисторические изыскания в единую систему взаимосвязей, только в таком виде маленькие элементы помогут ответить на большие вопросы. Не случайно критики истории повседневности как «трогательных рассказов из жизни людей из массы» утверждают, что авторам работ по истории повседневности есть, чему поучиться у специалистов по социальной истории – они имеют в виду сложность преобразования множества «историй» в цельную картину.

Пути такого преобразования хорошо известны социологам.

В собранном однородном массиве источников (записях судебных процессов или, например, автобиографиях или агитационных брошюрах) выделяются отрывки текста (т. наз. «секвенции»), которые структурируются по темам «факт», «контекст», «субъективная значимость для индивида», а затем этот материал подвергается новому анализу с точки зрения повторяемости информации. Большим подспорьем для микроисторика является возможность сравнить получаемые им выводы для определения степени типичности ситуации или реакции, через привлечение иных источников, – но она представляется историку не всегда.

* * *

Обобщая сказанное и признавая некоторую ограниченность концептуально-методологических возможностей «истории повседневности», так и не разработавшей методик интеграции мелких конкретных тем в «тотальную историю», все же нельзя не признать исключительной важности этого направления в современных науках о прошлом. Подчеркнем еще раз: история повседневности возникла на волне очевидного самоисчерпания позитивистских приемов работы с источниками и устаревания прежних объяснительных парадигм (марксистской, структуралистской). От слишком широких обобщений и пренебрежения ко всему, что редко встречалось и не было повсеместно, гуманитарии отпрянули к рассмотрению мелких и мельчайших подробностей, широко привлекая к своему анализу рассказы частных лиц о самих себе. Такой разворот и сейчас таит в себе угрозу подмены собственно анализа эмпатическим пониманием и растолковыванием частных случаев. По сути, история повседневности несет угрозу появления полулюбительских работ в рамках обновленного эмпиризма с его перегруженностью мелкими деталями.

И все же есть в истории повседневности такая значимость, которая перевешивает все эти угрозы. М. Маффесоли, директор Центра исследований повседневной жизни во французской Сорбонне, не устает подчеркивать, что благодаря новому направлению историк и антрополог лишены отныне права вещать с позиций научного превосходства, определяя, что истинно, а что ложно. Они не могут более планировать, каким должно быть будущее общество. Мы все – не более чем участники общественной жизни наравне с другими, свидетели трудной революции духа, абсолютно необходимой, коль скоро мы желаем раскрыть новые формы социальности и по-новому осмыслить прошлое.

Структуры повседневности, составляющие почву порядка, власти, познания, определяются специфически организованными дисциплинарными пространствами

общества. Изучая структуры таких пространств, существовавших в прошлом, люди способны по иному оценить свой каждый настоящий день, его мимолетность, малость, стремительность и в то же время связанность с другими такими же днями, своими и чужими. Каждый из таких дней предстает не случайностью, но неотъемлемой частичкой внутреннего содержания, наполнения культурной традиции.

Изучение истории повседневности заставляет разглядеть типологию там, где она хуже всего просматривается: в индивидуальных решениях, принимаемых в различных ситуациях. Этим повседневное поведение довольно сильно отличается от этнографического изучения быта. Изучая индивидуальные реакции на случившееся, бытующее и повсеместно распространенное, исследователь может прийти к выводу о том, что история повторима. И повторима она потому, что мы сами – не отвлеченные, виртуальные социальные структуры, но живые люди, и мы меняемся. «История повседневности» доказывает: люди не одинаково движутся по одной и той же жизненной колее. Но путь к постижению общего (представлений о мире некоторой группы) через отдельное (жизни, «повседневности» индивидов) – весьма продуктивный путь воссоздания жизни ушедших столетий.

Литература

- Бергер, Лукман* 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Бессмертный* 1996 – *Бессмертный Ю.Л.* Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М.: Наука, 1996.
- Бродель* 1986 – *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. в 3-х т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1.
- Городцов* 1986 – *Городцов В.А.* Бытовая археология. 1910. *Городцов В.А.* Бытовая археология: Курс лекций. М.: Московский Археологический Институт, 1910.
- Гуревич* 1986 – *Гуревич А.Я.* Марк Блок и «Апология истории» / *Блок М.* Апология истории. М.: Наука, 1986. С. 180–198.
- Даль* 1955 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955
- Девятко* 1976 – *Девятко И.* Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1976.
- Забелин* 1869 – *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869.
- Забелин* 1869 – *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа. М.: Типография Грачева и Комп., у Пречистенских в., д. Шиловой, 1869.
- Забелин* 1976 – *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. М.: Типография Грачева и К., 1876.
- Касавин, Щавелев* 2004 – *Касавин И.Т. Щавелев С.П.* Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004.
- Костомаров* 1992 – *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М.: Республика, 1992.
- Курносос* 1974 – *Курносос А.А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР / Археографический ежегодник, 1973. М.: Наука, 1974.
- Лелеко* 1997 – *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 1997.
- Людтке* 1999 – *Людтке А.* «История повседневности» в Германии после 1989 года / *Казус, 1999.* М.: Наука, 1999. С. 117–131.
- Людтке* 1999 – *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы

- в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М.: РОССПЕН, 1999. С. 77–100
- Оболенская 1990 – Оболенская С. В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей: Человек в истории, 1990. М.: Наука, 1990. С. 182–198.
- Пушкарева 2002 – Частная жизнь и повседневность глазами историка // Шмидт С.О. (ред.). Города европейской России конца XV – первой половины XIX в. Тверь: ТГУ, 2002. Ч. 1. С. 49–63
- Пушкарева 2005 – Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение, 2004. № 5. С. 3–19.
- Пушкарева 2005 – Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Glasnik Etnografskogo instituta SAN (Beograd), 2005. № LIII. P. 21–34.
- Самоквасов 1875 – Самоквасов Д.Я. Очерк политических учреждений и обычного права древнейших учреждений и обычного права древнейшего периода истории русского народа. М.: Тип. М. Земкевича и В. Ноаковского, 1875.
- Самоквасов 1908 – Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М.: Синодальная тип., 1908.
- Словарь 1983 – Словарь русского языка в 4 т. М., 1983. Т. 3.
- Тереженко 1997 – Тереженко А.Б. Быт русского народа. М.: Русская книга, 1997. (первое издание – СПб., 1848).
- Уваров 1871 – Уваров А.С. Миряне и их быт по курганным раскопкам. СПб. 1871.
- Фицпатрик 2001 – Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЕН, 2001.
- Формозов 1961 – Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Издательство АН СССР, 1961.
- Щавелев 1993 – Щавелев С.П. Эпизоды истории русской археологии (К 150-летию со дня рождения Д.Я. Самоквасова) // Российская археология, 1993. № 1. С. 221–222.
- Certeau Michel de 1980 – Certeau Michel de. Arts de faire: L'Invention du quotidien. Paris: Galimard, 1980.
- Lipp 1993 – Lipp C. Alltagskulturforchung, Sociologie und Geschichte. Aufstieg und Niedergang eines interdisziplinären Forschungskonzepts // Zeitschrift für Volkskunde. 1993. 89 Jg. Hf. 1. P. 2–21.
- Maffesoli 1989 – Maffesoli M. The Sociology of Everyday Life (Epistemological Elements) // Current Sociology. 1989. Vol. 37. P. 3–16.

References

- Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Moscow, 1995.
- Bessmertnyi Iu.L. Chelovek v krugu sem'i. Ocherki po istorii chastnoi zhizni v Evrope do nachala novogo vremeni, Moscow, 1996.
- Brodel' F. Struktury povsednevnosti: Vozmozhnoe i nevozmozhnoe // Brodel' F. Material'naiia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. V 3-kh vol. Moscow, 1986. Vol. 1.
- Gorodtsov V.A. Bytovaia arkheologiia, 1910.
- Gurevich A.Ia. Mark Blok i "Apologiia istorii" // Blok M. Apologiia istorii. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 180–198.
- Dal' V.I. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka. Moscow, 1955. Vol. 1.
- Deviatko I. Modeli ob"iasneniia i logika sotsiologicheskogo issledovaniia. Moscow, 1976.
- Zabelin I.E. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiiakh. Moscow, 1869.
- Zabelin I.E. Domashnii byt russkogo naroda. Moscow, 1869.
- Zabelin I.E. Istoriia russkoi zhizni s drevneishikh vremen. M., 1876.
- Samokvasov D.Ia. Ocherk politicheskikh uchrezhdenii i obychnogo prava drevneishikh uchrezhdenii i obychnogo prava drevneishego perioda istorii russkogo naroda. Moscow, 1875.
- Kasavin I.T. Shchhavelev S.P. Analiz povsednevnosti. Moscow, 2004.
- Kostomarov N. I. Ocherk domashnei zhizni i nravov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiiakh.

- Moscow, 1992.
- Kurnosov A.A.* Vospominaniia-interv'iu v fonde Komissii po istorii Velikoi Otechestvennoi voiny Akademii nauk USSR // Arkheograficheskii ezhegodnik. 1973. Moscow, 1974.
- Leleko V.D.* Prostranstvo povsednevnosti v evropeiskoi kul'ture. St. Petersburg, 1997.
- Liudtke A.* "Istoriia povsednevnosti" v Germanii posle 1989 goda // Kazus. 1999. Moscow, 1999. Pp. 11–131.
- Liudtke A.* Chto takoe istoriia povsednevnosti? Ee dostizheniia i perspektivy v Germanii // Sotsial'naia istoriia. Ezhegodnik, 1998/99. Moscow, 1999. Pp. 77–100.
- Obolenskaia S. V.* "Istoriia povsednevnosti" v sovremennoi istoriografii FRG // Odissei: Chelovek v istorii. 1990. Moscow, 1990. Pp. 182–198.
- Pushkareva N.L.* "Istoriia povsednevnosti" i etnograficheskoe issledovanie byta: raskhozheniia i persecheniia // Glasnik Etnografskogo instituta SAN (Beograd). 2005. No. LIII. Pp. 21–34.
- Pushkareva N.L.* Chastnaya zhizn i povsednevnost glazami istorika // Shmidt S.O. (red.). Goroda evropeyskoy Rossii kontsa XV – pervoy poloviny XIX v. Vol. 1. Tver: TGU, 2002. Pp. 49–63.
- Pushkareva N.L.* Predmet i metody izucheniia istorii povsednevnosti // Etnograficheskoe obozrenie, 2004. No. 5. Pp. 3–19
- Samokvasov D.Ia.* Severianskaia zemlia i severiane po gorodishcham i mogilam. Moscow, 1908.
- Slovar' russkogo iazyka v 4 vol. Moscow, 1983. Vol. 3.
- Tereshchenko A.B.* Byt russkogo naroda. Moscow, 1997.
- Uvarov A.C.* Miriane i ikh byt po kurgannym raskopkam. St. Petersburg, 1871.
- Fitspatrik Sh.* Stalinskie krest'iane. Sotsial'naia istoriia Sovetskoii Rossii v 30-e gody: derevnia. Moscow, 2001.
- Formozov A.A.* Ocherki po istorii russkoi arkheologii. Moscow, 1961.
- Shchavalev S.P.* Epizody istorii russkoi arkheologii (K 150-letiiu so dnia rozhdeniia D.Ia. Samokvasova) // Rossiiskaia arkheologiia, 1993. No. 1. Pp. 221–222.
- Certeau Michel de.* Arts de faire: L'Invention du quotidien. Paris, 1980.
- Lipp C.* Alltagskulturforshung, Sociologie und Geschichte. Aufstieg und Niedergang eines interdisziplinären Forschungskonzepts // Zeitschrift für Volkskunde, 1993. 89 Jg. Hf. 1. Pp. 2–21.
- Maffesoli M.* The Sociology of Everyday Life (Epistemological Elements) // Current Sociology. 1989. Vol. 37. Pp. 3–16.

N.L. Pushkareva. The History of Everyday Life as a Field of Research: Analysing Historical and Anthropological Turn in Social Sciences.

The paper proved that domestic humanities (that abandoned and rejected the Soviet ideological doctrine) quickly absorbed, assimilated and interiorized the formation of scientific knowledge, operated by foreign researchers. A considerable role in this updated scientific approaches began to play "history of everyday life" – a branch of historical knowledge, which goal of study embraces the sphere of human commonness in its multiple historical, cultural, political, ethnic and religious contexts. The article presents the main results of the scientific research named "history of everyday life", its impact for the system of social and humanitarian knowledge, identifies the stages of this research process, as well as the most important participants (authors).

Key words: *daily life, the history of everyday life, new social history, historical anthropology, life routine, methods of historical knowledge.*

**ПРОГРАММА КАНДИДАТСКОГО ЭКЗАМЕНА «ЭТНОГРАФИЯ,
ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ» ПОСЛЕВУЗОВСКОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АСПИРАНТУРЕ
ИЭА РАН ПО НАПРАВЛЕНИЮ 46.06.01 ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
И АРХЕОЛОГИЯ***

Введение

Кандидатский экзамен ставит целью выяснить степень овладения материалом этнологической и антропологической теории, истории этнологии и антропологии, а также сведениями об антропологическом и этнокультурном составе мира.

Оценивается способность аспирантов ориентироваться в проблемах этнологического и антропологического источниковедения, а также знание главных вех развития этнологической и антропологической науки как в России, так и за рубежом, знакомство с методиками полевых исследований, с данными этнической истории, духовной и материальной культуры отдельных народов, демографическими данными.

Требуются знания об основных новых направлениях в отечественной и зарубежной этнолого-антропологической системе наук, понимание сути дискуссий по важнейшим проблемам этнологии и антропологии, этногенеза и этнокультурного развития народов мира, знакомство с основными этнологическими трудами, включая и литературу на иностранных языках.

Сдающие экзамен должны быть готовы к дополнительным вопросам для уточнения глубины их знаний и возможности свободного обсуждения проблем этнологии/антропологии.

ЧАСТЬ I

**РАЗДЕЛ 1. ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПОЛОЖЕНИЯ
ЭТНОЛОГИИ/АНТРОПОЛОГИИ**

1. Система этнолого-антропологических дисциплин, их предметная область

Соотношение понятий «этнология», «этнография», «культурная антропология», «социальная антропология», «народоведение», «Volkskunde/Völkercunde». Связь этнолого-антропологических дисциплин с историей, географией, социологией, физической (биологической) антропологией и другими науками.

Особенности и эволюция представлений о предметной области этнолого-антропологических наук в России и зарубежных странах. Смысл понятий «этнос», «этничность», «этни», «культура» и связанных с ними теоретических проблем. Основные понятия, используемые для обозначения этнических общностей: этнос, субэтнос, этническая группа, этнографическая группа, метаэтнос.

* Программа принята Ученым советом Института этнологии и антропологии РАН 17 мая 2016 г.

Субдисциплины этнологии: этностатистика и этнодемография, этнолингвистика, этнопсихология, этносоциология, этноэкология, этноархеология, юридическая антропология, медицинская антропология и др.

2. Источники и методы этнолого-антропологических исследований

Первичные и вторичные источники. Виды источников: полевые этнографические и этносоциологические материалы, письменные источники, фольклорные материалы, нарративы, вещественные источники, археологические артефакты, антропологические находки и значение физико-антропологических исследований для этнологии.

Выбор источников применительно к разным исследовательским целям. Комплексность использования источников, включая данные смежных наук.

Методологические основы исследовательской работы. Синхронный и диахронный подходы. Историко-культурный и кросс-культурный методы. Методы функционального и структурного (структурно-функционального) анализа. Системный принцип.

Методика работы в поле. Подготовка к полевым выездам. Виды экспедиционных исследований. Особенности метода «включенного наблюдения». Способы сбора полевых материалов. Этнографические интервью, методика работы с информантами и организации «этнографического поля». Использование технических средств фиксации полевого материала. Анкетирование: виды анкетирования, методика составления анкет, критерии репрезентативности выборки, соответствующей исследовательским задачам.

3. Классификации, принятые в этнолого-антропологических исследованиях

Этнокультурная географическая классификация. Понятия «историко-культурная провинция», «историко-культурная область», «историко-этнографическая общность».

Лингвистические классификации. Принципы генетической языковой классификации. Палеолингвистика и ностратическая теория. Язык, наречие, диалект, говор. Языковые семьи народов мира. Изолированные языки.

Антропологическая классификация. Расовые признаки. Причины возникновения расовых различий. Полицентрическая теория появления рас. Традиционная классификация больших рас: европеоидная, монголоидная, негроидная (австрало-негроидная: вариант – австралоидная и негроидная расы) расы и их морфологические характеристики. Другие классификации: капоиды, негроиды, австралоиды, европеоиды (кавказоиды в американской науке), монголоиды и американоиды. Малые расы. «Переходные» расы. Проблема расы в современной этнолого-антропологической науке.

Конфессиональная классификация. Мировые, региональные, локальные религии, исторические обстоятельства их возникновения и особенности. Прозелитизм. Понятие «этноконфессиональная группа».

Буддизм. Социально-исторические условия его возникновения. Сидхартха Гаутама. Будда Шакьямуни. Трипитака. Вероучение и культ раннего буддизма. Раскол буддизма в I–II вв. н.э.: хинаяна и махаяна. Тхеравада, ваджраяна, ламаизм. Распространение и эволюция буддизма за пределами Индии. Буддизм на территории России.

Буддизм в современном мире. Буддийский модернизм и европейский необуддизм.

Христианство. Возникновение и развитие христианства в I–V вв. н.э. Иисус Христос. Библия: Ветхий Завет, Новый завет. Исторические условия возникновения христианства. Первые христианские общины. Монофизитство. Католицизм, православие, протестантизм: обстоятельства возникновения, общие и особенные черты в вероучении и культуре. География распространения.

Ислам. Социально-исторические условия возникновения. Мухаммад. Коран. Сунна. Вероучение и культ раннего ислама. Географии распространения ислама. Раскол и основные направления в исламе: суннизм, шиизм, исмаилизм. Ваххабизм. Суфизм и его основные тарикаты. Мазхабы. Ислам на территории России. Ислам в современном мире: борьба модернизма и традиционализма. Исламский фундаментализм и исламский радикализм. «Исламизм», концепция «исламского мира».

Региональные и локальные религиозные системы. Иудаизм, индуизм, джайнизм, сикхизм, синтоизм. Синкретические культы. Неоязычество.

Ранние формы религии. Анимизм, тотемизм, аниматизм. Фетишизм. Шаманизм.

Религиозные системы в раннеклассовых обществах (Греция, Египет, Передняя Азия, Новый Свет).

Хозяйственно-культурная классификация. Концепция хозяйственно-культурных типов Н.Н. Чебоксарова и М.Г. Левина. Типы присваивающего и производящего хозяйства. Проблема неолитической революции. Конвергенция и культурные заимствования.

«Культурные ареалы», «пищевые ареалы» (Ф. Боас, К. Уисслер, А. Крейбер).

4. Процессы антропосоциогенеза

Основные этапы формирования человека современного вида. Пути расселения по земному шару. Расообразование. Довербальные/невербальные способы общения. Появление и развитие человеческой речи.

Различия в орудийной деятельности человека и высших приматов.

Понятие «соционормативная система» («соционормативная культура»). Половозрастное разделение труда и социальных функций. Проблема *матриархата* в историографии.

Основные типы семьи и брака. Концепция Л.Г. Моргана и ее критика. Полигиния, полиандрия. Проблема полигамии и моногамии в этнологической литературе. Возрастные классы и возрастные группы. Системы возрастных инициаций. «Обряды перехода», их виды и функции. Обычай избегания. Проблема возникновения экзогамии.

Основные типы общины. Соотношение кровнородственных и общинно-территориальных связей. «Линидж», род, племя, фратрия. Материнская и отцовская системы родства. Проблема происхождения экзогамии.

Социальная стратификация и функциональная дифференциация. Кастовая и словесная стратификация.

Потестарная стадия общественного развития. Вождество. «Военная демократия». Классообразование. Переход от ранней государственности к развитой.

5. Этнические процессы

Проблема этнических границ. Особенности этнического самосознания, его место в системе идентичностей. Этногенетические процессы. Объединительные и разъединительные, этноэволюционные и этнотрансформационные процессы (в трактовке советской этнологической школы). Понятия «аккультурация», «ассимиляция». Значение межкультурного взаимодействия и конвергенции в истории человечества. Миграционные процессы. Проблема понимания *диаспоры* в современном мире.

6. Этнополитические проблемы

Этапы развития и структура международного этнического права. Право на самоопределение в исторической ретроспективе и в современном международном праве. Этнические меньшинства. Статус этнических меньшинств. Типология меньшинств. Исторические особенности формирования меньшинств. Понятия «коренные народы», «аборигенные народы» и т.п. Международное право о меньшинствах и аборигенных народах. Этническая политика в Российской империи, СССР и Российской Федерации. Основные международные и российские правовые акты.

Политическое значение проблемы соотношения понятий «этнос» и «нация», «этническое» и «национальное». Национализм и этнонационализм, их проявления в современном мире.

Правовое определение геноцида. Виды геноцида. Правовое определение апартеида. Виды апартеида: расовая сегрегация и дискриминация.

Типология ситуаций межэтнического взаимодействия. Понятие социально-культурной дистанции. Этнические стереотипы, этнические, религиозные, расовые фобии, Факторы межэтнической напряженности. Межэтнические конфликты и пути их предупреждения.

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

1. «Предыстория» этнологии

Накопление этнографических данных в древности и в средние века. Расширение этнографических знаний в XVI – первой половине XIX века; значение Великих географических открытий. Первые попытки концептуализации знаний о народах мира (Руссо, Дидро, Фергюссон, Монтескье, Вольтер, Кондорсе).

Расширение границ Российского государства в XVII–XVIII вв. как предпосылка становления отечественной этнологии. Труды Семена Ремезова (старшего). Камчатские экспедиции Витуса Беринга. С.П. Крашенинников. Академические экспедиции. Работы И.-Г. Георги, Г.Ф. Миллера, И.И. Лепехина и др. «Норманская теория».

2. Становление этнологии. Эволюционизм

Возникновение этнологических обществ в Европе и США.

Отделение этнографии Императорского Русского географического общества, «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии» (ОЛЕАЭ) при

Московском университете. Экспедиции российских путешественников в XIX в. Этнографические журналы. «Этнографическое бюро» В.Н. Тенишева.

Эволюционизм в естественных науках. И. Кант, П.С. Лаплас, Ч. Лайелл, А. Гумбольдт, К. Линней, Ч. Дарвин. Причины появления эволюционизма, его антиклерикальная направленность.

Эволюционизм в этнологии, его основные принципы. Особенности взглядов Дж. Ф. Мак-Леннана, Дж. Лёббока, Э. Тайлора, Л.Г. Моргана. «Золотая ветвь» Дж. Фрэзера.

Особенности эволюционизма в России. Н.И. Надеждин, К.Д. Кавелин, М.И. Кулишер, М.М. Ковалевский, Л.Я. Штернберг, В.Г. Богораз-Тан, В.И. Иохельсон и др. Д.Н. Анучин.

Влияние эволюционизма на марксизм.

Критика эволюционизма в зарубежной этнологии.

3. Расистские теории

Теоретические основы «социального дарвинизма». Т. Мальтус, Г. Спенсер. «Научный расизм» Ж.А. де Гобино, О. Аммона, Л. Вольтмана, В. Де Ляпужа, Х.С. Чемберлена.

Расовая теория в нацистской Германии. Г.Ф.К. Гюнтер.

Неорасизм и неонацизм в наши дни. «Культурный расизм». В. Авдеев, А. Савельев.

4. Диффузионизм

Ф. Ратцель как предтеча диффузионизма.

Особенности взглядов Л. Фробениуса, Ф. Гребнера, В. Шмидта, У. Риверса, Г. Эллиот-Смита и У.Дж. Перри.

5. Фрейдизм

Основные положения метода «психоанализа» З. Фрейда. Его изыскания в области этнологии.

Последователи З. Фрейда: Г. Рохейм, В. Райх, О. Ранк. «Неофрейдизм» во второй половине XX века.

6. «Историческая школа»

Ф. Боас – основоположник «исторической школы». Ее общие положения. Особенности понимания *историзма*. Понятия «этнография» и «этнология» в трактовке представителей школы. Особенности взглядов К. Уисслера, А. Крёбера, А. Гольденвейзера, Р. Лоуи, П. Радина.

7. Психологическое направление в американской культурной антропологии

Основные положения «Школы культуры и личности». Понятие «основная личность». Взгляды А. Кардинера, Э. Сэпира, Р. Линтона, Р. Бенедикт, М. Мид, К. Дюбуа, И. Халлоуэлла.

8. Французская социологическая школа

О. Конт – предтеча школы. Основные положения «социологического детерминизма» Э. Дюркгейма. Особенности взглядов М. Мосса и Л. Леви-Брюля.

9. Функционализм и структурализм

Функционалистские взгляды Н.Н. Миклухо-Маклая.

Эпистемологические, идеологические и политические предпосылки возникновения британского функционализма и его основные положения. Труды Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Брауна.

Британский структурализм. Э. Эванс-Притчард и его труд «Нуэры». М. Фортес, Р. Фёрс, М. Глакман.

Французский структурализм. Метод К. Леви-Стросса.

10. Советская этнография в первой половине XX века

Складывание организационных форм советской этнографии. Переход от дореволюционных научных традиций к официальному «марксизм-ленинизму». Репрессированные этнографы. Развитие этнографических исследований в целях государства. Роль этнографов в «национально-государственном размежевании» в Туркестане.

«Яфетическая теория» Н.Я. Марра.

11. Западная культурная/социальная антропология во второй половине XX – начале XXI века

Американская культурная антропология и британская социальная антропология: от различий к симбиозу.

Культурный релятивизм М. Херсковица.

Неоэволюционизм. Особенности взглядов Л. Уайта, М. Саллинса, Дж. Стюарда.

Концепция *этничности*. «Примордиализм», «конструктивизм», «инструментализм». П.Л. Ван ден Берге, Ф. Барт, Э. Геллнер, Э. Смит, Э. Хобсбом, Б. Андерсон, Х. Ортега-и-Гассет.

Интерпретативная антропология К. Гирца.

«Цивилизационное» направление. С.Ф. Хантингтон.

«Постмодернизм».

12. Отечественная этнология во второй половине XX – начале XXI века

Расширение этнографических исследований. Становление новых направлений, субдисциплин этнографии и смежных дисциплин. Дискуссии 1960-х – начала 1970-х годов Концепция хозяйственно-культурных типов М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова.

Концепции *этнoса*. Взгляды С.М. Широкогорова, Ю.В. Бромляя, Л.Н. Гумилева и их критика.

«Антропологизация» отечественной этнологии в 1990-е годы.

РАЗДЕЛ 3. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ МИРА

1. Африка

Природно-климатическая зональность. Африка – первоначальный центр антропогенеза.

Этногенез. Автохтонное население и миграционные волны.

Физико-антропологические характеристики. Языковые семьи. Религии и традиционные культы. Религиозный синкретизм.

Системы жизнеобеспечения.

Традиционная социальная организация.

Раннеклассовые государства. Арабские завоевания и распространение ислама.

Декolonизация и противоречивость модернизационных процессов во второй половине XX – начале XXI века.

2. Австралия

Особенности природно-климатических условий.

Проблема хронологии заселения. Физико-антропологическая характеристика населения Австралии и Тасмании.

Особенности социальной организации. «Локальная группа», племя. Формы брака и семьи. Брачные классы. «Австралийская контроверза». Инициации.

Языковые семьи. «Языковая непрерывность».

Система жизнеобеспечения.

Традиционные религиозные представления и практики.

Изменение состава населения Австралии с начала британской колонизации и формирование австралийской нации. Положение и адаптация австралийских аборигенов. Судьба тасманийцев.

3. Океания

Географическое районирование: Меланезия, Микронезия, Полинезия. Особенности природно-климатических условий.

Формирование населения. Языковое многообразие народов Океании. Наиболее крупные народы и государства. Физико-антропологическая характеристика народов Океании.

Системы жизнеобеспечения.

Социальные отношения и социальная организация до появления европейцев: от первобытности к предклассовым/раннеклассовым обществам.

Традиционные религиозные культы и практики. Религиозный синкретизм как реакция на европейскую колонизацию.

4. Юго-Восточная Азия

Особенности природно-климатических условий. Страны региона. Физико-антропологические, языковые и конфессиональные характеристики народов ЮВА.

Происхождение народов ЮВА. Древние межкультурные контакты с соседними регионами Азии.

Системы жизнеобеспечения.

Социальные отношения и социальная организация. Социальная стратификация и классовое образование. Древние и средневековые государства.

Особенности и последствия европейской колонизации и деколонизации.

5. Восточная Азия

Особенности природно-климатических условий. Страны региона.

Палеоантропологическая и археологическая история ВА. Этногенез народов региона. Физико-антропологические, языковые, и конфессиональные характеристики народов региона. Особенности даосизма и конфуцианства как социально-этических систем. *Синтоизм* и религиозный синкретизм в современной Японии.

Древние и средневековые государственные образования.

Системы жизнеобеспечения.

Социальная организация.

6. Центральная Азия

Географическое районирование. Особенности природно-климатических условий. Страны региона. Происхождение народов Центральной Азии. Языковые, физико-антропологические и конфессиональные характеристики. Особенности ламаизма.

Системы жизнеобеспечения. Кочевничество степей Центральной Азии.

7. Южная Азия

Географическое районирование. Особенности природно-климатических условий. Страны региона: континентальная и островная части.

ЮА как один из центров антропосоциогенеза? Проблемы формирования народов региона. Загадки Хараппы и Мохенджо-Даро. «Арии». Миграции и завоевания.

Физико-антропологические, языковые и конфессиональные характеристики народов региона. Специфический для региона *сикхизм*.

Особенности природно-климатических условий. Системы жизнеобеспечения. Пищевые запреты.

Эволюция социальных отношений и социальной организации. Кастовая система.

Культурное и языковое влияние европейской колонизации на современную жизнь индийского общества.

Последствия деколонизации: государственное дробление региона, межэтнические конфликты.

8. Передняя (Юго-Западная Азия)

Географическое районирование. Особенности природно-климатических условий. Страны региона.

Проблемы первоначального заселения Месопотамии, языковых и этнокультур-

ных характеристик древнего населения, связей с Южной Азией. Древние религиозные системы. Зороастризм.

Современные физико-антропологические, языковые и конфессиональные характеристики.

Системы жизнеобеспечения. Земледелие, скотоводство, смешанные хозяйственные комплексы.

Этнополитические процессы в I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. Арабское завоевание и распространение ислама.

Проблемы модернизации исламского мира. Ислам и «исламизм» в современном мире.

9. Средняя Азия и Казахстан

Понятия «Туркестан», «Средняя Азия (и Казахстан)», «Центральная Азия».

Древнейшие палеоантропологические и археологические данные о населении региона.

Природно-географическое районирование региона, хозяйственная специализация, взаимодействие носителей различных хозяйственно-культурных типов. Особенности земледелия в регионе. Виды кочевого и полукочевого скотоводства.

Взаимодействие тюркских и иранских компонентов в этногенезе и политической истории народов Средней Азии. Влияние Южной и Передней Азии. Следы буддизма и зороастризма. Эллинизация, арабское влияние и распространение ислама.

Современные физико-антропологические, языковые и конфессиональные характеристики народов региона.

Особенности «советизации» в эпоху СССР. Последствия распада СССР для этнокультурного развития региона.

10. Народы Кавказа

Географическое положение, природно-климатическое районирование, страны региона, административно-территориальное деление российского Кавказа.

Наиболее ранние археологические и палеоантропологические находки. Культурная преемственность в древности. Древние и средневековые государства. Связи с Передней Азией. Миграционные волны и иноземные завоевания. Вхождение в состав России.

Современные физико-антропологические, языковые и конфессиональные характеристики народов региона.

Системы жизнеобеспечения. Социальная организация. Традиционная духовная культура.

11. Народы Сибири и Дальнего Востока

Географическое и природно-климатическое районирование. Дальний Восток в широком и узком значениях термина.

Ранние палеоантропологические и археологические находки. Пути заселения Сибири и современного российского Дальнего Востока.

Современные физико-антропологические, языковые и конфессиональные характеристики народов региона Сибири и Дальнего Востока. Очаги формирования

основных языковых общностей. Взаимодействие монголоидных и европеоидных, тюркских, монгольских и иранских компонентов.

Государственные образования на территории Сибири.

Традиционные хозяйственно-культурные типы.

Присоединение к России, освоение Сибири и Дальнего Востока выходцами из Европейской части России и СССР. Особенности советской модернизации. Современные проблемы территорий традиционного природопользования коренных народов Сибири и Дальнего Востока.

12. Восточнославянские народы

Происхождение, этническая и политическая история. «Норманнская теория» в отечественной историографии.

Современные физико-антропологические, языковые и конфессиональные характеристики народов региона. Один народ или три? Языки или диалекты? Субэтнические группы восточнославянских народов. Проблемы этнического самоопределения казаков и поморов.

Эволюция систем жизнеобеспечения. Эволюция социальных отношений.

Расселение восточных славян за рубежом. Проблема соотношения понятий «русские» – «русскоязычные» – «русский мир».

13. Народы Европейской части России

Природно-климатическое районирование региона.

Народы. Происхождение, их современные физико-антропологические, языковые и конфессиональные характеристики. Субэтнические группы.

Традиционные системы жизнеобеспечения. Традиционная социальная организация.

14. Народы Зарубежной Европы

Географическое и природно-климатическое районирование. Страны и народы Восточной, Центральной, Западной, Северной и Южной Европы.

Заселение Европы. Ранние палеоантропологические и археологические находки.

Основные этапы этногенеза народов зарубежной Европы. Их современные физико-антропологические, языковые и конфессиональные характеристики.

Эволюция культуры, социальной организации и политических структур: глобальная магистраль или специфический европейский вариант развития мировой цивилизации?

Внутренние миграции и внешняя иммиграция. *Проблема мультикультурализма.*

15. Америка

Понятия «Северная Америка», «Южная Америка», «Мезоамерика», «Латинская Америка».

Географическое и природно-климатическое районирование.

Заселение Америк: пути и время. Проблема контактов с народами Океании в древности. Физико-антропологические, языковые и конфессиональные характеристики коренных народов Америки.

Системы жизнеобеспечения коренных народов Америки до европейцев. Особенности эволюции хозяйства и культуры по сравнению с Евразией.

Традиционные системы социальных отношений. Предклассовые общества Северной Америки. Классообразование. Государства доколумбовой эпохи.

Европейская колонизация. Формирование современных американских наций: миграции, этнический и конфессиональный состав.

БИЛЕТЫ К ЭКЗАМЕНУ КАНДИДАТСКОГО МИНИМУМА ПО ЭТНОГРАФИИ, ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Билет 1

1. Понятия «этнология», «этнография», «антропология». Место этнологии в системе наук о человеке и обществе.
2. Народы Сахеля: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Биологизаторские течения в этнологии. Расизм: зарождение, эволюция. Социальный дарвинизм. Биологический и культурный расизм.

Билет 2

1. Международная и отечественная правовая база этнической политики.
2. Народы Западной Сибири: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Религии мира: происхождение, основные постулаты, распространение.

Билет 3

1. Проблемы объектно-предметной области этнолого-антропологических исследований.
2. Народы Северной Африки, Ближнего Востока и Передней (Западной) Азии: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Современная религиозная ситуация в России.

Билет 4

1. Ислам.
2. Народы Латинской Америки и Карибского бассейна: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Основные направления и концепции этнологических исследований в СССР в 1920–1980-е годы.

Билет 5

1. Понятие «культура».
2. Народы Западной и Центральной Европы: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Антропогеография и диффузионизм.

Билет 6

1. Происхождение человека.
2. Белорусы, русские, украинцы: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Примордиализм, конструктивизм, инструментализм, постмодернизм в зарубежной антропологии.

Билет 7

1. Соотношение этноса, расы, популяции.

2. Народы Австралии и Океании: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Социалистическая мысль и этнология в XIX – начале XX века. Взгляды «австромарксистов», В.И. Ленина и И.В. Сталина на «национальный вопрос».

Билет 8

1. Антропологический облик человечества.
2. Народы Поволжья и Приуралья: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Великие географические открытия и их значение для становления и развития этнологии.

Билет 9

1. Прикладные исследования в этнологии и их значение для общества и государства.
2. Народы Дальнего Востока: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Влияние фрейдизма на этнологию.

Билет 10

1. Языковые классификации. Типы классификаций, их критерии. Языковые семьи и их структура.
2. Народы Закавказья: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. (Этно)психологическое направление в зарубежной и отечественной этнологии/антропологии.

Билет 11

1. Источники и методы этнологических исследований.
2. Народы Северо-Запада России: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Эволюционизм и неозволюционизм в этнологии.

Билет 12

1. Этническая, расовая, религиозная ксенофобия и экстремизм: их причины и проявления.
2. Народы Южной Сибири: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Научная деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая.

Билет 13

1. Православие. Католицизм.
2. Народы Восточной Сибири: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Социологическое направление в этнологии. Э. Дюркгейм и его последователи.

Билет 14

1. Становление этнологии/этнографии как самостоятельной научной дисциплины.
2. Народы Средней Азии и Казахстана: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Концепция этноса С.М. Широкогорова. «Теория этноса» и концепция Л.Н. Гумилева.

Билет 15

1. Функционализм и структурализм.
2. Народы Скандинавского полуострова и Британских островов.
3. Ведизм и брахманизм. Индуизм. Джайнизм.

Билет 16

1. Этническое самоопределение: история вопроса, взгляды на суть и формы этнического самоопределения.
2. Народы Северного Кавказа: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Монголоидная раса.

Билет 17

1. Предыстория этнологии.
2. Народы Восточной Европы: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Христианство.

Билет 18

1. Проблема соотношения коллективных (этнических) прав и прав индивидуальных.
2. Народы Южной Европы: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Протестантизм.

Билет 19

1. «Историческая школа» в американской антропологии. Культурный релятивизм М. Херсковица.
2. Народы Центральной и Восточной Азии: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Негроидно-австралоидная раса (негроидная и австралоидная расы).

Билет 20

1. Представления о нации и этносе в современной этнологии.
2. Народы Южной Азии: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Важнейшие центры, направления и концепции этнологических исследований в дореволюционной России.

Билет 21

1. Европеоидная раса.
2. Народы Юго-Восточной Азии: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. «Национальная» (этническая) политика в СССР.

Билет 22

1. Классификации, используемые в этнологии.
2. Народы Северной Америки: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Ранние формы религии.

Билет 23

1. Буддизм: его течения и современные разновидности.
2. Народы Африки южнее Сахеля: происхождение, языки, антропологический облик, религии.
3. Неоязычество.

Рекомендуемая литература

- Алексеев В.П.* География человеческих рас. М.: Мысль, 1974. URL: <http://fii1uelooku>.
- Алексеев В.П.* Этногенез. М.: Наука, 1986. URL: <http://www.studmed.ru/>.
- Антропологический словарь. М.: Классик Стиль, 2003.
- Арутюнов С.А.* Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. Lewiston – Queenston – Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000. 386 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/261004/>.
- Большой толковый социологический словарь (Collins). В 2-х т. М.: Вече, АСТ, 1999. URL: <http://www.twirpx.com/file/524958/>.
- Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. URL: <http://www.twirpx.com>.
- Бутовская М.Л., Файнберг Л.А.* У истоков человеческого общества (поведенческие аспекты эволюции человека). М.: 1993. 256 с. URL: <http://static.iea.ras.ru>.
- Громов Г.Г.* Методика этнографических экспедиций // Вестник антропологии. Новая серия. 2015. № 1–3. URL: <http://antromercury.ru>.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. Л., 1989. URL: <http://gumilevica>.
- Жуковская Н.Л.* Монголия: мир кочевой культуры: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2014. 239 с. URL: <http://iea-ras.ru>.
- Зубов А.А.* Колумбы каменного века. Как заселялась наша планета. М.: АКТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. URL: <http://gk-domstroy.ucoz.ru>.
- Казьмина О.Е., Пучков П.И.* Конфессии мира: вероучение, ритуал, организационное устройство, численность последователей и современное распространение. М., 2008.
- Крюков М.В., Зельнов И.* (отв. ред.) Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы. Методы // Свод этнографических терминов и понятий. М.: Наука, 1988. URL: <http://iea-ras.ru>.
- Новикова Н.И.* (отв. ред.) Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. Серия: Исследования по антропологии права. М.: Издательский дом «Стратегия», 2008. URL: <http://iea-ras.ru>.
- Пименов В.В.* (ред.) Основы этнологии: учеб. Пособие. М., 2007. URL: <http://www.twirpx.com>.
- Соколовский С.В.* (отв. ред.) Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях / авторы: О. Богатова, Н. Богатырь, М. Кожевникова, Н. Мазалова, И. Морозов, С. Соколовский, В. Шнирельман. М.: ИЭА РАН, 2015. URL: <http://static.iea.ras.ru/books>.
- Соколовский С.В.* Защита прав меньшинств и коренных народов. М., 2006. URL: <http://static.iea.ras.ru/books>.
- Тишков В.А.* (гл. ред.) Народы и религии мира / редкол.: О.Ю. Артемова, С.А. Арутюнов, А.Н. Кожановский, В.М. Макаревич (зам. гл. ред.), В.А. Попов, П.И. Пучков (зам. гл. ред.), Г.Ю. Ситнянский. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 928 с. URL: <http://static.iea.ras.ru/books>.
- Тишков В.А.* и др. (отв. ред.) Народы России: Атлас культур и религий. М.: Феория, 2008. 320 с. URL: <http://static.iea.ras.ru/books>.
- Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. 544 с. URL: <http://static.iea.ras.ru/books/>
- Тишков В.А., Шабает Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Издательство Московского университета, 2011. 376 с.

URL: <http://static.iea.ras.ru/books>.

Тишков В.А., Шнирельман В.А. (ред.). Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. 601 с. URL: <http://static.iea.ras.ru>.

Токарев С.А. Истоки этнографической науки (до середины XIX в.). М., 1978.

Токарев С.А. История зарубежной этнографии: учеб. Пособие. М., 1978. URL: <http://www.torrentino.com>.

Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966. URL: <http://www.twirpx.com>.

Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. URL: <http://adverbium.org/ru>.

Чешко С.В. Этнология и социальная антропология : учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования / С.В. Чешко. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 240 с. URL: <http://iea-ras.ru>.

Дополнительная литература

Андерсен Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. URL: <http://library.khpg.org/files>.

Артемова О.Ю. Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009. URL: <http://static.iea.ras.ru/books>.

Белик А.А. (ред.). Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М.: Смысл, 2001. 555 с. URL: <http://static.iea.ras.ru>.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. URL: <http://www.twirpx.com>.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985. URL: <http://static.iea.ras.ru>.

Малиновский Б. Научная теория культуры. М., 1999. URL: <http://www.twirpx.com/file/390132/>.
Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. М.: Советская энциклопедия. Том. 1 1987. Т. 2. 1988. URL: <http://www.alleng.ru>.

Морган Л.Г. Лига ходеносауни, или ирокезов // Этнографическая библиотека. М., 1983. URL: <http://static.iea.ras.ru>.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М., 1996. URL: <http://sbiblio.com>.

Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. СПб., 2008. URL: <http://www.twirpx.com>.

Редклифф-Браун А.П. Структура и функции в примитивных обществах. М., 2001. URL: <http://yanko.lib.ru>.

Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Наука. Т. 1. 2002. Т. 2. 2003. URL: <http://www.ihst.ru>.

Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 1997–2015. URL: <http://iea-ras.ru>

Социологическая психология. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. URL: <http://static.iea.ras.ru>

Тайлор Э. Первобытная культура // Этнографическая библиотека. М., 1989. URL: <http://www.gumer.info>.

Тишков В.А. Этнологический мониторинг и раннее предупреждение конфликтов. М., 2006. URL: <http://static.iea.ras.ru>.

Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. URL: <http://www.gumer.info>.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. URL: <http://www.gumer.info>.

Харитонов В.И. (отв. ред.) Медицинская антропология: проблемы, методы, исследовательское поле. Сб. статей. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ассоциация медицинских антропологов. М.: ООО «Публисити», 2015. 333 с. URL: <http://static.iea.ras.ru>.

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1985. URL: <http://www.alleng.ru>.

Эванс-Притчард Э.Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М., 1985. URL: <http://www.twirpx.com>.

Этнология: учебник / под ред. Г.Е. Маркова, В.В. Пименова. М., 1994. URL: <http://www.twirpx.com>.

Базы данных, информационно-справочные и поисковые системы

Данные Росстат и т.п.	
Годовые отчеты международных и иных организаций	
eLIBRARY.RU, CIAO, LIBRARY, PRESSDISPLAY, POLPRED.COM	
Фонд ИНИОН РАН	
Университетская библиотека ONLINE (ЭБС)	http://www.biblioclub.ru/
Национальный цифровой ресурс «РУКОНТ» (ЭБС)	http://rucont.ru/
eLibrary.ru (ЭБС)	http://elibrary.ru/defaultx.asp
IQlib (ЭБС)	http://www.iqlib.ru/
Электронная библиотека диссертаций РГБ	http://diss.rsl.ru/?lang=ru
Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН)	http://www.iea.ras.ru/
Музей антропологии и этнографии (КУНСТКАМЕРА) РАН (МАЭ РАН)	http://www.kunstkamera.ru/
Российский Этнографический Музей (РЭМ)	http://www.ethnomuseum.ru/
Электронная библиотека: «Этноконфессиональное пространство России»	http://epr.iphil.ru/
Народы и религии мира	http://www.cbook.ru/peoples/index/welcome.shtml
Аудиториум. Гуманитарный портал	http://www.auditorium.ru/
Этнопсихология	http://ethnopsychology.narod.ru/
Этология	http://www.ethology.ru
История.ру	http://www.istorya.ru/
Библиотека Гумер	http://www.gumer.info/
hrono.info	http://www.hrono.ru
Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова	http://www.hist.msu.ru/ER/index.html
mesoamerica.narod.ru	http://mesoamerica.narod.ru/Latin/latamerica_history_str.html

Таблица (продолжение)

world-history.ru	http://www.world-history.ru
Сайт «Этнография народов России»:	http://www.ethnos.nw.ru/index.html
Сайт «Этническая экология»:	http://ethnoecology.ru/

ЧАСТЬ 2

РАЗДЕЛ 1. АНТРОПОЛОГИЯ: ПРЕДМЕТ, МЕТОДЫ, ИСТОРИЯ

Предмет физической антропологии. Основные разделы. История антропологической мысли и эволюционного учения в России и других странах. Основные этапы развития антропологии. К. Бэр, Н.Н. Миклухо-Маклай, А.П. Богданов, Д.Н. Анучин. Развитие отечественной антропологической мысли. Школа отечественной антропологии: В.П. Алексеев, Т.И. Алексеева, В.В. Бунак, Г.Ф. Дебец, А.А. Зубов, М.Г. Левин, Я.Я. Рогинский, Ю.Г. Рычков, и др. Традиционные и современные методы исследования: антропометрия, краниометрия, остеометрия, генетические и молекулярные методы, этологические методы.

Человек как биосоциальное существо. Эволюционные учения. Микро- и макроэволюция. Адаптивная радиация. Таксономия. Экологическая ниша. Гомология. Понятие плезиоморфии и апоморфии. Специфические особенности развития человеческого организма. Реализация наследственной программы современного человека в условиях общения с себе подобными. Формирование видоспецифических характеристик в процессе индивидуального развития человека в социальной среде (прямохождение, речь).

РАЗДЕЛ 2. МОРФОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА. ВОЗРАСТНАЯ И КОНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Основные особенности строения тела человека; индивидуальные и половые вариации. Общие закономерности роста и развития человеческого организма, темпы развития и старения. Типы конституций (телосложений), способы их определения, различия между мужскими и женскими типами конституций. Биологические возможности человека как вида, индивидуальные различия и общее сходство.

Морфология человека. Фенотип и генотип. Экологические аспекты морфологии человека. Голова. Мозговой и лицевой отделы головы. Головной указатель. Лицевой и носовой указатели. Мягкие части лица. Строение и форма века. Эпикантус. Глазная щель. Губы. Высота верхней губы. Толщина губ. Ушная раковина Наружный нос. Строение осевого скелета человека. Позвоночник. Позвоночная формула. Форма позвоночника. Крестец. Грудная клетка. Грудина и ребра. Строение скелета верхних конечностей. Плечевой пояс (лопатка и ключица). Длинные кости верхней конечности (плечевая, лучевая и локтевая кость). Кисть (пропорции и форма). Скелет нижней конечности. Тазовый пояс. Половой диморфизм человеческого таза.

Длинные кости нижней конечности (бедренная кость, надколенник, большеберцовая и малоберцовая кость). Внутренняя структура длинных костей (ее значение для эволюционных исследований). Стопа (пропорции, форма, сводчатость). Череп. Мозговой отдел. Емкость мозгового отдела черепа. Диаметры – продольный, поперечный, высотный. Лицевой отдел. Профилировка лица. Строение нижней челюсти. Деформации черепа. Зубная система. Зубная формула. Сроки прорезывания молочных и постоянных зубов в онтогенезе человека. Мышцы головы и лица. Их преобразование в процессе эволюции человека. Головной мозг человека. Покровы тела. Кожа. Кожный рельеф. Волосы. Форма и структура. Ногти. Пигментация.

Возрастная антропология. Общие размеры и пропорции тела. Вес тела. Пропорции тела. Скорость роста и физического развития. Основные закономерности и факторы, определяющие процессы роста и развития. Периодизация индивидуального развития. Пренатальный и постнатальный периоды. Схема возрастной периодизации по В.В. Бунаку: прогрессивная, стабильная и регрессивная стадии. Кривая роста. Половой диморфизм кривой роста. Пубертатный скачок роста. Методы исследований процесса роста у человека: поперечный (генерализованный метод одновременного исследования детей разного возраста) и продольный (лонгитудинальные исследования в течение ряда лет). Понятие биологического возраста и физиологической зрелости (степень скелетной и зубной зрелости. Акселерация. Морфологические, физиологические и психические проявления акселерации. Процесс старения.

Конституциональная антропология. Половой диморфизм. Генетические, морфологические и физиологические различия полов. Классификации типов телосложения. Схемы нормальных конституций. Критерии (степень развития мускулатуры и жирового отложения, формы грудной клетки, живота и спины). Схема мужских конституций по В.В. Бунаку и ее модификации. Грудной, мускульный и брюшной типы. Схема женских конституций И.Б. Галанта. Лептосомные, мезосомные и атлетические конституции. Непрерывность распределения компонентов телосложения. Система Шелдона. Эндоморфный, мезоморфный и эктоморфный компоненты. Схема В.Г. Штефко и А.Д. Островского: нормальные типы (торакальный, дигестивный, абдоминальный, мышечный, астеноидный, неопределенный). Связь телосложения с физиологическими функциями, болезнями и поведением. Проблема соотношения темперамента и телосложения. Соотношение темперамента и конституций (системы Кречмера и Шелдона).

РАЗДЕЛ 3. ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА (АНТРОПОГЕНЕЗ)

Место человека в природе и его взаимосвязи с другими представителями отряда приматов. Современные представления о таксономическом положении человека, уникальные и общие с другими приматами особенности строения тела. Современные эволюционные теории происхождения человека. Характер морфологических преобразований в процессе эволюции. Общие эволюционные закономерности развития социальных отношений и социальных структур у человека. Эволюция человека как единый процесс преобразований его морфологии и поведения.

Отряд приматы. Общая характеристика. Классификация приматов. Современные приматы. Полуобезьяны (лемуры, индри и сифаки, руконожки, лори и галаго, долгопяты). Антропоиды (широконосые и узконосые обезьяны). Основные различия этих

подотрядов. Особенности морфологии и поведения. Ископаемые приматы. Первые приматы. Датировка и географическое распространение. Алтиатласиус. Адаписовые и оомисовые: особенности морфологии. Ископаемые антропоиды. Апидиум. Египтопитек. Эволюционные связи обезьян Старого и Нового Света.

Гоминоиды и их происхождение. Время возникновения и география. Дриоморфы (проконсул, дриопитек), рамаморфы (сивапитеки и гигантопитеки) и плиоморфы (плиопитеки), их географическое распространение. Общая характеристика. Преемственность между ископаемыми и современными таксонами. Ранние гоминиды. Время появления и географическое распространение. Австралопитековые: массивные и грацильные формы (*A. anamensis*, *A. afarensis*, *A. africanus*, *A. robustus*, *A. boisei*). Общая характеристика австралопитековых. Особенности морфологии массивных и грацильных австралопитековых. Генетические связи австралопитековых и ранних Номо. Появление рода Номо. *Номо habilis* и *Номо rudolfensis*: морфология и распространение (Чемерон, Олдувай, Кооби-Фора, и озеро Туркана). Галечная культура из Олдувая. *Номо ergaster* и *Номо erectus*. Особенности строения черепа и скелета. Основные черты различий между габилисами и эректусами. Заселение Евразии. Основные местонахождения эректусов в Африке, Европе и Азии. Неандертальцы. Таксономическое положение неандертальца и их роль в формировании человека современного типа. Классические неандертальцы Европы. Морфологические характеристики, сходство и отличие от человека современного вида.

Появление анатомически современного человек – *Номо sapiens sapiens*. Особенности строения черепа и скелета. Происхождение и расселение.

РАЗДЕЛ 4. ПОПУЛЯЦИОННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Популяционная структура человечества и географическая изменчивость *Номо sapiens*. Повышенная индивидуальная изменчивость *Номо sapiens*: число полиморфных локусов в геноме человека. Полиморфизм. Географическое распространение сходных признаков. Политипия современного человечества. Биологическая категория – раса – самая мелкая систематическая категория вида *Номо sapiens*. Популяции, расы, этносы: их принципиальные различия. Признаки с простым и сложным типами наследования; различия между типологическим и популяционным подходами при классифицировании. Традиционные и современные методы исследования человеческих популяций.

История этнической антропологии в России. Современная критика типологической концепции расы с учетом данных из области популяционной генетики.

Видовое единство человека. Морфологические, физиологические, генетические данные о единстве человечества. Понятие генофонда. Фенотип и генотип. Норма реакции. Обмен генами, дрейф генов. Имбридинг и гомозиготность в человеческих популяциях. Микроэволюционные процессы. Популяция, изменчивость и полиморфизм. Признаки с моногенным наследованием. Иммунная система крови АВО. Резус фактор. Географическое распространение групп крови. Группы крови как адаптация к условиям существования. Гемоглобин и его модификации. Серповидноклеточная анемия. Признаки с полигенным наследованием. Полиморфизм ушной серы. Дальтонизм. Вкусовая и обонятельная чувствительность. Признаки с непрерывной изменчивостью. Пигментация. Волосистой покров. Строение глазной области. Форма носа.

Понятие адаптации. Генетическая и культурная адаптация. Экологические правила Бергмана и Аллена. Типы конституций в разных климатических условиях. Питание и заболевания, связанные с пониженным содержанием белка и калорий. Культура, диета и питание. Нарушение кальциевого обмена.

Миграция и мигранты. Генный поток как фактор изменчивости. Изоляция как фактор формирования различий между популяциями человека. Демографическая характеристика древних и современных популяций.

Раса, этнос и культура. Раса как биологическая категория. Исходный ареал формирования расы. Несовпадение границ распространения расы и этноса. Несовпадение распространения расовых типов и языка. Гипотеза сцепленного наследования расовых признаков и генетического комплекса. Индивидуум – носитель расовых свойств. Популяционная концепция расы. Слабая скоррелированность между отдельными признаками. Расовые признаки – отражение наследственного полиморфизма человека. Популяция как совокупность индивидуумов. Понятие генетических маркеров.

Морфологическое описание больших рас. Европеоидная, австрало-негроидная и монголоидная большие расы. Их основные характеристики. Географическая локализация. Антропологические типы в составе европеоидной большой расы. Атлантико-балтийский, беломорско-балтийский, средневропейский, балкано-кавказский, индо-средиземноморский типы. Лапаноидный тип. Антропологические типы в составе монголоидной большой расы. Тихоокеанские монголоиды – дальневосточный и южно-азиатский типы. Северные монголоиды – североазиатский и арктический типы. Американская раса. Ее основные особенности и географическое распространение. Негроидно-австралоидные антропологические типы. Негрский, бушменский и негрильский типы. Австралийская большая раса. Меланезийский и веддоидный типы. Контактные расы. Уральский и южно-сибирский антропологические типы. Эфиопский, южно-индийский, айнский и полинезийский антропологические типы.

Расизм и его социальные корни. Декларация ЮНЕСКО о расах и расовых предрассудках.

БИЛЕТЫ К КАНДИДАТСКОМУ МИНИМУМУ ПО АНТРОПОЛОГИИ

Билет 1

1. Современная систематика гоминид (по данным морфологии).
2. Видовое единство человечества. Критика полигенизма и расизма.
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Билет 2

1. Систематика гоминид на основе генетических данных.
2. Популяционная концепция расы.
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Билет 3

1. Эволюция мозга гоминид.
2. Модусы этногенеза и их связь с модусами расогенеза.
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Билет 4

1. Внутривидовая дифференциация австралопитековых.
2. Таксономический вес и иерархия расовых признаков и их влияние на современную расовую систематику.
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Билет 5

1. Ранние гоминиды (до австралопитековых).
2. Значение палеоантропологических и краниологических данных для этногенетических исследований (примеры).
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Билет 6

1. Факторы антропогенеза.
2. Взаимодействие европеоидной и монголоидной рас на территории Южной Сибири, Приуралья, Зауралья, Средней Азии.
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Билет 7

1. Гипотезы происхождения *Homo sapiens*: пресapiенс, трансформация неандертальца, *Homo antecessor*, афро-европейская гипотеза.
2. Раса как историческая категория.
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Билет 8

1. Внутривидовые подразделения неандертальцев (конкретные примеры).
2. Проблема контактных рас в антропологии.
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Билет 9

1. Проблема *Homo habilis* (включение в род *Homo*; один или два вида?).
2. Экологические аспекты расогенеза. Адаптация, адаптивные типы, «экологические правила» и приспособительный характер некоторых групповых вариаций морфологических и физиологических признаков.
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Билет 10

1. Гейдельбергский человек. Эволюционная роль.
2. Принципы расовых классификаций. Исторический обзор расовых классификаций.
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Билет 11

1. *Homo erectus* и *Homo ergaster*. Один вид или два вида? Состав вида/видов.
2. Изменение расового состава во времени, хронологическая последовательность морфологических расовых комплексов (на примере антропологии коренного населения Южной и западной Сибири, Средней Азии).
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Билет 12

1. Способы локомоции приматов и проблема происхождения бипедии.
2. Большие и малые расы человечества в системе «тройного деления».
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Билет 13

1. Коммуникация приматов и проблема происхождения речи.
2. «Надрасовые» признаки и гипотеза двух первичных центров расообразования.
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Билет 14

1. Манипуляционная активность приматов и проблема происхождения орудийной деятельности.
2. Соотношение расовых типов и этнических общностей. Роль данных антропологии в решении проблем этногенеза.
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Билет 15

1. Социальные структуры приматов и проблема происхождения человеческого общества.
2. Факторы расообразования.
3. Этническая характеристика изучаемого региона.

Рекомендуемая литература

- Алексеев В.П.* Очерки экологии человека. М., 1993. URL: <http://static.iea.ras.ru>.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. URL: <http://static.iea.ras.ru>.
- Алексеев В.П.* В поисках предков. М., 1972. URL: <http://iea-ras.ru>.
- Алексеев В.П.* Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М., 1978. URL: <http://iea-ras.ru>.
- Алексеева Т.И.* Географическая среда и биология человека. М., 1977. URL: <http://iea-ras.ru>.
- Бунак В.В.* (отв. ред.). Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным М., 1965. URL: <http://static.iea.ras.ru>
- Ефимова С.Г.* Палеоантропология Поволжья и Приуралья М., 1991. URL: <http://static.iea.ras.ru>.
- Васильев С.В.* Основы возрастной и конституциональной антропологии. М., 1996.
- Зубов А.А.* Одонтология. Методика антропологических исследований. М., 1968. URL: <http://static.iea.ras.ru>.
- Зубов А.А.* Палеоантропологическая родословная человека. М., 2004. URL: <http://static.iea.ras.ru/books>.
- Зубов А.А., Аксянова Г.А.* (отв. ред.) На путях биологической истории человечества. Сборник статей: В 2-х т. М., 2002. URL: <http://static.iea.ras.ru>.
- Лебединская Г.В.* Реконструкция лица по черепу. Методическое руководство. М., 1998. URL: <http://static.iea.ras.ru>.
- Герасимов М.М., Герасимова К.М.* Михаил Герасимов: я ищу лица. О восстановлении внешнего облика исторических лиц / отв. ред. В.Л. Янин; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2007. URL: <http://iea-ras.ru>.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г.* Основы антропологии. Учебное пособие. Издание 3-е. М., 1978. URL: <http://static.iea.ras.ru>.
- Хить Г.Л., Долинова Н.А.* Расовая дифференциация человечества (Дерматоглифические данные) / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1990. URL: <http://iea-ras.ru>.
- Хить Г.Л., Широкобоков И.Г., Славолубова И.А.* Дерматоглифика в антропологии. СПб., 2013. URL: <http://iea-ras.ru>.

Базы данных, информационно-справочные и поисковые системы

Данные Росстат и т.п. Годовые отчеты международных и иных организаций	
eLIBRARY.RU, CIAO, LIBRARY, PRESSDISPLAY, POLPRED.COM	
Фонд ИНИОН РАН	
Университетская библиотека ONLINE (ЭБС)	http://www.biblioclub.ru/
Национальный цифровой ресурс «РУКОНТ» (ЭБС)	http://rucont.ru/
eLibrary.ru (ЭБС)	http://elibrary.ru/defaultx.asp
IQlib (ЭБС)	http://www.iqlib.ru/
Электронная библиотека диссертаций РГБ	http://diss.rsl.ru/?lang=ru
Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН)	http://www.iea.ras.ru/
Музей антропологии и этнографии (КУНСТКАМЕРА) РАН (МАЭ РАН)	http://www.kunstkamera.ru/
Российский Этнографический Музей (РЭМ)	http://www.ethnomuseum.ru/
Электронная библиотека: «Этноконфессиональное пространство России»	http://epr.iphil.ru/
Народы и религии мира	http://www.cbook.ru/peoples/index/ welcome.shtml
Аудиториум. Гуманитарный портал	http://www.auditorium.ru/
Этнопсихология	http://ethnopsychology.narod.ru/
Этология	http://www.ethology.ru
История.ру	http://www.istorya.ru/
Библиотека Гумер	http://www.gumer.info/
hrono.info	http://www.hrono.ru
Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова	http://www.hist.msu.ru/ER/index.html
mesoamerica.narod.ru	<a href="http://mesoamerica.narod.ru/Latin/
latamerica_history_str.html">http://mesoamerica.narod.ru/Latin/ latamerica_history_str.html
world-history.ru	http://www.world-history.ru
Сайт «Этнография народов России»:	http://www.ethnos.nw.ru/index.html
Сайт «Этническая экология»:	http://ethnoecology.ru/

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

УДК 392.929

© *Е.Н. Мокшина, Ю.Н. Сушкова*

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ: к 80-летию Николая Федоровича Мокшина



Рис. 1. Н.Ф. Мокшин за работой в своем кабинете дома (Личный архив Е.Н. Мокшиной).

и краеведения мордовского народа, финно-угроведения. Авторы статьи – дочери юбиляра, являющиеся его учениками и воспитанницами, продолжателями дела своего отца.

Ключевые слова: *этнография, история, финно-угроведение, мордва, ономастика, религиоведение, краеведение.*

Николай Федорович Мокшин – личность многогранная, широко известная не только в нашей республике, но и за ее пределами. Он – историк и этнограф, педагог

Мокшина Елена Николаевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Эл. почта: ENM2112@mail.ru.

Сушкова Юлия Николаевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой международного и европейского права, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева». Эл. почта: yulenkam@mail.ru.

и общественный деятель, писатель и журналист, один из наиболее ярких деятелей науки и культуры современной Мордовии. С его именем связано формирование целого ряда новых для Мордовии направлений: этнической истории и историографии, этнической ономастики и картографии, этнического религиоведения и этномифологии, этнической культурологии и краеведения. Заметный вклад Н.Ф. Мокшин внес в вузовскую научно-педагогическую среду, впервые начав в Мордовском государственном университете преподавание таких фундаментальных научных дисциплин, как история первобытного общества и основы этнографии, антропология, оригинальных авторских спецкурсов по этнографии финно-угорских народов, этнографии народов Среднего Поволжья и Приуралья, этнографии мордвы, истории Мордовии. Кроме того, он снискал себе признание и известность как организатор науки, общественный деятель, талантливый журналист и писатель.

Н.Ф. Мокшин родился 22 июня 1936 г. в эрзя-мордовском селе Иванцево Лукояновского района Горьковской (ныне Нижегородской) области в семье учителя. Его отец Мокшин Федор Захарович преподавал ботанику и зоологию в Иванцевской средней школе, одновременно после окончания рабфака учился на заочном отделении естественного факультета Горьковского государственного университета. В начале Великой Отечественной войны он был призван в Красную армию и погиб в 1942 г. под Ленинградом. Мать Николая Елена Артемьевна Мокшина (в девичестве Кузюткина), закончив в Нижнем Новгороде медицинское училище, работала в Иванцеве заведующей сельской больницей, затем, когда в годы войны больница закрылась, трудилась в колхозе. Она умерла в 1997 г. на 94-м году жизни (Мокшина, Сушкова 2011: 3).

Многие учителя-мужчины ушли на фронт, поэтому Иванцевская средняя школа стала семилетней, окончив которую в 1950 г. Николай Мокшин поступает в Лукояновское педагогическое училище. В 1954 г. он заканчивает его, получив диплом учителя начальной школы. Именно в педучилище он начинает увлекаться творческой деятельностью, как литературной, так и журналистской, сотрудничает в стенной газете. Его стихи печатались в «Литературной газете», которую редактировал в ту пору директор Лукояновского педучилища, известный педагог, заслуженный учитель школы РСФСР А.А. Куманев, оказавший значительное влияние на формирование мировоззрения Н.Ф. Мокшина. Об этом человеке – организаторе народного просвещения, участнике Великой Отечественной войны, лауреате премии им. Н.К. Крупской, создателе оригинальной педагогической системы, не утратившей своей эвристической значимости поныне, которому в августе 2010 г. исполнилось 100 лет со дня рождения, Н.Ф. Мокшин рассказывает в книге «Учитель учителей», опубликованной в Саранске в 2010 г. в серии «Замечательные представители мордовской интеллигенции» (Сушкова, Мокшина 2011: 8–9).

В 1954 г. Н.Ф. Мокшин поступает на исторический факультет Мордовского государственного педагогического института им. А.И. Полежаева, преобразованного в 1957 г. в Мордовский государственный университет. В 1959 г. он с отличием заканчивает его, получив квалификацию учителя истории, русского языка и литературы. В студенческие годы Н.Ф. Мокшин все больше увлекался творческой работой, писал статьи, стихи, печатавшиеся в газетах и журналах, которые выходили в Саранске на русском и мордовских (эрзя и мокша) языках. В период летних каникул он участвовал в работе Мордовской экспедиции Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР под руководством В.Н. Белицер. Экспедиция эта была комплексной, включавшей не только этнографов, но и антропологов, лингвистов, фольклористов, исто-

риков, фотографов, художников. Антропологический отряд экспедиции возглавляла видный эстонский антрополог Карин Марк. Студент Николай Мокшин, которого она называла «своим ассистентом», в течение ряда лет помогал ей собирать и обрабатывать антропологические материалы, одновременно вел этнографические наблюдения. В экспедиции принимали участие ученые не только из научно-исследовательских учреждений Москвы, Ленинграда, Таллинна, но и Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР (Сушкова, Мокшина 2001: 3–4).

Помимо увлечения этнографией и антропологией, Н. Мокшин занимался в историческом кружке (руководитель М.Г. Сафаргалиев) и литературном объединении, которым руководил Л.Г. Васильев. За отличную учебу и активную общественную деятельность он был удостоен Сталинской стипендии. В течение шести лет, будучи студентом, а затем аспирантом, Н.Ф. Мокшин избирался председателем совета студенческого научного общества (СНО) Мордовского государственного университета, которое ежегодно проводило студенческие научные конференции, выпускало типографским способом сборники студенческих научных работ, в которых публиковались первые научные изыскания будущего ученого, налаживало оживленные связи с аналогичными обществами других вузов, в том числе Казанского, Тартуского, Горьковского, Петрозаводского университетов (Смолина 1996: 166).

1959–1962 гг. – время обучения Н.Ф. Мокшина в аспирантуре. С 1962 г. по настоящее время он работает в Мордовском государственном университете, в котором вырос от студента до профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории, затем – дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии, а с 2013 г. – истории России. На протяжении ряда лет он в качестве декана руководил историко-географическим факультетом.

В мае 1964 г. Н.Ф. Мокшин защитил в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова кандидатскую диссертацию на тему «Дохристианские верования мордвы». Ему тогда было 27 лет, и он был самым молодым кандидатом исторических наук по специальности «Этнография» во всем Советском Союзе. В 1967 г. он стал доцентом по кафедре всеобщей истории (курс этнографии), а затем в течение 15 лет заведовал этой кафедрой. В 1986 г. в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР Н.Ф. Мокшин защитил докторскую диссертацию на тему «Основные этапы формирования и развития мордовского этноса». 22 июня 1989 г. решением Государственного комитета СССР по народному образованию ему было присвоено ученое звание профессора по кафедре дореволюционной отечественной истории, которая с приходом к руководству ею Н.Ф. Мокшина и по его инициативе получила наименование кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии. Соответствующее решение было принято ученым советом МГУ им. Н.П. Огарева 29 декабря 1988 г. 13 января 1989 г. оно было утверждено приказом ректора (Чернобаев 1998: 239).

Н.Ф. Мокшин – специалист широкого профиля: историк и этнограф, религиовед и ономастолог, музеевед и географ. Он опубликовал более сорока книг и семисот статей по различным проблемам истории и этнографии, религиоведения и ономастики, картографии и музееведения, исторической географии и краеведения, финно-угроведения. Его научные интересы в первую очередь охватывают вопросы истории и этнографии родного ему мордовского народа, хотя, разумеется, не только его. Это хорошо прослеживается по самим названиям его книг: «Религиозные верования

мордвы», «Этническая история мордвы», «Мордовский этнос», «Тайны мордовских имен», «Мордва глазами зарубежных и российских путешественников», «От Карелии до Урала», «Материальная культура мордвы», «Мифология мордвы», «Мордва и вера», «Мордва: мокша и эрзя», «Мордва и мир», «Просветители мордовского края», «Мордовский народ в истории и культуре Российского государства» и другим (Наши юбилеи 1996: 166; Сушкова, Мокшина 2010: 96–98).

В них ученый исследовал многие актуальные проблемы этногенеза и этнической истории мордовского народа, его общественного строя, семейного быта и духовной культуры, в том числе религии, мифологии и фольклористики. Особенно велики и неоспоримы заслуги Н.Ф. Мокшина в разработке проблем мордовской бинарности, макро- и микроконсолидационных процессов у мордвы, этноструктуры мордовского народа как одного из архогенетических народов Восточной Европы на различных этапах его истории, этногенетических, этнокультурных и этноконфессиональных связей мордвы, типологии мордовского этноса, мордовской историографии, в расширении и обогащении источниковой базы историко-этнографических исследований, в сборе этнографических материалов и коллекций для организованного им и открытого 19 декабря 1979 г. в стенах Мордовского государственного университета этнографического музея.

Исследования Н.Ф. Мокшина не остаются незамеченными. За книгу «Религиозные верования мордвы» он был удостоен диплома лауреата республиканского смотра-конкурса работ молодых ученых по общественным наукам (1969); за монографию «Этническая история мордвы» – лауреата Огаревской премии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (1979); за работу «Мордва глазами зарубежных и российских путешественников» – лауреата Государственной премии Республики Мордовия (1995). Книга Н.Ф. Мокшина «От Карелии до Урала», написанная им в соавторстве с доктором исторических наук профессором Н.Л.уковской (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН), была занесена по итогам конкурса «Пушкинская библиотека. Лучшие книги для российских библиотек», посвященного 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина (1999), в перечень лучших книг, рекомендованных для российских библиотек. Согласно условиям конкурса тиражи вошедших в этот список книг приобретались на средства Фонда Сороса и бесплатно рассылались по библиотекам, участвовавшим в данном мегапроекте. За книгу «Мордва и вера» Указом Главы Республики Мордовия Н.И. Меркушкина от 21 июня 2006 г. Н.Ф. Мокшину присуждено звание «Лауреат премии Главы Республики Мордовия» (Шкердина 2009: 339).

Научные труды Н.Ф. Мокшина пользуются признанием не только в России, но и за ее рубежами, публикуются в ряде стран Европы и Америки. Он является автором оригинальных статей о мордве, других финно-угорских народах, и не только их, в энциклопедиях «Искусство стран и народов мира» (в 5 т. Т. 3. М., 1971), «Народы России» (М., 1994), «Народы и религии мира» (М., 1998), «Рязанская энциклопедия» (в 3 т. Т. 1. Рязань, 1999), «Мордовия» (в 2 т. Саранск, 2003; 2004), «Marit, Mordvalaiset ja Udmurtit» (Helsinki, 2006), «Мордовиясь» (в 2 т. Саранск, 2007), «Расы и народы» (М., 2007), «Ислам в центрально-европейской части России» (М., Н. Новгород, 2009) (Наши юбилеи 1996: 166–167).

В 1994 г. Президиум Российской академии наук по рекомендации ученого совета Института этнологии и антропологии РАН присудил Н.Ф. Мокшину как выда-

ющемуся ученому Государственную научную стипендию (на срок с 1 января 1994 по 31 декабря 1996 г.), а Российский фонд фундаментальных исследований – грант на проведение научных исследований по этнографии мордовского народа. В 1994 г. он был избран действительным членом (академиком) Академии социальных наук РФ, в 1995 – ассоциированным членом Международного товарищества фольклористов при Академии наук и литературы Финляндии; в 2005 г. XII съезд Русского географического общества избрал Н.Ф. Мокшина почетным членом Русского географического общества, а в 2012 г. он был избран членом его Совета Старейшин. 4 декабря 2008 г. правление Союза писателей России приняло Н.Ф. Мокшина в члены Союза писателей (Ученые Мордовского государственного университета 2011: 191).

Н.Ф. Мокшин имеет правительственные награды: он удостоен почетных званий «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1990), «Заслуженный деятель науки Республики Мордовия» (2001), награжден нагрудным серебряным знаком «За отличные успехи в работе» Министерства высшего и среднего специального образования СССР, знаком «Гордость нации» – высшей наградой Министерства по национальной политике Республики Мордовия, удостоен почетных грамот ЦК КПСС, Русского географического общества и его Московского филиала, Государственного Собрания Республики Мордовия, Государственного комитета по национальной политике при Правительстве РМ, Администрации г. Саранска, Министерства культуры РМ, Исполкома съезда мордовского народа, Союза журналистов РМ, ректората Мордовского государственного университета и многими другими (Ученые Мордовского государственного университета 2011: 191).



Рис. 2. В день 80-летия 22 июня 2016 г. юбиляр принимает поздравления от председателя регионального РГО, профессора А.А. Ямашкина (Личный архив Е.Н. Мокшиной).

Н.Ф. Мокшин ведет большую общественную работу. Долгое время он являлся председателем правления общественной организации «Краеведы Республики Мордо-

вия», председателем Мордовского отдела Русского географического общества (ныне Почетный председатель этой организации). На X съезде общества (1995, С.-Петербург) избирался членом ученого совета и президиума РГО. Он является заведующим этнографической редакцией, членом главной редакционной коллегии энциклопедии «Мордовия» и редколлегии многотомной энциклопедии «Мифология уральских народов», создаваемой учеными России, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Швеции, Германии и других стран, ряда журналов: «Этнографическое обозрение», «Социально-политические науки» (Москва), «Finno-Ugrica» (Казань), «Финно-угроведение» (Йошкар-Ола), «Вестник Мордовского университета», «Краеведческие записки», «Гуманитарий» (Саранск), членом Исполкома Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (с 2014), экспертной комиссии по присуждению государственных премий РМ по науке и технике (Сушкова 2011: 48-49).

Преподавая в Мордовском университете этнографию и историю первобытного общества, руководя кафедрой всеобщей истории, а затем дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии и истории России, ежегодной полевой этнографической практикой студентов-историков, ведя спецсеминар и читая спецкурсы по этнографии финно-угорских (шире – уральских) народов, руководя курсовыми и дипломными работами, магистерскими диссертациями, аспирантами и докторантами, Н.Ф. Мокшин вносит существенный вклад не только в науку, но и в подготовку научно-педагогических кадров, популяризацию историко-этнографических знаний, имеющих принципиально важное значение в деле воспитания высокой культуры межэтнического общения, что всегда актуально. С 2012 г. он руководит магистерской программой профиля подготовки «Этнография финно-угорских народов» в Мордовском университете. Н.Ф. Мокшин заслуженно снискал высокий авторитет не только как ученый, но и как педагог, журналист и писатель, культуролог, общественный деятель. За большой вклад в развитие науки и образования стал победителем конкурса «Профессор года (1998–1999)» и награжден соответствующим дипломом Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Н.Ф. Мокшин неоднократно выступал с интересными научными докладами на международных конгрессах финно-угроведов, других международных, всероссийских, региональных форумах и конференциях, был инициатором проведения совместной (Эстонского национального музея и Мордовского государственного университета) этнографической экспедиции, работавшей с 1984 по 1989 г. включительно на территории Мордовии. Благодаря этой экспедиции серьезно пополнился и обогатился этнографический фонд по мордве, хранящийся в указанном музее (Панин и др. 2001: 304–306).

Характеристика творчества Н.Ф. Мокшина была бы неполной без анализа еще одной самобытной грани его интеллекта, а именно художественной, поэтической, писательской, органически вытекающей из всего его этнологического образа мышления, мировидения и миропонимания. Стихи Николая Федоровича, написанные на мордовском (эрзя) и русском языках публиковались на страницах ряда печатных органов Мордовии, в том числе в поэтических сборниках «Валске» («Утро») и «Толбандят» («Костры»), выпущенных Мордовским книжным издательством соответственно в 1962 и 1996 годах. Стихам Н.Ф. Мокшина присущи яркая образность, глубокая лиричность, задушевность, национальный колорит, мелодичность. Не случайно они привлекли внимание известных композиторов Мордовии. В 2000 г. в Саранске вышел в свет сборник песен «Моронь пусмо» («Песенный букет»), написан-

ных ими на стихи поэта. В 2008 г. Государственный комитет по национальной политике при Правительстве Республики Мордовия выпустил диск «Тиринь веле» («Родное село») Николая Мокшина с песнями на его стихи популярных композиторов республики Г.И. Сураева-Королева, Г.Г. Вдовина, Н.Н. Митина и других (автор проекта Н.Н. Митин, музыкальный редактор А.Ф. Генералова). Эти песни любимы народом, они широко исполняются как профессиональными, так и самодеятельными коллективами, артистами не только Мордовии, но и других республик, краев и областей Российской Федерации, особенно тех, где проживает мордва, а также за рубежом (Сушкова, Мокшина 2011: 9–11).

За заслуги перед государством, многолетнюю и плодотворную деятельность в области культуры и искусства Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 7 июня 1996 г. Н.Ф. Мокшин был награжден орденом Дружбы. Для этнографа такая награда особенно ценна, поскольку она не только констатирует, но и символизирует суть его этнографического мировидения, его созидающее начало, направленное на гармонизацию межнациональных отношений, формирование этнической толерантности. Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 14 октября 2002 г. Николай Федорович был награжден медалью «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения», а к 75-летию юбилею его наградили орденом Славы III степени Республики Мордовия (2011). В 2012 г. Н.Ф. Мокшин был удостоен медали «За заслуги. В ознаменование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства» (Сушкова, Мокшина 2011: 10–11).

Н.Ф. Мокшин полон энергии и творческих замыслов. Желаем ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых успехов в осуществлении своих планов на благо отечественной науки и народов России.

Литература

- Мокшина, Сушкова 2011 – Мокшина Е.Н., Сушкова Ю.Н. Н.Ф. Мокшин – этнограф, историк, педагог, писатель, общественный деятель (к 75-летию со дня рождения) // Мокшин Николай Федорович: биобиблиографический указатель / сост. Е.Н. Мокшина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. С. 3–8.
- Мокшин 2001 – Мокшин Н.Ф. // Ученые Мордовского государственного университета: биогр. справ. Изд. 1-е. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. С. 54.
- Мокшин 2006 – Мокшин Н.Ф. // Ученые Мордовского государственного университета: биогр. справ. Изд. 2-е., испр. и доп. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. С. 161–162.
- Мокшин 2011 – Мокшин Н.Ф. // Ученые Мордовского государственного университета: биогр. справ. Изд. 3-е, испр. и доп. Саранск: Изд-во Мордов. Ун-та, 2011. С. 191.
- Наши юбиляры 1996 – Наши юбиляры. Список основных работ доктора исторических наук Николая Федоровича Мокшина (к 60-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение, 1996. № 3. С. 165–167.
- Панин и др. 2001 – Панин Н.И., Мельничук Г.А., Сушкова Ю.Н. Ученый, педагог, просветитель. Николаю Федоровичу Мокшину – 65 лет // Вестник архивиста, 2001. № 3 (63). С. 303–306.
- Петербургский 1997 – Петербургский И.М. Мокшин Николай Федорович // История Мордовии в лицах: биогр. справ. Кн. 2. Саранск, 1997. С. 350–351.
- Петербургский 2003 – Петербургский И.М. Мокшин Николай Федорович // Мордовия: энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. С. 559.
- Смолина 1996 – Смолина Е. Николай Федорович Мокшин (к 60-летию со дня рождения и 40-летию научно-педагогической деятельности) // Финно-угроведение, 1996. № 3. С. 165–168.

- Справочник этнографов и антропологов регионов России. Вып. 1. М., 1997. С. 17.
- Сушкова, Мокишина 2001 – Сушкова Ю.Н., Мокишина Е.Н. Мокшин Николай Федорович. (Биобиблиографический указатель.). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001. 36 с.
- Сушкова, Мокишина 2010 – Сушкова Ю.Н., Мокишина Е.Н. Н.Ф. Мокшин – этнограф, историк, педагог, общественный деятель // Финно-угроведение, 2010. № 2. С. 93–98.
- Сушкова, Мокишина 2011 – Сушкова Ю.Н., Мокишина Е.Н. Н.Ф. Мокшин - этнограф, историк, педагог, писатель, общественный деятель (к 75-летию со дня рождения) // Социально-политические науки. Научный специализированный журнал, 2011. № 1. С. 8–11.
- Сушкова 2011 – Сушкова Ю.Н. Н.Ф. Мокшину – 75 // Финно-угорский мир, 2011. № 2/3. С. 46–49.
- Чернобаев 1998 - Чернобаев А.А. Историки России: кто есть кто в изучении отечественной истории: Биобиблиографический словарь. Саратов: Летопись, 1998. С. 239–240.
- Шкердина 2010 – Шкердина Н.О. Мокшин Н.Ф. // Мордовия XX век: культурная элита: энцикл. справ.: в 2 ч. Ч. 1. / НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2010. С. 399.

References

- Chernobaev A.A. Istoriki Rossii: kto est' kto v izuchenii otechestvennoi istorii: Biobibliograficheskii slovar'. Saratov: Letopis', 1998. Pp. 239–240.
- Mokshina E.N., Sushkova Iu.N. N.F. Mokshin – etnograf, istorik, pedagog, pisatel', obshchestvennyi deyatel' (k 75-letiyu so dnia rozhdeniya) // Mokshin Nikolaï Fedorovich: biobibliograficheskii ukazatel' / sost. E.N. Mokshina. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2011. Pp. 3–8.
- Mokshin N.F. // Uchenye Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta: biogr. sprav. Izd. 1-e. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2001. Pp. 54.
- Mokshin N.F. // Uchenye Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta: biogr. sprav. Izd. 2-e., ispr. i dop. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2006. Pp. 161–162.
- Mokshin N.F. // Uchenye Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta: biogr. sprav. Izd. 3-e, ispr. i dop. Saransk: Izd-vo Mordov. Un-ta, 2011. Pp. 191.
- Nashi yubilyari. Spisok osnovnykh rabot doktora istoricheskikh nauk Nikolaya Fedorovicha Mokshina (k 60-letiyu so dnia rozhdeniya) // Ètnograficheskoe obozrenie, 1996. No. 3. Pp. 165–167.
- Panin N.I., Mel'nichuk G.A., Sushkova Iu.N. Uchenyi, pedagog, prosvetitel'. Nikolayu Fedorovichu Mokshinu – 65 let // Vestnik arkhivista, 2001. No. 3 (63). Pp. 303–306.
- Peterburgskii I.M. Mokshin Nikolai Fedorovich // Istoriya Mordovii v litsah: biogr. sprav. Vol. 2. Saransk, 1997. Pp. 350–351.
- Peterburgskii I.M. Mokshin Nikolai Fedorovich // Mordoviya: entsiklopediya. In 2 vol. Vol. 1. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 2003. Pp. 559.
- Shkerdina N.O. Mokshin N.F. // Mordoviya XX vek: kul'turnaya elita : enciklopedicheskii spravochnik: in 2 p. Pp. 1 / NII gumanitar. nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviiya. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 2010.
- Smolina E. Nikolai Fedorovich Mokshin (k 60-letiyu so dnia rozhdeniya i 40-letiyu nauchno-pedagogicheskoi deyatel'nosti) // Finno-ugrovedenie, 1996. No. 3. Pp. 165–168.
- Spravochnik etnografov i antropologov regionov Rossii. Ed. 1. Moscow, 1997.
- Sushkova Iu.N., Mokshina E.N. Mokshin Nikolai Fedorovich. (Biobibliograficheskii ukazatel'). Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 2001.
- Sushkova Iu.N., Mokshina E.N. N.F. Mokshin – etnograf, istorik, pedagog, obshchestvennyi deyatel' // Finno-ugrovedenie, 2010. No. 2. Pp. 93–98.
- Sushkova Iu.N., Mokshina E.N. N.F. Mokshin – etnograf, istorik, pedagog, pisatel', obshchestvennyi deyatel' (k 75-letiyu so dnia rozhdeniya) // Social'no-politicheskie nauki, 2011. No. 1. Pp. 8–11.
- Sushkova Iu.N. N.F. Mokshinu – 75 // Finno-ugorskiy mir, 2011. No. 2/3. Pp. 46–49.

E.N. Mokshina., Y.N. Sushkova. Life, dedicated to the Finno-Ugric studies: To the 80th anniversary of Nikolay Fedorovich Mokshin.

The article is devoted to the 80th anniversary of the famous Mordovian scholar, a founder of the scientific school in national ethnography, recognized not only in Russia but also abroad, doctor of historical sciences, professor, chair of the Russian history department of Ogarev Mordovia State University, honored figure of culture of the RSFSR, honored figure of science of the Republic of Mordovia, laureate of the State award and award of the Head of Republic of Mordovia, Honorary member and member of the Council of the chairmen of the Russian geographic society, associate member of the International Association of folklorists at the Academy of Sciences and Literature of Finland, member of the Union of writers and Union of journalists of Russia, Cavalier of the medals of friendship and the glory of the III degree of the Republic of Mordovia Nikolai Fedorovich Mokshin. N.F. Mokshin is the author of over forty books and seven hundred articles on various aspects of history, ethnography, religionology, onomastics, cartography, museology, historical geography, ethnography of the Mordovian people, Finn-Ugric studies. The authors of the article are his daughters who continue scientific traditions of their father.

Keywords: *ethnography, history, Finno-Ugric, Mordvinians, onomastics studies, religious studies, regional studies.*

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

УДК 93/94

© М.М. Герасимова

ОБ АНТРОПОЛОГЕ
ЛЕОНИДЕ ТЕОДОРОВИЧЕ ЯБЛОНСКОМ

Статья посвящена памяти известного российского археолога и антрополога Леонида Теодоровича Яблонского и содержит обзор основных палеоантропологических работ ученого.

Ключевые слова: физическая антропология, археология, Л.Т. Яблонский.

14 июня скорпостижно скончался Леонид Теодорович Яблонский, не дожив до своего 66-летия чуть меньше месяца.

Леонид Теодорович Яблонский известен в археологической среде как крупный неординарно мыслящий ученый, специалист в области золотоордынской археологии, археологии Хорезма и сарматологии, удачливый полевой исследователь, вошедший не только в отечественную, но и мировую науку раскопками элитных сарматских некрополей. Причем кажущаяся удачливость – это результат упорного, достаточно тяжелого, планомерного труда, чувства долга и огромной увлеченности. Его известность в археологии оставляет в тени его научную деятельность в антропологии. Между тем, он начинал именно как антрополог. Так же, только с точностью до «наоборот» говорили о Михаиле Михайловиче Герасимове его биографы, характеризую его как археолога, научная деятельность которого была в тени его антропологической.

Отечественные антропологи, безусловно, воспринимали Леонида Теодоровича, как коллегу, специалиста в области палеоантропологии довольно широкого пространственно-временного спектра.

Очень тяжело писать некролог о человеке, который младше тебя на полтора десятка лет, мучительно тяжело, если тебя связывает с ушедшим более, чем полувековая



Рис. 1. Леонид Теодорович Яблонский (08.07.1950 – 14.06.2016)

дружба и коллегиальные отношения. Без ложной скромности скажу, что именно я привела юного студента исторического факультета в специальность, и в силу своих слабых сил способствовала тому, что он вырос в ученого мирового плана. Начинал Леонид Теодорович свою осознанную научную деятельность в Лаборатории пластической реконструкции под руководством М.М. Герасимова. Герасимов как раз подыскивал молодого сотрудника, который мог бы, после соответствующей подготовки, в своей работе осуществлять междисциплинарный подход к изучению палеоантропологических материалов, в равной степени владея методологией и методами археологии и антропологии, этих двух смежных наук. Увы, судьбе было угодно распорядиться так, что М.М. Герасимов вскоре скончался, и Леониду Теодоровичу, просто Леничке, как его все называли, не пришлось поработать с ученым, который, однако, навсегда, привил ему величайший интерес и уважение к антропологическому факту. Окончив Университет по специальности археолога, прослужив год в армии, Леонид Теодорович вернулся в Лабораторию. Формированием его, как антрополога и специалиста в области реконструкции лица по черепу, занялись ученицы М.М. Герасимова – Г.В. Лебединская и Т.С. Сурнина.



*Рис. 2. Л.Т. Яблонский.
Армейское фото, 1973 г.*

Первая большая статья Л.Т. (еще студенческая работа, но она достаточно долго пролежала в редакционном портфеле) была посвящена исследованию палеоантропологического материала из раскопок С.А. Изюмовой городища у с. Супруты в Тульской области. Эта его первая работа сразу обратила на себя внимание своей обстоятельностью, добротностью, хорошим морфологическим анализом краниологической серии. Кроме подробного антропологического анализа в статье приведены графические реконструкции, выполненные по методу Герасимова. А при анализе травм, обнаруженных на скелетах, Л.Т. исходил из принципов диагностики и дифференциации следов повреждений, применяемых в современной криминалистической практике. И описание травм сопровождалось профессиональным археологическим описанием того оружия, которым они могли быть нанесены (Яблонский 1977). Эта тема получила продолжение лишь в краткой тезисной форме (Яблонский 1983) и не была в то время поддержана и

развита отечественными антропологами (зато сейчас, к сожалению, рамки палеоантропологии часто сужены до описания травм и патологий).

Успешно овладевая методом, Леонид Теодорович, помня о пожеланиях своего учителя, поступает в аспирантуру к крупному специалисту по палеоантропологии Поволжья и Средней Азии – Т.А. Трофимовой. В Поволжской экспедиции Г.А. Федорова-Давыдова на раскопках мусульманских некрополей Водянского и Селитрен-

ного городищ ему крупно повезло. Герман Алексеевич Федоров-Давыдов, его университетский преподаватель, человек незаурядного ума и прекрасных человеческих качеств, обратил внимание на молодого археолога, занимающегося сбором палеоантропологического материала. Под его руководством Л.Т. Яблонский попытался впервые использовать статистические методы в работе над погребальными мусульманскими памятниками. Палеоантропологический материал из этих погребений, рассмотренный в коннекции с данными археологии, позволил выявить наличие связей между физическими особенностями, социальным и этническим факторами в золотоордынском городском обществе. Вскоре он защищает диссертацию «Население средневековых городов Поволжья (по материалам мусульманских могильников)», носящую ярко выраженный междисциплинарный характер.

Подобных работ об антропологических особенностях золотоордынского городского населения в контексте типологии особенностей мусульманского обряда, не взирая на интенсивное накопление и палеоантропологического и археологического материала, я больше в литературе не встречала. Эта диссертация была опубликована в качестве одной из трех глав монографии трех авторов «Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы» (Герасимова, Рудь, Яблонский 1987). Из материалов трех диссертаций, написанных и защищенных в разное время, Л.Т. удалось создать хорошую книгу. Это не просто три работы под одной обложкой. Эта книга на основе изучения палеоантропологического материала освещает вопросы этнической истории раннегосударственных образований на территории Восточной Европы – Боспорского царства, Волжской Болгарии и Золотой Орды. Используемые палеоантропологические материалы объединяет, прежде всего, их географическая привязанность: все они попадают в зону постоянных контактов монголоидной и европеоидной рас. Кроме того, они прямо или косвенно связаны с регионом, получившим в литературе название «степной коридор», в котором на протяжении тысячелетий прослеживаются волнообразные широтные миграции скотоводческого населения. Использование палеоантропологических материалов имело своей целью решение спорных вопросов, выдвигаемых конкретной исторической проблематикой, что определяло своеобразие каждой из глав, а объединяло, прежде всего, на базе общей методологии и методики стремление проследить определенные закономерности в сложных взаимодействиях субстрата и суперстрата в раннеклассовых общностях. Каждое из упомянутых государств рассматривалось в качестве конкретной исторической модели типов взаимоотношений местного и пришлого населения, объединенного в рамках государственности.

Несмотря на успешные опыты Л.Т. в области реконструкции лица по черепу (за свою жизнь Леонид Теодорович создал более 25 скульптурных портретов), он был переведен из Лаборатории в Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию Института этнографии АН СССР под предлогом усиления достаточно «пожилого» состава ее молодым энергичным сотрудником. И он с головой уходит в археологическую деятельность. Длющиеся по полгода полевые сезоны почти не оставляют времени для научной работы. В 1981–1986 гг. он копает курганы в Северной Туркмении, в Присарыкамышье, в дельте Сырдарьи в Приаралье. Тем не менее, он не бросает своего увлечения антропологией. Им написано в эти годы несколько работ, посвященных антропологии неолитического и эпохи ранней бронзы населения Северной Туркмении и Прикаспия. Хочу остановиться на одной небольшой рабо-

те, написанной более четверти века тому назад, потому что она представляет собой яркий образец не формального, не традиционного, а творческого, поискового исследования, и свидетельствует о Л.Т. как о хорошем наблюдательном морфологе – «Антропология неолитического населения Северной Туркмении» (Яблонский 1986). Тот самый интерес к антропологическому факту, о котором я писала выше, повлек за собой обстоятельное, единственное в своем роде, исследование, проведенное на широком историко-географическом фоне. Не следует забывать, что в то время вычислительная техника в нашей стране еще не получила широкого распространения, все сопоставления, математические выкладки, делались практически вручную, и только увлеченность, трудолюбие и взыскательность исследователя позволили провести эту колоссальную работу, которая сейчас решается нажатием всего нескольких «кнопок». В результате было установлено своеобразие кельтеминарской серии по сочетанию ряда морфологических особенностей, которые не входят в традиционный набор анализируемых признаков, и выявлена существенная разница между нею и рассмотренными средиземноморскими группами, и обнаружены заметные параллели с некоторыми неолитическими сериями Северной Европы. Эта небольшая работа блестяще подтверждает высказанное ранее В.В. Бунаком, а затем и И.И. Гохманом, предположение об участии переднеазиатских форм в формировании неолитического и энеолитического населения Европы.

В 1986 г. в соавторстве с А.В. Виноградовым и М.А. Итиной в Трудах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции выходит монография, из четырех глав которой две написаны Л.Т. Яблонским. Одна из глав посвящена антропологическим особенностям погребенных в могильнике Тумек-Кичиджик. Л.Т. развивает высказанную ранее гипотезу, привлекая всю сумму знаний об археологии и палеоантропологии этого памятника, и приходит к важным выводам этногенетического плана, а именно – что, вероятнее всего, кельтеминарцы вошли в состав одной из групп раннеолитического населения Средиземноморья, двинувшихся на север в результате перенаселения района с быстро развивающимся производящим хозяйством. В процессе миграции на север кельтеминарцы неоднократно вступали в прямые контакты с племенами, носителями протоевропеоидного антропологического типа. Вторая глава, принадлежащая перу Яблонского, посвящена материалам из могильника Кокча-3. Подробный внутригрупповой анализ серии показал преобладание в ней гиперморфного мезокранного компонента, выраженного наиболее ярко в женской выборке. Соглашаясь с мнением Т.А. Трофимовой о срубно-андроновской основе тазабагьябского населения Южного Приаралья, Л.Т. категорически возражает против наличия здесь «индо-дравидоидного» компонента, выделенного в свое время Т.А. Трофимовой, придерживающейся индивидуально-типологического метода исследования.

Леонид Теодорович проработал в Хорезмской экспедиции 10 лет, и это был период интенсивного накопления и осмысления материалов, отразившегося в его творчестве в равной степени в антропологических и археологических публикациях. В 1990 г. Леонида Теодоровича приглашает в Институт археологии РАН его старший коллега, директор Института, академик В.П. Алексеев. В 1991 г. Л.Т. защищает докторскую диссертацию «Население Южного Приаралья в раннем железном веке (археология и антропология могильников)» и начинает работать в Отделе скифо-сарматской археологии, активно участвуя в археологических раскопках, организуя экспедиции, сочетая эту свою деятельность с написанием больших, подводящих итоги его работы в Хо-

резмской экспедиции, монографий. С 2002 года он становится заведующим Отделом скифо-сарматской археологии. Тем не менее, он находит время и для антропологических исследований, органично входящих в круг его занятий и интересов. К этому же времени его работы в отделе относятся ряд его работ, посвященных антропологии древнейшего населения Среднего Поволжья эпохи неолита и бронзы.

Большое пространство в научном творчестве Л.Т. Яблонского занимает осмысление методологических проблем, связанных с выяснением соотношений понятий «этнос и этническая принадлежность», «физический тип населения», «археологическая культура» и т.д. Этим вопросам, которые ставились и в известной мере решались на конкретных материалах, было посвящено значительное число работ Л.Т. Конкретными материалами послужили результаты авторских раскопок, которые велись, начиная с 1980-х годов прошлого века, на территории древней Присарыкамьшской дельты Амударьи. Специальный археолого-антропологический отряд под руководством Л.Т. направлен заниматься археологическим исследованием некрополей и сбором палеоантропологического материала. Исследованиям в области палеоантропологии отводилась важнейшая роль в решении проблем этногенетического плана. Три монографии, по собственному признанию автора, являются итогом его работы в области археологии и палеоантропологии Хорезма (Яблонский 1996, 1999; Итина, Яблонский 1997).

В этих работах Л.Т. развивает свои взгляды на соотношение модусов этногенеза и расогенеза и механизмы расообразования. Археологические материалы, представленные в этих работах, дополняют сложившееся в науке представление о культурогенезе степного населения Евразии. Позиция автора состоит в том, что культура древних скотоводов Южного Приаралья была не просто связана с кругом культур сакского типа, но составляла неотъемлемую часть сако-массагетского мира. Внутри сакской историко-этнографической области Л.Т. Яблонский выделяет два историко-этнографических района, Присарыкамьшский и Нижнесырдарьинский, каждый из которых рассматривает, как микроочаги своеобразных этнических процессов. Присарыкамьшский район не имеет в Приаралье корней в силу экологических обстоятельств. Он сформировался в эпоху становления культур сакского типа. Археологически доказанным является факт миграции скотоводческого населения в Присарыкамьше в эпоху раннего железа, а заселение его после длительного промежутка, так сказать, с чистого листа, делает этноисторическую ситуацию в этом регионе уникальной, позволяет рассматривать этнические процессы, протекающие здесь в качестве модели общерегионального плана.



Рис. 3. Л.Т. Яблонский на раскопках в Филипповке, 2005 г.

Не будучи формально учеником В.П. Алексеева, он был его самым последовательным приверженцем концепции этногенеза, как проблемы исторической науки в целом, решаемой различными дисциплинами внутри исторической науки, в том числе и исторической антропологией. Безусловно, такая трактовка рассматривать этногенетическое исследование как комплекс гуманитарных наук, в котором центральное место помимо собственно истории занимает так называемая «Анучинская триада», весьма импонирует Л.Т. Яблонскому, археологу и антропологу, активно работающему в этой области (*Яблонский* 1985, 2009, 2011, 2015; *Малашев, Яблонский* 2008). Для бесписьменных народов Л.Т. придавал большое значение в реконструкции этногенеза и этнической истории именно археологическим данным, которые должны лежать в основе хронологической и типологической группировки палеоантропологических материалов, без которой они молчат. Однако, при перекрестной перепроверке данных смежных исторических дисциплин, Л.Т. подчеркивал приоритет антропологических данных в ходе такой перепроверки. Теоретически, коннекция археологических и антропологических материалов является тем методическим приемом, который позволяет, и ставить, и решать многие конкретные вопросы, связанные с происхождением и этнической историей отдельных групп населения. Однако, в настоящий момент специализация в различных отраслях достигла таких степеней, что знания в смежных науках не всегда адекватно интерпретируются специалистами в других областях знаний. В данном случае одинаковое владение методологией и методическими приемами в археологии и антропологии делает Л.Т. Яблонского крупнейшим специалистом в обеих областях.

Следует отметить также ярко выраженную гражданскую позицию Л.Т. как ученого, занимающегося проблемами расоведения. Его беспокоили тенденции, возникающие в обществе, некомпетентность высказываний не только на обывательском и околонучном уровне, но и в выступлениях политологов и общественных деятелей, представителей средств массовой информации, смешивающих такие понятия, как раса, этнос, национальность, языковая семья, культурное сообщество и т.д. (*Яблонский* 2001; *Yablonsky* 2001), что порождало в высшей степени опасные теории о биологической природе этносов. Поэтому он принимал самое активное участие в подготовке текста резолюции по позициям отечественных антропологов в области расоведения, затем в подготовке брошюры «Проблема расы в российской физической антропологии», где выступал не только как составитель и редактор, но и как активный автор.

Поистине титанический труд был проделан Л.Т. Яблонским по созданию «Антропологического словаря». Он представляет собой справочное издание, содержащее более 2600 кратких определений основных терминов и понятий современной антропологической науки. Это первое в нашей стране осуществленное издание подобного рода.

Заканчивая обзор научной деятельности Леонида Теодоровича в области антропологии, следует остановиться на довольно значительной коллекции выполненных им скульптурных и графических реконструкций.

Леонид Теодорович был незаурядной личностью, человеком обязательным и требовательным к себе, он был таким же и по отношению к коллегам. Эта гипетребовательность была помехой как в некоторых взаимоотношениях, так и в собственной работе, он всегда стремился все сделать хорошо и вовремя, работал, не щадя «живота» своего, будучи тяжело больным человеком, он продолжал экспедиционные работы в тяжелых малобюджетных и климатических условиях.

Любая смерть кажется нам несправедливой, обидной, оставляющей зияющие пустоты в нашем окружении. Но так обидно именно за тех, кто уходит раньше ему предназначенного срока.

Как показывает этот короткий очерк профессиональной антропологической деятельности Л.Т. Яблонского, Леонид Теодорович играл существенную роль в развитии физической отечественной антропологии, и наше сообщество скорбит о потере. А для меня был хорошим и верным другом, которого мне будет очень не хватать.

Литература

- Антропологический* 2003 – *Антропологический словарь* / под ред. Т.И. Алексеевой, Л.Т. Яблонского. М.: Классик Стиль, 2003.
- Виноградов, Итина, Яблонский* 1986 – *Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Древнейшее население низовий Амударьи. Археолого-палеоантропологическое исследование // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Наука, 1986. Т. XV.
- Герасимова, Рудь, Яблонский* 1987 – *Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987.
- Итина, Яблонский* 1997 – *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен. М.: РОССПЭН, 1997.
- Малашев, Яблонский* 2008 – *Малашев В.Ю. Яблонский Л.Т.* Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М.: Восточная литература, 2008.
- Проблема* 2002 – *Проблема расы в российской физической антропологии* / под ред. Т.И. Алексеевой, Л.Т. Яблонского. М., 2002.
- Яблонский* 1977 – *Яблонский Л.Т.* Серия черепов из раннеславянского городища у с. Супрута // Вопросы антропологии, 1977. Вып. 54. С. 190–211.
- Яблонский* 1983 – *Яблонский Л.Т.* О некоторых принципах диагностики и дифференциации следов повреждений и трепанаций в краниологических сериях // Проблемы современной антропологии / под ред. Б.А. Никитюка. Минск, 1983. С. 67–70.
- Яблонский* 1985 – *Яблонский Л.Т.* К краниологии кельтеминарцев // Советская этнография, 1985. № 2. С. 127–140.
- Яблонский* 1986 – *Яблонский Л.Т.* Антропология неолитического населения Северной Туркмении // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М.: Наука, 1986.
- Яблонский* 1996 – *Яблонский Л.Т.* Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.: Тимп, 1996.
- Яблонский* 1999 – *Яблонский Л.Т.* Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М.: Восточная литература РАН, 1999.
- Яблонский* 2001 – *Яблонский Л.Т.* Отрицание рас: против расизма или навстречу расизму? // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 2001.
- Яблонский* 2009 – *Яблонский Л.Т.* От антропологии Бунака и Дебеца, исторической антропологии Алексеева к биоархеологии Jane Buikstra: путь куда? // Вестник антропологии, 2009. Вып. 17. С. 14–19.
- Яблонский* 2011 – *Яблонский Л.Т.* Кризис концепции этногенеза? // Вестник антропологии, 2011. Вып. 19. С. 96–103.
- Яблонский* 2015 – *Яблонский Л.Т.* Саки в дельте Окса. М.: Новое время, 2015.
- Yablonsky* 2001 – *Yablonsky L.* Contrasting views of the “Race” concept in the Russian and American Physical Anthropology // American Journal of Physical Anthropology, 2001. Supplement 32. Pp. 168–170.

References

Antropologicheskii slovar. Alekseeva T.I., Yablonsky L.T. (ed.). Moscow: Klassik Stil', 2003.

- Vinogradov A.V., Itina M.A., Yablonsky L.T.* Drevneishee naselenie nizovii Amudar'i. Arkheologo-paleoantropologicheskoe issledovanie // Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnografieskoi ekspeditsii. Moscow: Nauka, 1986. Vol. XV.
- Gerasimova M.M., Rud' N.M., Yablonsky L.T.* Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy. Moscow: Nauka, 1987.
- Itina M.A., Yablonsky L.T.* Saki Nizhnei Syrdar'i (po materialam mogil'nika Iuzhnyi Tagisken. Moscow: ROSSPEN, 1997.
- Malashev V.Iu., Yablonsky L.T.* Stepnoe naselenie Iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia. Moscow: Vostochnaia literatura, 2008.
- Problema rasy v rossiiskoi fizicheskoi antropologii. Alekseeva T.I., Yablonsky L.T. (ed.). Moscow, 2002.
- Yablonsky L.T.* Antropologiya neoliticheskogo naseleniia Severnoi Turkmenii // Problemy evoliutsionnoi morfologii cheloveka i ego ras. Moscow: Nauka, 1986.
- Yablonsky L.T.* Krizis kontseptsii etnogeneza? // Vestnik antropologii, 2011. No. 19. Pp. 96–103.
- Yablonsky L.T.* Nekropoli drevnego Khorezma (arkheologiya i antropologiya mogil'nikov). Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 1999.
- Yablonsky L.T.* O nekotorykh printsipakh diagnostiki i differentsiatsii sledov povrezhdenii i trepanatsii v kranilogicheskikh seriiax // Problemy sovremennoi antropologii / Nikitiuk B.A. (ed.). Minsk, 1983. Pp. 67–70.
- Yablonsky L.T.* Ot antropologii Bunaka i Debetsa, istoricheskoi antropologii Alekseeva k bioarkheologii Jane Buikstra: put' kuda? // Vestnik antropologii, 2009. No. 17. Pp. 14–19.
- Yablonsky L.T.* Otritsanie ras: protiv rasizma ili navstrechu rasizmu? // IV Kongress etnografov i antropologov Rossii. Tezisy dokladov. Moscow. 2001.
- Yablonsky L.T.* Saki v del'te Oksa. Moscow: Novoe vremia, 2015.
- Yablonsky L.T.* Saki Iuzhnogo Priural'ia (arkheologiya i antropologiya mogil'nikov). Moscow: Timp, 1996.
- Yablonsky L.T.* Seriya cherepov iz ranneslavianskogo gorodishcha u s. Supruta // Voprosy antropologii, 1977. No. 54. Pp. 190–211.
- Yablonsky L.T.* K kranilogii kel'teminartsev // Sovetskaia etnografiia, 1985. No. 2. Pp. 127–140.
- Yablonsky L.* Contrasting views of the "Race" concept in the Russian and American Physical Anthropology. // American Journal of Physical Anthropology, 2001. Supplement 32. Pp. 168–170.

***Gerasimova M.M.* About the anthropologist Leonid Teodorovich Yablonsky.**

The article is dedicated to the memory of outstanding Russian archeologist and anthropologist Leonid Yablonsky and contains review of his main publications on paleoanthropology.

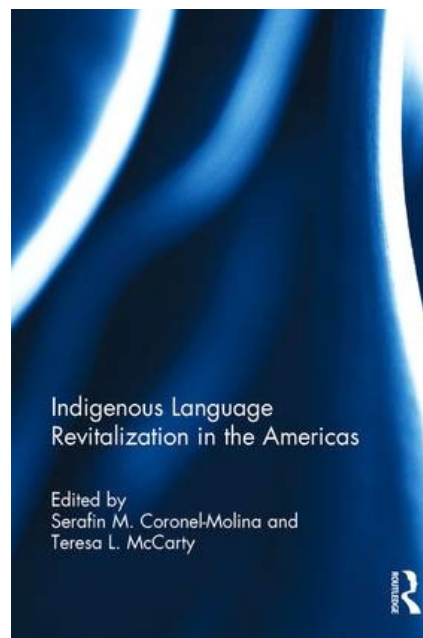
Key words: *physical anthropology, archeology, L.T. Yablonsky.*

РЕЦЕНЗИИ

УДК 655.552

© С.В. Чешко

РЕЦ. НА: INDIGENOUS LANGUAGE REVITALIZATION IN THE AMERICAS / EDITED BY SERAFÍN M. CORONEL-MOLINA, TERESA L. MCCARTY. ROUTLEDGE: NEW YORK AND LONDON, 2016. – 330 Pp.



Представляемый здесь сборник статей наверняка вызовет интерес у специалистов в сферах этнокультурных процессов, социолингвистики, да и в других областях научных исследований, связанных с аборигенными народами, причем, не только американских. По сути, проблемы сходные, хотя и со своей спецификой в разных регионах мира, и пытаются их решать по-разному. Приведенный в книге сравнительный материал по Канаде, США, странам Латинской Америки дает пищу для размышлений. В аннотации к книге говорится: «Будучи сфокусированной на Америке [“on the Americas” – С.Ч.] – родине от 40 до 50 млн. коренных народов – книга представляет собой исследование истории и современной ситуации в возрождении аборигенных языков в этом обширном регионе <...> обстоятельный обзор сведений, касающихся половины земного шара и имеющих как собственно научное, так и практическое значение, в то же время способствует восполнению пробела в литературе о проблемах языкового возрождения и вносит вклад в усилия по решению этих проблем».

Книга подготовлена Серафином М. Коронел-Молиной (кечуа по происхождению) – Университет Индианы, США, и Терезой Л. Мак-Карти – Аризонский государственный университет, США. Четырнадцать статей сборника, написанных североамериканскими и латиноамериканскими авторами (среди которых есть и представители коренных народов Нового Света), сгруппированы в семь тематических блоков по принципу – от принципиальных и общих для обеих Америк проблем к более частным и локальным.

Во **Введении**, написанной издателями сборника, содержится постановка проблемы в контексте краткого исторического экскурса. Авторы подчеркивают, что нынешние проблемы коренных народов обеих Америк во многом обусловлены не до конца преодоленным наследием колониального прошлого: вторжение европейцев нанесло

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, гл. научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ieamoscow@mail.ru.

* Не даю перевода названий разделов и статей, чтобы не рисковать исказить их смысл.

разрушительный удар по привычному образу жизни, привнесло новые болезни, сопровождалось политикой геноцида, а в результате привело к массовому демографическому коллапсу (с. 4). Одним из следствий является то, что аборигенные языки сегодня оказались под угрозой исчезновения. Во Введении приводятся – с картами – краткие сведения о распространении языков аборигенных народов Америки.

Введение перекликается со статьей Терезы Л. Мак-Карти «Policy and Politics of Language Revitalization in the in the USA and Canada»* (входит в первый блок «Policy and Politics»). В обоих материалах приводятся данные о состоянии аборигенных языков В США и Канаде.

Так, согласно переписи населения США 2010 г. из 6, 4 млн. индейцев, аборигенов Аляски и Гавайев только 370 тыс. человек реально являются носителями языков своих предков, и 68% из них – это представители старших поколений. По переписи населения Канады из 1, 4 млн. индейцев, инуитов и метисов таких «говорящих» насчитывалось 213 тыс. человек (с. 4–5, 15).

При этом в США 32 языка преподаются в школах как первый язык, а в последние годы растет число так называемых «новоговорящих» («new speakers»), хотя сколько их – неизвестно: это дети, молодежь, даже взрослые, изучающие «свой язык» в качестве второго или «дополнительного».

Привлекает комплексный, контекстуальный подход Мак-Карти к языковой тематике: контекст составляют чрезвычайно высокий уровень бедности представителей аборигенных народов (в США на этом уровне существуют 4,5 млн человек – из 6,4 млн, что вдвое больше, чем в целом по стране; в Канаде – больше половины аборигенов, то есть втрое больше, чем по стране). Нет ничего удивительного, что даже высокая доля представителей коренных народов, обучающихся по программам англоязычного образования, не приводит к расширению возможностей к успешной адаптации, социальному росту и материальному благополучию. Что же касается собственно аборигенных языков, то речь не идет просто об их «спасении». Речь должна идти о комплексной стратегии защиты прав и развития коренных народов (с. 16). Собственно, такой подход пронизывает практически все статьи сборника.

Вторую статью **первого блока** «Policy and Politics of Language Revitalization in Latin America and the Caribbean» написали *Брет Густафсон, Феликс Герреро и Аджби Хименес*.

Здесь рассматриваются аналогичные проблемы – на примерах стран Южной Америки и Карибского региона, тоже подчеркивается необходимость комплексного подхода к поддержанию аборигенных языков в контексте правового обеспечения и социально-экономического развития индейских народов.

Две статьи **второго блока** – «Processes of Language Shift and Revitalization» – также построены по региональному принципу: *Лин Хинтон, Барбара Мишк* «Language Acquisition, Shift, and Revitalization Processes in the USA and Canada»; *Жаклин Мессинг и Регуджио Нава* «Language Acquisition, Shift, and Revitalization Processes in Latin America and the Caribbean».

В обеих статьях исследуются процессы языковых сдвигов и ревитализации, включая проблемы, с которыми сталкиваются дети и взрослые при изучении и переизучении языков предков. Авторы, в частности, обращают внимание на различные образовательные стратегии, которые могут как помогать процессу возрождения языков, так и затруднять его. Подчеркивается сложность стоящих проблем, признается невозможность решить их в одночасье, отмечается необходимость сотрудничества

между всеми заинтересованными сторонами для определения четких, реалистичных и долгосрочных, на поколения вперед, целей программ языкового возрождения.

Третий раздел («The Home-School-Community Interface») посвящен чрезвычайно важной теме о соотношении роли и взаимодействии домашнего воспитания детей, школьного обучения и аборигенных общин в деле языкового возрождения. Здесь помещены статьи: *Тиффани С. Ли* «The Home-School-Community Interface in Language Revitalization in the USA and Canada»; *Луис Энрике Лопес* и *Фернандо Гарсиа* «The Home-School-Community Interface in Language Revitalization in Latin America and the Caribbean».

В качестве примера позитивного подхода к решению задачи такой кооперации Tiffany S. Lee приводит концепцию *k'é* индейцев Юго-Запада США *навахо*, которая означает примерно следующее: «...семья, сострадание, сотрудничество, любовь, родство, клановость, дружелюбие, доброта...и все положительные достоинства». Такая концепция способствует солидарности и уважительным отношениям между людьми. Автор прослеживает ее действие и в языковых образовательных программах в индейских общинах Юго-Востока страны.

Рассматривая аналогичные сюжеты в Латинской Америке, Л. Лопес и Ф. Гарсиа отмечают, что школы должны взять на себя ответственность за нахождение оптимальных вариантов взаимодополняемости языков, но это может быть достигнуто только тогда, когда семья, общественные организации и школы работают совместно, в одном направлении. При этом необходимо проанализировать все причины – как политические, так и социолингвистические – («эрозии языка»), чтобы обратить этот процесс вспять.

Четвертый раздел («Local and Global Dimensions Perspectives») представлен статьями *Мэри С. Линн* и *Стейси А. Оберли* «Local and Global Dimensions of Language Revitalization in the USA and Canada» и *Кендал А. Кинг, Мартина Арнал* «Local and Global Perspectives of Language Revitalization in Latin America and the Caribbean». В них анализируются варианты сочетания локальных, национальных и глобальных социолингвистических процессов в контексте усилий по возрождению языков коренных народов Америки.

М. Линн и С. Оберли рассматривают эти процессы в США и Канаде. Обращено внимание на вопросы «языкового и образовательного суверенитета» аборигенных народов, развитие низовой сети специалистов, работающих в системе языкового образования, взаимодействие инициатив «сверху – вниз» и «снизу – вверх» в языковом планировании.

К. Кинг и М. Арнал выделяют основные тенденции, характерные для Латинской Америки. Это – растущая вовлеченность активистов движений за языковое возрождение в обсуждение проблемы соблюдения прав человека в общемировом масштабе, а также поддержка этих усилий со стороны неправительственных организаций, соответственно, расширение локальных целей языкового возрождения, наконец, повышение ответственности самих аборигенных общин за инициативы в языковой сфере.

Пятый раздел «Языковые права человека» составили статьи *Тоув Скутнаб-Кангас, Андреа В. Николас* и *Джона Райнера* «Linguistic Human Rights and Language Revitalization in the USA and Canada» и *Марлен Хэбоуд, Розалин Ховард, Джозеп Кру* и *Джейн Фрилэнд* «Linguistic Human Rights and Language Revitalization in Latin America and the Caribbean».

Авторы первой статьи отмечают, что категория «языковые права человека» весь-

ма существенна для сохранения и возрождения подвергающихся давлению «материнских языков». Они подчеркивают важность применения названной категории в контексте этой задачи, указывают на возможность различных вариантов разрешения возникающей коллизии и, кстати, замечают, что и США, и Канада до сих пор не ввели у себя действия нормы «языковые права человека», принятой ООН.

М. Хэбод и ее соавторы в своей статье рассматривают аналогичные проблемы на примерах стран Андского региона, Мексики и Никарагуа.

Шестой раздел – «Revitalization Programs and Impacts». Здесь опубликованы статьи: *Нелани Йокена-Герреро* «Revitalization Programs and Impacts in the USA and Canada»; *Юдит Максвелл* «Revitalization Programs and Impacts in Latin America and the Caribbean».

В статье Н. Йокена-Герреро анализируются такие программы в отношении североамериканских народов *кри, инуит, хулаупаи, чероки, арапахо, юпик, иньюпиак*, а также аборигенов Гавайев. Автор обращает внимание на рост в последнее время интереса со стороны представителей этих народов к своим материнским языкам и культурным традициям, развитие письменности, спрос на печатную продукцию на этих языках.

Ю. Максвелл рассматривает аналогичные программы, осуществляемые в Мексике, Гватемале, Бразилии, Эквадоре, Перу и странах Карибского региона. Многие из этих программ характеризуются двуязычной и межкультурной направленностью, а соединение усилий правительственных учреждений и международных организаций, школы, аборигенных общин способствует тому, что аборигенные языки укрепляются в качестве языков повседневного общения.

Заключительный **седьмой раздел** – «New Domains for Indigenous Languages» – включает статьи: *М. Эрмес, Фил Кэши, Кеола Донахью, Джозеф Эрб* и *Сьюзан Пенфилд* «New Domains for Indigenous Language Acquisition and Use in the USA and Canada» и *Серафин М. Коронел-Молина* «New Domains for Indigenous Language Acquisition and Use in Latin America and the Caribbean».

Авторы статьи о США и Канаде на примерах гавайских аборигенов, индейцев *чероки, оджибве* и *мохаве* показывают, как можно адаптировать их языки к современным технологиям и образу жизни индустриального общества. С. М. Коронел-Молина пишет об аналогичных явлениях языковой адаптации в Латинской Америке, определяя их как «интеллектуализацию индигенных языков». Автор считает, что этот процесс категорично надо поддерживать, но подходить к нему следует со всей серьезностью и осторожностью и, в частности, к вопросу о том, кто может заниматься такой «интеллектуализацией».

Случилось так, что рецензируемая книга попала мне в руки сразу вслед за гневным письмом Е.А. Королевой (*Королева* 2016) по поводу моей заметки «А надо ли переводить сопромат на язык айнов?» (*Чешико* 2015). Письма читателей наш журнал не комментирует и не редактирует. Вся ответственность за смысл и тон таких посланий – на их авторах. А я и не комментирую, а возвращаюсь к весьма насущным проблемам, поднятым в рецензируемом сборнике.

Вроде бы зарубежные коллеги только добавляют аргументы в пользу позиции моего оппонента. Но это только на первый взгляд. Я писал о совершенно конкретном случае, который, как мне кажется, отражает несколько фанатичный подход к судьбе «аборигенных языков». А сама тема очень важна и сложна. Она требует вдумчивости и аккуратности, и для ее решения очень полезен обмен опытом и идеями исследователей и практических работников, занимающихся проблемами «индигенных

народов». На мой взгляд, одним из ключевых аспектов языковой адаптации этих народов в современном мире является то, **как** это надо делать и **кто** этим может, имеет право – в силу своей профессиональной квалификации – заниматься. Одни лишь красивые лозунги в духе «сохранения – развития – возрождения» могут только повредить делу.

Литература

Королева 2016 – Королева Е.А. Куда уходит энергия доверия // Вестник антропологии. 2016, № 2 (34). С. 192–195.

Чешко 2015 – Чешко С.В. А надо ли переводить сопромат на язык айнов? // Вестник антропологии. 2015, № 2 (30). С. 136–140.

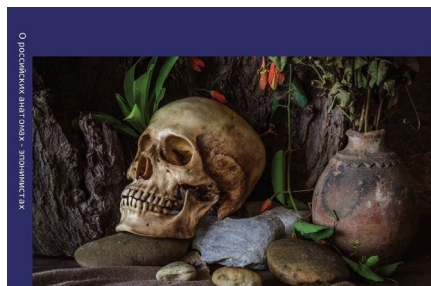
References

Koroleva E.A. Kuda ukhodit energiia doveriia // *Vestnik antropologii*, 2016. No. 2 (34). Pp. 192–195.

Cheshko S.V. A nado li perevodit' sopromat na iazyk ainov? // *Vestnik antropologii*, 2015. No. 2 (30). Pp. 136–140.

УДК 655.552

© Ю.А. Ямпольская



Алла Строкина

**О российских
анатомах-эпонимистах**

Строкина



**РЕЦ. НА: СТРОКИНА А. О
РОССИЙСКИХ АНАТОМАХ-
ЭПОНИМИСТАХ. SAARBRÜCKEN,
DEUTSCHLAND: Lap Lambert Academic
Publishing, 2015. – 111 с**

В 2015 году в немецком издательстве «LAP LAMBERT Academic Publishing» на русском языке вышла в свет книга известного антрополога Аллы Строкиной «О российских анатомах-эпонимистах», посвященная истории происхождения анатомической эпонимики в России. Термин «эпонимика» (от греческого «eponymus» – дающий имя) не часто используется в нашей жизни, хотя само это понятие и его производные, связанные с исторической па-

мятью человечества, встречаются на каждом шагу – и в географических названиях (море Лаптевых, пролив Беринга), и в гастрономических (салат оливье, пожарские котлеты), в названиях одежды (реглан, кардиган, галифе), и при многих других обстоятельствах (бойкот, дерби, хулиган, лодырь). Не часто этот термин можно встретить и в научной литературе, хотя в различных областях научного знания эпонимическая терминология – это свидетельство истории становления и развития того или другого ее направления, дань памяти ее создателям и первооткрывателям.

В первых разделах книги автор дает небольшую историческую справку о значении латинского языка в анатомической терминологии (кстати, одним из первых попытку систематизации анатомических названий предпринял Леонардо да Винчи (1452–1519 гг.), который основополагающими признаками сделал положение и функции мышц человеческого тела) и о создании международных номенклатур – Базельской (1895 г.), Йенской (1935 г.), Парижской (1955 г.). В 1961 году в Нью-Йорке на VII Международном конгрессе анатомов были приняты дополнения и изменения уже к Парижской номенклатуре, а в 1986 на X Всесоюзном съезде анатомов, гистологов и эмбриологов (г.Винница) были утверждены латинские анатомические термины на русском языке.

Переходя к теме повествования, касающейся российских анатомов-эпонимистов, автор замечает, что ни в какой другой науке авторская терминология в такой степени, как в анатомии, не свидетельствует об истории ее развития. Галерея, представленная в книге в хронологическом порядке, охватывает двадцать две фамилии российских ученых конца XVIII – первой половины XX столетия, среди которых первый ученый-микроскопист А.М. Шумлянский (1748–1795 гг.), основоположник отече-

Ямпольская Юлия Абрамовна – доктор биологических наук, ФГБНУ «Научный центр здоровья детей» Министерства здравоохранения Российской Федерации. Эл. почта: yu.yamp@rambler.ru.

ственной хирургии Н.И. Пирогов (1810–1891 гг.), автор книги «Рефлексы головного мозга» И.М. Сеченов (1829–1905 гг.), Нобелевские лауреаты – И.И. Мечников (1845–1916 гг.) и И.П. Павлов (1849–1936). Одновременно с описанием анатомических объектов, которым были присвоены имена впервые описавших их анатомов, в книге приведены краткие сведения о жизненном пути этих ученых.

Однако рассказом о создателях эпонимической терминологии автор не ограничивается. Большое место в книге отводится истории создания анатомической терминологии на русском языке (словари, атласы) и доли участия российских анатомов в развитии и становлении анатомии как мировой науки. Представленные здесь материалы касаются состояния анатомической науки в России в начале XX столетия. Подробно рассматривая словари Н.М. Амбодика (1744–1812 гг.) и П.И. Карузина (1864–1939 гг.), каждый из которых был по существу энциклопедией анатомической терминологии своего времени, автор не упускает возможности и здесь дать краткое описание жизни этих ученых. Останавливается он и на создании в XX веке двух анатомических атласов – В.П. Воробьева (1876–1937 гг.) и Р.Д. Синельникова (1896–1981 гг.), а также на работах историка медицины Л.А. Змеева (1832–1901 гг.). Не забывает и анатомов, оставивших особый след в отечественной анатомии, таких как Д.Н. Зернов (1843–1917 гг.), Н.Ф. Мельников-Разведенков (1866–1937 гг.), В.Т. Тонков (1872–1954 гг.), М.Ф. Иваницкий (1895–1969 гг.), М.А. Гремяцкий (1887–1963 гг.).

И наконец, можно отметить раздел книги, посвященный истории первых появлений анатомических знаний в России. Это по существу исторический экскурс в прошлое анатомических знаний, зафиксированных в апокрифах, летописях, княжеских уставах, сборниках, травниках, лечебниках и других литературных памятниках древней Руси. Здесь можно выделить манускрипт, авторство которого приписывается княжне Добродее (XII в.), где приведены сведения, касающиеся вопросов педиатрии, болезней сердца, желудка, почек, и «Реестр из дохторских наук, сочиненный 7204 (1696) года Афанасием, архиепископом Холмогорским», составленный сподвижником Петра I монахом Афанасием. В этом разделе рассказывается также об истории создания аптекарского дела в России и заметных деятелях науки того времени.

Заканчивая обзор материала книги А.Строкиной «О российских анатомах-эпонимистах», следует сказать, что она представляет большой интерес не только для биологов, медиков, историков, но и для более широкой читательской аудитории. Содержащая интересные сведения, написанная хорошим литературным языком, иллюстрированная фотографическими изображениями, она, несомненно, является образцом для книг научно-популярного направления.

CONTENTS

Physical (biological) anthropology

- S.B. Borutskaya.* Proportions and robusticity of man's skeletons of burials of the early Bronze Age of the Samara Volga region 5
- A.P. Pestryakov, O.A. Fedorchuk.* Variations of some parameters of the cranium of different series of the modern age from Northern Eurasian territories 11

Ethnopolitical Studies

- Wang Jiangang.* Ethnic relations in Xinjiang Uighur Autonomous Region 27
- N.G. Gerasimov.* The performance of Syrian intellectuals on national identities (A Syrian community in Moscow) 54

Central Asia Studies

- Z.I. Kurbanova.* Traditional beliefs and views of Karakalpaks associated with clothes and adornment 64
- O.B. Naumova.* Girls behaviour in the bride kidnapping tradition (on Kyrgyzstan materials) 74
- An interview with Professor Fierman on language policy in Central Asia. 92

Anthropological Mosaic

- S.A. Arutiunov.* Triple laws and quasi-states in the Caucasus 109
- R.Sh. Zilnitskaya (Shlarba).* Changes in values of the modern Abkhaz youth 114

For students and postgraduate students

- N.L. Pushkareva.* The History of Everyday Life as a Field of Research: Analysing Historical and Anthropological Turn in Social Sciences. 121
- The Program of candidate examination «Ethnography, Ethnology, and Anthropology» of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences 141

Our Jubilee

- E.N. Mokshina., Y.N. Sushkova.* Life, dedicated to the Finno-Ugric studies: To the 80th anniversary of Nikolay Fedorovich Mokshin 164

In Memoriam

- M.M. Gerasimova.* About the anthropologist Leonid Teodorovich Yablonsky 173

Reviews

- S.V. Cheshko.* Review to: Indigenous language revitalization in the Americas / Edited by Serafin M. Coronel-Molina, Teresa L. McCarty. Routledge: New York and London, 2016. – 330 Pp. 181
- Yu.A. Yampolskaya.* Review to: *Строкина А.О.* О российских анатомах-эпонимистах. Saarbrücken, Deutschland: Lap Lambert Academic Publishing, 2015. – 111 P. 185

OUR AUTHORS

Sergey Arutyunov – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences.

E-mail: gusaba@iea.ras.ru.

Svetlana Borutskaya – Lomonosov Moscow State University. Department of Biology. Moscow, Russia.

E-mail: vasbor1@yandex.ru.

Sergei Cheshko – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

Email: ieamoscow@mail.ru.

Olga Fedorchuk – Lomonosov Moscow State University. Department of Biology. Moscow, Russia.

E-mail: lela.fed@yandex.ru.

Nikolai Gerasimov – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences.

E-mail: fox-race@yandex.ru.

Margarita Gerasimova – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: gerasimova.margarita@gmail.ru.

Wang Jiangang – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences.

E-mail: j.gang2005@gmail.com.

Zemfira Kurbanova – Institute of Humanities Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

E-mail: sapphire.ethno@gmail.com.

Elena Mokshina – Mordovia State University.

E-mail: ENM2112@mail.ru.

Olga Naumova – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences.

E-mail: olganaumova@mail.ru.

Alexander Pestryakov – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: labrecon@yandex.ru

Natalia Pushkareva – Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences.

E-mail: pushkarev@mail.ru.

Julia Sushkova – Mordovia State University.

E-mail: yulenkam@mail.ru.

Yulia Yampolskaya – Federal State Autonomous Institution «Scientific Center of Children's Health» Of the Ministry of Health of the Russian Federation. Moscow, Russia.

E-mail: yu.yamp@rambler.ru.

Rizza Zelnitskaya (Shlarba) – Russian Museum of Ethnography.

E-mail: riza81@yandex.ru.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ (АВТОРАМ)

Уважаемые авторы материалы принимаются на русском и английском языках

Авторы представляют два распечатанных экземпляра работы и файл, набранный в редакторе MS Word в формате DOC, шрифтом Times New Roman (кегель – 12) через два интервала, с нумерацией страниц. **Рекомендуемый объем статей – до 60 тыс. знаков с пробелами, рецензий – до 15 тыс. знаков с пробелами, обзоров литературы – до 30 тыс. знаков с пробелами, сообщений о научной жизни (конгрессы, конференции и т.п.) – до 10 тыс. знаков с пробелами.**

На титульной странице помещаются *Ф.И.О.* автора, название статьи, сведения об авторе (место работы, должность, ученая степень, домашний адрес, контактные телефоны, адрес эл. почты), подпись автора. Прилагаются краткое резюме (до 300 слов) и ключевые слова (5–7) на русском и английском языках. Название статьи указывается также на первой странице текста – фамилия автора здесь не указывается, чтобы обеспечить чистоту рецензирования.

Примечания помещаются в конце основного текста статьи, перед списком использованной литературы. Примечания должны иметь сквозную нумерацию арабскими цифрами по всей работе. В выходных данных книг следует указывать город, год и издательство.

Ссылки на литературу следует давать не с помощью номерных сносок, а посредством указания фамилии автора, года работы и страницы в скобках (например: *Иванов* 2014: 45). Если дается ссылка на сборник статей, вместо фамилии автора можно указывать либо фамилию ответственного редактора (или составителя сборника), либо одно или два слова из названия сборника. Если дается ссылка на материал, автор которого неизвестен (газетная заметка и т.д.), указывается также одно или два слова из начала заголовка материала (Наши будни 1999). Названия, удобные для сокращения, могут сокращаться: например, «Акты археографической комиссии» – в «ААК» (ААК 1962: 40–44); в этих случаях прилагается список сокращений. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать: «и др.» (*Смирнов и др.* 1985); в случае зарубежных изданий – «et al.» (*Smith et al.* 1970). При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* (в случае зарубежных изданий – латинские буквы *a*, *v*, *c*) к году издания (*Чернов* 1987a: 22; *Brown* 1964b: 35).

При ссылках на личные полевые материалы автора в списке литературы отдельно указывается не каждый информант, но конкретная экспедиция либо работа в конкретном районе, при этом в скобках указываются все информанты, рабочие тетради автора, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Например: ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Н-ский р-н Н-ский обл. Август 2002 г. (информанты – А.Б. Иванова, 1928 г.р.; К.А. Петрова, 1932 г.р.: и т.д.). В тексте статьи ссылки даются следующим образом (ПМА 1: Иванова).

Правильно:

Санин 2004 – Санин Г. Ингушский трамплин // Итоги, 2004. № 32 (www.itogi.ru).
Дятлова – Дятлова В.А. Немецкие поселения Енисейской губернии // История и культура немцев Сибири (http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib).

Неправильно:

Ингушский трамплин – http://www.itogi.ru/Paper2003.nsf/Article/Itogi_2003_8_
Дятлова – http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/germ_posel.htm

ЭТО ВАЖНО!

*Вводится новый подраздел **References**, представляющий собой латинизированный вариант подраздела «Научная литература». Транслитерация с кириллицы производится согласно системе Библиотеки Конгресса США (примеры и инструкции по транслитерации приведены в правилах оформления статей).*

References (латинизированный список)

Список «References» содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Транслитерация производится согласно системе Библиотеки Конгресса США. Порядок оформления публикаций в этом списке несколько отличается от оформления основных списков литературы в Вашей статье.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных, и делается по требованиям РИНЦ, Scopus и Web of Science.

Инструкции:

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx

В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» – скорее всего, это будет: Unicode [Русский язык]

В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]

Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку Convert посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей. Основная работа проделана: теперь Вам нужно исправить типичные мелкие ошибки и оформить список согласно правилам Web of Science.

2) Оформление литературы:**Шапка оформления ссылки на книгу:**

Familia I.O. Nazvanie knigi ili monografii. Gorod: Izdatel'stvo, 1988.

Шапка оформления ссылки на сборник научных статей:

Familia I.O. (ed.) Nazvanie sbornika statei. Gorod: Izdatel'stvo, 1988 (впереди указывается фамилия отв. редактора или составителя сборника)

Шапка оформления ссылки на статью в научном журнале:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala, 1988. No. 2. Pp. 64–74.

Шапка оформления ссылки на статью в научном сборнике:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie sbornika, I.O. Sostavitel (ed.). Gorod: Izdatel'stvo, 1988. Pp. 4–24 (где I.O. Sostavitel – это И.О. Фамилия отв. редактора или составителя сборника)

3) Типичные ошибки, которые следует поправить после автоматического транслитератора:

а) указания на «Том», «№», «С.» (страницы) издания должны быть переведены на англ. «vol.», «no.» и «pp.»

б) все сокращения городов должны быть развернуты: М. – в Moscow; СПб. – в St. Petersburg; Л. – в Leningrad; N.Y. – в New York; и т.д.

в) проверьте и поправьте цифры веков (XX, XIX и пр.) – в случае если Вы их набирали с помощью русских букв «X», то транслитератор автоматически переведет их в «Kh» (т.е. Вы увидите «KhKh в.» вместо «XX в.» «KhIKh в.» вместо «XIX в.» и т.д.)

г) имена зарубежных авторов не должны транслитерироваться, но должны даваться в оригинале.

Если Вы цитируете какие-либо работы по их русскоязычному переводу, то автоматический транслитератор превратит фамилию Маркс в Marks (необходимо поправить на Marx); Мосс в Moss (необх. поправить на Mauss); Леви-Строс в Levi-Stros (надо: Lévi-Strauss) и т.п.

д) курсивом в латинизированном списке выделяются только названия журналов (или др. периодических научных изданий), названия книг и сборников статей.

4) Примеры:

В итоге публикации из Вашего списка «Научная литература» должны выглядеть следующим образом в списке «References»:

Moss 1996 – Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Tруды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996.

Mauss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii. Moscow: Vostochnaia literatura 1996.

Бернштам 1983 – Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983.

Bernshtam 1983 – Bernshtam T.A. Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX – nachale XX v. Leningrad: Nauka, 1983.

При оформлении материалов по физической антропологии следует соблюдать следующие дополнительные условия.

В начале статьи необходимо указать код универсальной десятичной классификации (УДК). Рекомендуемая структура текста: **Введение, Постановка проблемы, Материалы и методы, результаты и их обсуждение, Заключение, Литература.**

Стилевое оформление:

При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов с проставлением знака переноса, а просто автоматический перенос. Не допускать перенос одного слога в

конце абзаца (можно не менее 4 знаков).

Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть раскрыты при первом появлении их в тексте.

Дефисы, где этого требует правила орфографии, исправить на тире (- → – [Ctrl “_” самая правая верхняя кнопка на клавиатуре]). Тире ставится во всех случаях кроме «дефиса» по правилам русского языка, например,

Правильно: красно-коричневый, но 1990–1991 гг.

Неправильно: 1990-1991 гг.

В датах тире ставится без пробела (1990–1991)

После десятилетий полностью пишется слово «годы», например 1990-х годов, после даты, коротко г. , например, 1970 г.

Кавычки в основном тексте «», в тексте уже внутри цитаты “”.

Правила оформления литературы

Литература

Бутинов 1975 – *Бутинов Н.А.* Путь к Берегу Маклая. Хабаровск, 1975.

Иванова 2010а – *Иванова Л.А.* Н.Н. Мишутушкин и выставка «Этнография и искусство Океании» (к 80-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение, 2010. № 2. С. 97–106.

Иванова 2010б – *Иванова Л.А.* Николай Николаевич Мишутушкин (05.10.1929 – 02.05.2010) // Этнографическое обозрение, 2010. № 5. С. 189–191.

Филатов 2002 – *Филатов С.Б.* Послесловие. Религия в постсоветской России // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 470–484.

References

Butinov N.A. Put' k Beregu Maklaia. Khabarovsk, 1975.

Ivanova L.A. N.N. Mishutushkin i vystavka “Etnografiia i iskusstvo Okeanii” (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia) // Etnograficheskoe obozrenie, 2010. No. 2. Pp. 97–106.

Meliksetova I.M. Vstrecha s Okeaniei 70-kh godov. Moscow, 1976.

Filatov S.B. Posleslovie. Religiiia v postsovetskoii Rossii // Religiiia i obshchestvo: Ocherki religioznoi zhizni sovremennoi Rossii. Moscow; St. Petersburg: Letnii sad, 2002. Pp. 470–484.

ФОТО, ГРАФИКИ, ДИАГРАММЫ и РИСУНКИ

Размер файла в формате jpeg – 600 dpi. Файл подается отдельно от статьи (в текст не вставляются), в тексте указывается ссылка на рисунок (например, рис. 1).

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

НОВАЯ СЕРИЯ

2016. № 3 (35)

*Выпускающий редактор – Н.А. Белова
Компьютерная верстка – Н.А. Белова
Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова
Поддержка сайта – Н.В. Хохлов*

Подписано к печати 10.10.2016
Формат 70х108/16. Усл. печ. 9,2
Тираж 500 экз. Заказ № 109
Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Начальник участка – *В.М. Маршанов*
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А